

С. М. СОЛОВЬЕВ

ПУБЛИЧНЫЕ ЧТЕНИЯ
О ПЕТРЕ
ВЕЛИКОМ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

С. М. СОЛОВЬЕВ

ПУБЛИЧНЫЕ ЧТЕНИЯ
О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

Подготовка текста,
статья и комментарии
Л. Н. ПУШКАРЕВА

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. И. БУГАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО 'НАУКА'

МОСКВА • 1984

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

*К. Э. Ашрафян, Г. М. Бонгард-Левин,
В. И. Буганов (заместитель председателя),
Е. С. Голубцова, С. С. Дмитриев, В. А. Дунаевский, В. А. Дьяков,
М. П. Ирошников, Г. С. Кучеренко, Г. Г. Литаврин, М. В. Нечкина,
А. П. Новосельцев, А. В. Подосинов (ученый секретарь), Л. Н. Пущкарев,
В. И. Рутенбург, А. М. Самсонов (председатель), В. А. Тишков,
Э. В. Удальцова (заместитель председателя)*

Секретарь серии
О. В. Матвеева

С. М. СОЛОВЬЕВ

Рисунок П. Ф. Бореля, гравюра Серякова

ОТ РЕДАКЦИИ

Эта книга знакомит читателя с выдающимся памятником русской исторической и общественно-политической мысли 70-х годов XIX в.— «Публичными чтениями о Петре Великом» Сергея Михайловича Соловьева.

Крупнейший буржуазный историк С. М. Соловьев внес существенный вклад в изучение одного из важных периодов истории нашей страны — эпохи преобразований первой четверти XVIII в. Написанные в 1872 г. к 200-летию юбилею Петра I, в пору расцвета творческих сил ученого — Соловьев был уже не только ректором Московского университета, но и признанным главой московской школы историков, автором уникального в своем роде многолетнего труда «История России с древнейших времен» — «Публичные чтения...» сразу стали заметным явлением в общественной жизни России.

Будучи трудом оригинальным, с точки зрения теории и методологии, «Публичные чтения...» вместе с тем типичны для литературы и общественной мысли 70-х годов прошлого века: именно в это время заметно рос авторитет истории как науки, появлялись новые исторические журналы, а историками, особенно историками-разночинцами, выдвигались новые концепции, пробуждался интерес широких читательских масс к истории, к общественным проблемам, которые стали активно обсуждаться в периодической печати, ранее это случалось лишь на страницах специальных изданий.

Многие проблемы, затронутые автором в «Публичных чтениях...», решались им с идеалистических позиций, в этом, к сожалению, проявилась буржуазная ограниченность ученого, но и сегодня в его труде мы найдем интереснейшие мысли о творческой роли народных масс, о своеобразии исторического пути России. Взгляды С. М. Соловьева на историческую обусловленность петровских преобразований, на роль государства и отдельных великих личностей в истории выражены предельно четко.

«Публичные чтения...» — это значительный вклад в историографию эпохи преобразований. Влияние этого труда на развитие исторической мысли последующего периода переоценить трудно: русская буржуазная наука не создала ничего более значительного в этой области. «Публичные чтения...» остались непревзойденным образцом исследования петровского времени.

Мастерство изложения, ясный точный язык, образное описание событий, умение отбирать факты, выделять самое типичное и характерное — все это отличает «Публичные чтения...», поэтому вполне понятно, почему из творческого наследия С. М. Соловьева для издания в серии «Памятники исторической мысли» выбран именно этот труд.

«Публичные чтения...» трижды издавались в конце прошлого века. Первое советское издание осуществлено учеными МГУ

в 1983 г., но уже успело стать библиографической редкостью, читательский интерес к этой книге по-прежнему велик.

За основу этой публикации взято первое издание «Публичных чтений...» 1872 г., орфография и пунктуация приняты современные. Как дополнение публикуются некоторые архивные материалы, ранее неизвестные читателю и отражающие историю создания лекций. В комментарии, кроме необходимых сведений, даны ссылки на исследования советских авторов по эпохе преобразований первой четверти XVIII в. Иллюстрации помогут читателю представить обстановку, в которой состоялись чтения.

«Публичные чтения о Петре Великом», несомненно, с интересом будут встречены широкой научной общественностью, всеми, кто интересуется историей нашей Родины.

ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ

О

ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ

С. М. СОЛОВЬЕВА,

ИЗДАНЫЯ

ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ КОМИТЕТА КОМИССИИ МОСКОВСКОЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНО-
ГРАФИИ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

УПОЛНОМОЧЕННЫМЪ

ОТЪ КОМИТЕТА ВЫСТАВКИ

ТИПОГ.-ИЗДАТ.

С. П. ДУРНОВО.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (КАТКОВЪ И К)
НА СТРАЖАНСКОМЪ ПРИБЛИЖЕНІИ.

1872.

Титульный лист первого издания «Публичных чтений о Петре Великом»
С. М. Соловьева
(М., 1872)

ЧТЕНИЕ ПЕРВОЕ¹

ММ. ГГ.

Проходит 200 лет с того дня, как родился великий человек². Отовсюду слышатся слова: надобно праздновать двухсотлетний юбилей великого человека; это наша обязанность священная, патриотическая обязанность, потому что этот великий человек наш, русский человек. Наука, ученое общество при университете хлопочет о воздвигнутии памятника небывалого, достойного деятельности великого человека. Священная патриотическая обязанность! Сильные слова, способные возбудить сильное чувство; но чем сильнее чувство, чем священнее предмет, на который оно направлено, тем более предосторожностей должно быть употреблено для его разумного направления. Что праздновать и как? Первый вопрос, который здесь задает человек, способный разумно относиться к каждому явлению, способный допрашивать это явление о его смысле, а не подчиняться ему безотчетно. Таким образом, первая обязанность общества образованного: разъяснить для себя значение деятельности великого человека; сознать свое отношение к этой деятельности, к ее результатам; узнать, во сколько эти результаты вошли в нашу жизнь, что они произвели в ней, какое их значение для настоящего, для будущего; иначе праздник будет праздным. И мы собрались здесь накануне праздника, чтобы приготовиться к нему; накануне праздника усиливается работа для человека, который хочет светло, достойно праздновать; во имя величайшего из тружеников Русской земли приглашаю вас, господа, к труду — обозреть труд его, подумать над ним.

Двухсотлетний юбилей великого человека — это значит, что мы обладаем материалами, средствами оценивать его величие, накопившимися в продолжение 200 лет. Каждое историческое явление объясняется рядом предшествовавших явлений и потом всем последующим. 200 лет думал русский человек о Петре, и, говоря это, мы не подвергаемся обвинению в большой неточности, потому что великий человек, о котором идет речь, является в истории очень рано, 10 лет — и является на самом видном месте; следовательно, вычет не велик. 200 лет без чего-нибудь русский человек думал о Петре, думал постоянно: что же он надумал?

Думая о Петре, думая о том, за что называют его великим человеком, разумеется, русский человек должен был думать и о том, что такое великий человек вообще. Бывают в жизни народов времена, по-видимому, относительно тихие, спокойные: живется как жилось издавна, и вдруг обнаруживается необыкновенное движение, и дело не ограничивается движением внутри известного народа, оно обхватывает и другие народы, которые претерпевают на себе следствия движения известного народа. Человека, начавшего это движение, совершавшего его; человека, по имени которого знают его время потомки, такого человека называют великим. В то время, когда народы живут в первый возраст своего

бытия,— возраст юный, для большинства народного очень продолжительный, когда люди поддаются господству чувства и воображения, тогда великие люди являются существами сверхъестественными, полубогами. Понятно, что при таком представлении великий человек является силою, не имеющею никакого отношения к своему веку и своему народу, силою, действующей с полным произволом; народ относится к ней совершенно страдательно, бессознательно, безусловно подчиняется ей, страдательно носит на себе все следствия ее деятельности; великому человеку принадлежит почин во всем, он создает, творит все средствами своей сверхъестественной природы.

Христианство и наука дают нам возможность освободиться от такого представления о великих людях. Христианство запрещает нам верить в богов и полубогов, наука указывает нам, что народы живут, развиваются по известным законам, проходят известные возрасты, как отдельные люди, как все живое, все органическое; что в известные времена они требуют известных движений, перемен, более или менее сильных, иногда отзывающихся болезненно на организме, смотря по ходу развития, по причинам, корнящимся во всей предшествовавшей истории народа. При таких движениях и переменах, при таком переходе народа от одного порядка жизни своей к другому, из одного возраста в другой люди, одаренные наибольшими способностями, оказывают народу наибольшую помощь, наибольшую услугу: они яснее других сознают потребность времени, необходимость известных перемен, движения, перехода и силою своей воли, своей неутомимой деятельности, побуждают и влекут меньшую братию, тяжелое на подъем большинство, робкое перед новым и трудным делом. Как люди, они должны и ошибаться в своей деятельности, и ошибки эти тем виднее, чем виднее эта деятельность; иногда по силе природы своей и силе движения, в котором они участвуют на первом плане, они ведут движение за пределы, назначенные народною потребностью и народными средствами. Это производит известную неправильность, остановку в движении, часто заставляет делать шаг назад, что мы называем реакцией, но эта неправильность временная, а заслуга вечная, и признательные народы величают таких людей великими и благодетелями своими.

Таким образом, великий человек является сыном своего времени, своего народа, он теряет свое сверхъестественное значение, его деятельность теряет характер случайности, произвола; он высоко поднимается как представитель своего народа в известное время, носитель и выразитель народной мысли; деятельность его получает великое значение, как удовлетворяющая сильной потребности народной, выводящая народ на новую дорогу, необходимую для продолжения его исторической жизни. При таком взгляде на значение великого человека и его деятельности высоко понимается народ; его жизнь, история является целью, органическою,

неподверженную произволу, капризу одного сильного средствами человека, который может остановить известный ход развития и толкнуть народ на другую дорогу вопреки воле народной. История народа становится достойной изучения, представляет уже не отрывочный ряд биографий, занимательных для воображения людей, остановившихся на детском возрасте, но дает связное и стройное представление народной жизни, питающее мысль зрелого человека, который углубляется в историю как науку народного самопознания.

В двести без чего-нибудь лет, пережитых Россией со дня рождения Петра, русская мысль относилась различно к этому великому человеку и его деятельности. Различие взглядов происходило, во-первых, от громадности дела, совершенного Петром, и продолжительности влияния этого дела; — чем значительнее какое-нибудь явление, тем более разноречивых взглядов и мнений порождает оно, и тем долее толкуют о нем, чем долее ощущают на себе его влияние; во-вторых, оттого, что русская жизнь не остановилась после Петра, и при каждой новой обстановке ее мыслящий русский человек должен был обращаться к деятельности Петра, результаты которой оставались присущими при дальнейшем движении, и обсуждать ее, применять к новым условиям, новой обстановке жизни; в-третьих, разность взглядов на деятельность Петра зависела от незрелости у нас исторической науки³, от неустановленности основных начал при изучении жизни народов: то применяли к русской истории неподходящую мерку истории чужих народов, отчего происходили странные выводы; то, наоборот, изучали русскую историю совершенно особняком, не подозревая, что при всем различии своем она подчиняется общим основным законам, действующим в жизни каждого исторического народа. Я говорю о разноречиях серьезных, высказывавшихся людьми серьезными, — людьми, честно относившимися к вопросам настоящего, и, по их связи с прошедшим, затрагивавшими и последнее. Но нельзя не упомянуть о печальном явлении, о выходках против Петра, происходивших от детской привычки увлекаться каким-нибудь движением до такой степени, что, не разбирая, начинают считать враждебным этому движению то, что вовсе ему не враждебно, от детской привычки говорить не подумавши, не изучивши, от дурного детского попопзновения бросить в кого-нибудь камнем, грязью, не посмотревши внимательно, можно ли с этим кем-нибудь так обращаться безнаказанно, т. е. без умаления собственного человеческого и народного достоинства.

Долго относились у нас к делу Петра неисторически: как в благоговейном уважении к этому делу, так и в порицании его. Поэты позволяли себе воспевать: «Он бог твой, бог твой был, Россия»⁴. Но и в речи более спокойной, не поэтической, подобный взгляд господствовал; приведение Петром России от небытия к бытию было общеупотребительным выражением⁵. Я назвал

такой взгляд неисторическим потому, что здесь деятельность одного исторического лица отрывалась от исторической деятельности целого народа; в жизнь народа вводилась сверхъестественная сила, действовавшая по своему произволу, причем народ был осужден на совершенно страдательное отношение к ней. Многовековая жизнь и деятельность народа до Петра объявлялась несуществующей; России, народа русского не было до Петра: он сотворил Россию, он привел ее из небытия в бытие. Люди, которые обнаружили несочувствие к делу Петра, вместо противодействия крайности приведенного взгляда, перегнули дугу в противоположную сторону; крайности сошлись, и опять надобно было проститься с историей. Россия по новому взгляду не только не находилась в небытии до Петра, но наслаждалась бытием правильным и высоким; все было хорошо, нравственно, чисто и свято; но вот явился Петр, который нарушил правильное течение русской жизни, уничтожил ее народный свободный строй, попраля народные нравы и обычаи, произвел рознь между высшими и низшими слоями народонаселения, заразил общество иноземными обычаями, устроил государство по чуждому образу и подобию, заставил русских людей потерять сознание о своем, о своей народности. Опять божество, опять сверхъестественная сила; опять исчезает история народа, развивающаяся сама из себя по известным законам, при влиянии особенных условий, которые и отличают жизнь одного народа от жизни другого.

Понятно, что оба взгляда, по-видимому, противоположные, но в сущности одинаково неисторические, не могут держаться при возмужалости науки, когда более внимательные наблюдения над исторической жизнью народов должны были повести к отрицанию таких сверхъестественных явлений в этой жизни, когда убедись, что всякое явление, как бы оно ни было громко, как бы ни изменяло, по-видимому, народный строй и образ, есть необходимо результат предшествовавшего развития народной жизни. Действительно, возьмем народ, находящийся на первоначальной ступени развития, какой-нибудь кочевой народ в Средней Азии, каких-нибудь монголов. Такие народы, по простоте своего быта, особенно бывают подвержены сильному влиянию внешних случайных явлений, произволу отдельных лиц. Мы видим, что среди этих народов являлись иногда владельцы, ханы, одаренные необыкновенною энергиею, честолюбием, которые в более или менее продолжительное время успевают одолеть, уничтожить других ханов, сплотить мелкие, до тех пор разделенные орды в одну огромную массу и двинуть ее на опустошение, завоевание отдельных стран, вследствие чего образуются обширные владения. Здесь действительно мы видим, что народы страдательно подчиняются влиянию своих великих людей, своих Чингис-ханов и Тамерланов. О народе не слышно до появления этого Чингис-хана или Тамерлана: он ничто для истории, находится в небытии; одною волею знаме-

нитого хана он приводится в бытие, делается известным, сильным, господствующим. Но и здесь мы видим, что эти великие люди степей, Чингис-ханы и Тамерланы, суть дети своего народа, не делают ничего, что бы выходило из границ его быта, его потребностей, не изменяют ничего в этом быте. Народ и до них был хищный, и до них обнаруживал свое существование чисто физическими движениями, грабежами, опустошениями, только в малых размерах; благодаря способностям, сильной воле одного человека, они это делают теперь в больших размерах, и в этом заключается вся разница. Умирает великий человек — и основанное им громадное владение начинает распадаться, и народ, всколыханный им, приходит в прежнее состояние, к прежнему историческому небытию. Что же делает здесь великий человек? Только то, на что способен его народ, на что дает ему средства; народ может внешним механическим образом соединиться волею, силою одного лица; при отсутствии этой воли и силы распадается: только то мы и видим в степной истории; внутренних перемен, перемен в быте великий человек произвести не может; если бы захотел, то ничего бы не сделал, погиб бы в бесплодных попытках. Но в том-то и дело, что он и не хочет этого, не чувствует и не сознает потребности в этом, ибо он, сын своего народа, не может чувствовать и сознавать того, чего не чувствует и не сознает сам народ, к чему не приготовлен предшествовавшим развитием, предшествовавшей историей. Великий человек дает свой труд, но величина, успех труда зависит от народного капитала, от того, что скопил народ от своей предшествовавшей жизни, предшествовавшей работы, от соединения труда и способностей знаменитых деятелей с этим народным капиталом идет великое производство народной исторической жизни.

Но если произвол одного лица, как бы сильно это лицо ни было, не может переменить течение народной жизни, выбить народ из его колеи при самых простых, первоначальных формах быта, не может сделать этого с народом-младенцем, народом неисторическим⁶, то тем менее это возможно в народе, который уже прожил много веков исторической жизнью, который развил свои силы в многотрудной деятельности внутренней, и каким был русский народ до Петра. Допустить в великом движении этого народа перерыв, уклонение, допустить в перемене бытовых форм измену началам народной жизни, и все это по воле одного человека, — значит низвести великий, исторический народ ниже кочевых народов Средней Азии⁷. Наука не позволяет этого, господа! Не спрашиваю, может ли позволить это ваше чувство, ваш патриотизм? Народ, живший долгой и славной исторической жизнью и чувствующий в себе способность к продолжению этой жизни, радуется великою радостью, вспоминая о великом человеке и его деле, наполняется праведным самодовольством, ибо в великом человеке видит «плоть от плоти своя и кость от костей своих»⁸.

Народ не отречется от своего великого человека, ибо такое отречение для народа есть самоотречение.

Если великий человек есть сын своего времени и своего народа; если его деятельность есть результат всей предшествовавшей истории народа; если эта деятельность дает уразумевать прошедшее, — а изучение всего прошедшего необходимо для ее уяснения; — если великие люди суть светила, поставленные в известном расстоянии друг от друга, чтоб освещать народу исторический путь, им пройденный, уяснять связь, непрерывную, тесно сомкнутую цепь явлений, а не разрывать эту связь, не спутывать кольца цепи, не вносить смуту в сознание народа о самом себе, — то из этого ясно, как трудна становится биографическая задача изображения деятельности одного исторического лица. Успех выполнения этой задачи, удовлетворительное представление характера и деятельности великого человека зависит от того, как ясно представляется для биографа целостный образ народа, возникший перед ним из внимательного рассмотрения всего исторического пути, совершенного народом. Отсюда понятно, почему у нас так долго не было истории Петра Великого⁹, несмотря на попытки писать или заставлять писать эту историю. Были похвальные слова Петру, сборники материалов, расположенных по годам и перемешанных восторженными восклицаниями; были стихи в честь ему и хульные выходки в стихах и прозе, но не было истории: нельзя было воздвигать здание, когда не было почвы для него; почва для истории великого человека есть история народа.

Из сказанного ясно, что для уяснения значения Петра В[еликого] мы должны обратиться к предшествовавшей ему истории русского народа, допроситься у нее, что это был за переворот, с которым мы привыкли соединять имя Петра, откуда произошел этот переворот, для чего понадобился. Для получения удовлетворительного ответа не должно мудрствовать, надобно смотреть как можно проще. Все органическое подлежит развитию, подлежит ему отдельный человек, подлежат ему и живые тела, составленные из людей, народы: развитие происходит более или менее правильно, быстро или медленно, достигает высоких степеней, или останавливается на низших, все это зависит от причин внутренних, корящихся в самом организме, или от влияний внешних¹⁰. Органическое тело, народ, растет, растет внутри себя, обнаруживая скрытые в нем изначала условия здоровья или болезни, силы или слабости и в то же время подчиняясь благоприятным или неблагоприятным внешним условиям, из которых главное как для отдельного человека, так и для целого народа — это условие живого окружения, общества, ибо могущественные побуждения к развитию и формы этого развития даются обществом для отдельного человека, для народа — другими народами, с которыми он находится в постоянной связи, в постоянном общении. Органическое

тело, народное тело, растет, значит, проходит известные возрасты, различающиеся друг от друга, легко отличаемые.

Легко отличаются два возраста народной жизни: в первом возрасте народ живет преимущественно под влиянием чувства; это время его юности, время сильных страстей, сильного движения, обыкновенно имеющего следствием жидкость, творчество политических форм. Здесь, благодаря сильному огню, куются памятники народной жизни в разных ее сферах или закладываются основания этих памятников. Наступает вторая половина народной жизни: народ мужает, и господствовавшее до сих пор чувство уступает мало-помалу свое господство мысли. Сомнение, стремление проверить то, во что прежде верилось, задать вопрос — разумно или неразумно существующее, потрясти, пошатать то, что считалось до сих пор непоколебимым, знаменует вступление народа во второй возраст, или период, период господства мысли¹¹.

Историк не должен отдавать преимущества одному из этих возрастов перед другим, пристрастно относиться к тому или другому. О вкусах не спорят; пусть один говорит, что ему нравится растение особенно тогда, когда оно одевается первую свежую зеленью; другой приходит в восторг от цветка; третий скажет: «Что цвет? Поскорее бы он увядал, поскорее бы завязывался и созрел плод!» Но все это ненаучное дело. Историк знает, что при этом движении, которое называется развитием, с приобретением или усилением одного начала, одних способностей, утрачиваются или ослабляются другие. Человек возмужал, окреп чрез упражнение мысли, чрез науку и опыт жизни приобрел бесспорные преимущества, и между тем горько жалеет о невозвратно минувшей юности, о ее порывах и страстях; мудрец жалеет о заблуждениях: значит, в этом пережитом возрасте было что-то очень хорошее, что утратилось при переходе в другой возраст. В тот возраст народной жизни, когда господствует чувство, возраст сильных и страстных движений, возраст подвигов, народ страстно относится к предметам своих привязанностей; он сильно любит и сильно ненавидит, не давая себе отчета о причинах своей привязанности и вражды. Стоит только сказать ему, что предмет его привязанности в опасности; стоит подняться священному для него знамени, он собирается, несмотря на все препятствия; он жертвует всем: чувство дает ему силу, способность совершать громадные работы, воздвигать здания не материальные только, но и политические. Сильные государства, крепкие народности, твердые конституции выковываются в этот возраст, в этот период господства чувства. Но этот же период знаменуетя явлениями вовсе непривлекательными: чувство не сдерживается мыслию, знание слишком слабо, суеверие и фанатизм ведут к самым печальным явлениям, неопределенность отношений очищает произволу, силе сильного обширное поле, и что кажется так прекрасно, так

поэтично издали на картине или на театральной сцене, то, приближенное к нашим глазам научными средствами, изученное подробно, является в отталкивающей обстановке.

Но точно так же односторонне признавать за вторым периодом безусловное превосходство над первым. Период господства мысли, который красится процветанием науки, просвещением, имеет свои темные стороны. Усиленная умственная деятельность может скоро обнаружить свое разлагающее действие и свою слабость в деле созидания. Чувство считает известные предметы священными, неприкосновенными; оно раз определило к ним отношения человека, общества, народа и требует постоянного сохранения этих отношений. Мысль начинает считать такие постоянные отношения суеверием, предрассудком; она свободно относится ко всем предметам, одинаково все подчиняет себе, делает предметом исследования, допрашивает каждое явление о причине и праве его бытия, причем необходимо ставит человека в холодное отношение к каждому явлению. Чувство, например, определяет отношение к своему и чужому таким образом, что свое имеет право на постоянное предпочтение пред чужим; народы, живущие в период господства чувства, остаются верны этому определению; но постоянная верность ему ведет к неподвижности. Если народ способен к развитию, способен вступить во второй период или второй возраст своей жизни, то движение обыкновенно начинается знакомством с чужим; мысль начинает свободно относиться к своему и чужому, отдавать преимущество жизни народов чужих, опередивших в развитии находящихся уже во втором периоде. Выведши народ в широкую сферу наблюдений над множеством явлений в разных странах, у разных народов, в широкую сферу сравнений, соображений и выводов, покинув вопрос о своем и чужом, мысль стремится переставить отношения на новых общих началах; но ее определение отношений не имеет уже той прочности, ибо каждое определение подлежит, в свою очередь, критике, подкапывается, является новое определение, по-видимому, более разумное, но и то, в свою очередь, подвергается той же участи. Старые верования, старые отношения разрушены; в новое, беспрестанно изменяющееся, в многообразные, борющиеся друг с другом противоречивые толки и системы верить нельзя. Раздаются скорбные вопли: где же истина? Что есть истина? Дерево познания не есть древо жизни! Червь сомнения подтачивает все! Общество погибает, потому что чувство иссякает, не умеряет мысли! Ставится страшный вопрос, что выиграл человек, перешедши из одной крайности в другую, променявши суеверие на неверие?

Таковы опасности, могущие грозить отдельным людям и целым народам при переходе из одного возраста в другой. Заботливые и опытные отцы и матери хорошо знают эти опасности. Сколько с их стороны бессонных ночей и горячих слезных молитв, чтоб бог сохранил молодого человека от увлечений того широкого пути,

на который он вступает; чтоб предавшись новому, не забыл он всего старого, не отрекся от тех начал, на которых был воспитан, не обратился к ним с враждой. Сколько примеров, что, не могши победить страха пред опасностями, грозящими молодому человеку при переходе через порог семьи, родители решались отказать ему в средствах высшего образования, не пуская в высшее учебное заведение. Предосторожность напрасная! Ранее или позднее человек должен исполнить закон своего развития, должен исполнить его и целый народ.

Нам не нужно долго останавливаться на примерах, укажем только на самые знакомые и близкие к нам, причем окажутся и те побуждения, те средства, благодаря которым народ переходит из одного возраста в другой. Мы беспрестанно употребляем выражение: человек развитый и неразвитый, образованный и необразованный, и знаем, что средством для приобретения этой развитости прежде всего служит переход из узкого замкнутого круга, из узкого замкнутого общества в более широкий круг, в более многочисленное общество. Сельский житель отличается меньшею развитостью, потому что живет в тесном уединенном кругу, где видит все одни и те же предметы и явления; где господствует простота быта, простота отношений — и отсюда детская простота взглядов на все окружающее, привычка останавливаться на внешности, не углубляться в сущность явлений. Горожанин развитее сельского жителя потому, что круг, в котором обращается горожанин, шире, общество людей многочисленнее; одиночество останавливает развитие; общение с другими людьми, уясняя мысль, условливает развитие; но чтоб плодотворно меняться мыслями, надобно о чем-нибудь думать; надобно, чтоб мысль возбуждалась широтою круга и разнообразием предметов; город дает именно эту широту и разнообразие, и потому горожанин развитее сельчанина¹². Другое могущественное средство развития дает школа, наука, посредством которых человеку делается доступен весь мир, и не только настоящее этого мира, но и его прошедшее. Этими двумя средствами развивается каждый отдельный человек, ими развиваются и целые народы.

Народы, живущие особняком, не любящие сближаться с другими народами, жить с ними общею жизнью, — это народы наименее развитые; они живут, так сказать, еще в сельском, деревенском быту. Самым сильным развитием отличаются народы, которые находятся друг с другом в постоянном общении; таковы народы европейско-христианские. Но понятно, что для плодотворности этого общения необходимо, чтоб народ встречался, общался с таким другим народом или народами, с которыми могла бы установиться мена мыслей, знания, опытности, от которых можно было бы что-нибудь занять, чему-нибудь научиться. Переход народа из одного возраста в другой, т. е. сильное умственное движение в нем начинается, когда народ встречается с другим наро-

дом более развитым, образованным, и если различие в степени развития, в степени образованности между ними очень сильно, то между ними естественно образуется отношение учителя к ученику: закон, которого обойти нельзя. Так, римляне, народ, стремившийся к завоеванию всего известного тогда мира, встретившись с греками, народом, отжившим свой исторический век, преклонились пред ними, и отдали им себя в науку, и чрез эту греческую науку перешли во второй возраст своего исторического бытия.

Но еще ближе к нам пример народов наших ровесников, новых европейско-христианских народов, народов Западной Европы. Они совершили свой переход из одного возраста в другой в XV и XVI веках также посредством науки, чужой науки, чрез открытие и изучение памятников древней греко-римской мысли. По общему закону они пошли в науку к грекам и римлянам. В ревностном служении своем новому началу, они отнеслись враждебно к прожитому ими возрасту, к своей древней истории, к господствовавшему там началу, к чувству и последствиям этого господства. Свою новую жизнь, красившуюся для них развитием мысли под влиянием древней, чужой науки, они противопоставили своей прежней жизни, как бытие небытию. Отуманенные новыми могущественными влияниями, относясь враждебно к прожитому ими возрасту, они до того потеряли смысл к явлениям этого возраста, что не видели в нем своей древней истории, результаты которой имели жить в них, в их новой истории, как бы они ни старались отчураться от них именами Платонов, Аристотелей и Цицеронов. Для них древняя история была преимущественно история греков и римлян, к которым как своим учителям, духовным отцам, возродившим их к новой жизни, они непосредственно примыкали свою новую историю, а свою собственную древнюю историю они вставили, как что-то странное, плохо понимаемое, межеумочное, ни то ни се, среднее, откуда и название средней истории — истории средних веков.

Так совершился переход из одного возраста в другой, из древней истории в новую, для народов Западной Европы, народов романского и германского племени¹³. Но дошел черед и до нас, народа Восточной Европы, народа славянского. Наш переход из древней истории в новую, из возраста, в котором господствует чувство, в возраст, когда господствует мысль, совершился в конце XVII и начале XVIII века. Относительно этого перехода мы видим разницу между нами и нашими европейскими собратьями, разницу на два века.

Мы должны уяснить себе причины этого явления, чтоб понять условия, в которых совершился самый переход, или так называемое преобразование. Общий смысл его, надеюсь, теперь совершенно ясен, ясна его необходимость для каждого исторического, развивающегося народа, его характер и независимость от произвола исторического лица, которое может быть видным, главным деятелем.

лем, но не творцом явления. истекающего из общих законов народной жизни. В такое отношение наука ставит народ к великому историческому деятелю. Только великий народ способен иметь великого человека, сознавая значение деятельности великого человека, мы сознаем значение народа. Великий человек своею деятельностью воздвигает памятник своему народу; какой же народ откажет в памятнике своему великому человеку? ¹⁴

ЧТЕНИЕ ВТОРОЕ ¹⁵

В прошедший раз я старался уяснить смысл так называемого в нашей истории петровского преобразования: мы видели, что это было не иное что, как естественное и необходимое явление в народной жизни, в жизни исторического, развивающегося народа, именно переход из одного возраста в другой — из возраста, в котором преобладает чувство, в возраст, в котором господствует мысль. Я указал на тождественное явление в жизни западных европейских народов, которые совершили этот переход в XV и XVI веках; Россия совершила его двумя веками позже. Быть может, некоторые ждали другого выражения, именно, что мы отстали от западно-европейских народов на два века; но это последнее выражение не может быть употребляемо по своей неточности. Два живых существа начали движение вместе по одной дороге, при равных условиях, и одно очутилось назади, отстало: первая мысль здесь, что, при равенстве внешних условий, различие необходимо заключается во внутренних условиях, в том, что отставший слабее того, кто ушел вперед. Но движение народов по историческому пути нельзя сравнивать вообще с беганьем детей взапуски или конскими бегами, к которым прилагается слово: отстать. В историческом движении может быть совершенно другое: здесь внутренние силы, средства могут быть равные или даже их может быть больше у того, кто движется медленнее, но внешние условия разные, и они-то заставляют двигаться медленнее, задерживают, и потому надобно внимательно отличать отсталость, происходящую от внутренней слабости при равенстве внешних условий, и задержку, происходящую от различия, неблагоприятности внешних условий при равенстве внутренних. В данном случае мы должны именно употреблять второе выражение, ибо русский народ как народ славянский принадлежит к тому же великому арийскому племени, племени — любимцу истории ¹⁶, как и другие европейские народы, древние и новые, и подобно им имеет наследственную способность к сильному историческому развитию; одинаково у него с новыми европейскими народами и другое могущественное внутреннее условие, определяющее его духовный облик — христианство. Следовательно, внутренние условия и средства равны, и внутренней слабости и потому отсталости мы пред-

полагать не можем; но когда обратимся к условиям внешним, то видим чрезвычайную разницу, бросающуюся в глаза неблагоприятность условий на нашей стороне, что вполне объясняет задержку развития.

Известны выгодные условия для исторического развития, которые европейские народы находят в географических формах своей части света: выгодные для промышленного и торгового развития отношения моря к суше; выгодное для быстроты исторического развития разделение на многие небольшие, хорошо защищенные государственные области, разделение, а не отчуждение, производимое в других частях света степями и слишком высокими горами, умеренность климата и т. д. Но все эти благоприятные условия сосредоточены в западной части Европы, а нет их у нас на восточной, представляющей громадную равнину, страдающую отсутствием моря и близостью степей. Причины задержки развития в неблагоприятных внешних условиях ясны, следовательно, для нас с первого взгляда. При первом же взгляде на карту нас поражает громадность русской государственной области; но обширность государственной области имеет важное значение при известных условиях, при единстве народонаселения, при достаточном его количестве сравнительно с обширностью и при образованности народа. Понятно, что при равенстве этих условий из двух государств сильнее то, которое больше другого; но при отсутствии этих условий обширность государства не только не дает ему силы сравнительно с небольшим государством, обладающим этими условиями, но и служит главным препятствием народному развитию¹⁷. В истории нашего народа это тем более чувствительно, что Россия родилась с обширной государственной областью и с ничтожным относительно народонаселением. Понятно, что общая жизнь, общая деятельность в народе может быть только тогда сильна, когда народонаселение сосредоточено на таких пространствах, которые не препятствуют частому сообщению; когда существует в небольшом расстоянии друг от друга много таких мест, где сосредоточивается большое народонаселение, — мест, называемых городами, в которых, как мы уже видели, развитие происходит быстрее, чем среди сельского народонаселения, живущего небольшими группами на далеком друг от друга расстоянии.

Россия и в XVII веке, перед эпохой преобразования, представляет нам на огромном пространстве небольшое число городов с поразительно ничтожным количеством промышленного народонаселения: эти города не иное что, как большие огороженные села, крепости, имеющие более военное значение, чем промышленное и торговое; они удалены друг от друга обширностью расстояний и чрезвычайной трудностью сообщения, особенно весною и осенью. Таким образом, Россия в своей древней истории представляла страну преимущественно сельскую, земледельческую, а такие страны необходимо бывают бедны и развиваются чрезвычайно мед-

ленно. Но подле этого главного неблагоприятного условия видим еще другие: Россия есть громадное континентальное государство, не защищенное природными границами, открытое с востока, юга и запада. Русское государство основалось в той стране, которая до него не знала истории,— в стране, где господствовали дикие, кочевые орды; в стране, которая служила широкой открытой дорогой для бичей божиих, для диких народов Средней Азии, стремившихся на опустошение Европы. Основанное в такой стране, Русское государство изначала осуждалось на постоянную черную работу, на постоянную тяжкую изнурительную борьбу с жителями степей. Вскоре после основания государства четвертый русский князь, самый храбрый, погибает от кочевых хищников,— из черепа Святослава пьет вино печенежский князь¹⁸, и только в конце XVII века, в конце нашей древней истории, Русское государство успело выговорить освобождение от посылки постоянных обязательных даров крымскому хану, т. е. попросту дани. Но едва только Россия начала справляться с Востоком, как на Западе явились враги более опасные по своим средствам. Наша многострадальная Москва, основанная в середине земли русской и собравшая землю, должна была защищать ее с двух сторон, с запада и востока, бороться от латинства и бесерменства, по старинному выражению¹⁹, и должна была принимать беды с двух сторон: горела от татарина, горела от поляка. Таким образом, бедный разбросанный на огромных пространствах народ должен был постоянно с неимоверным трудом собирать свои силы, отдавать последнюю тяжело добытую копейку, чтобы избавиться от врагов, грозивших со всех сторон, чтобы сохранить главное благо, народную независимость; бедная средствами сельская, земледельческая страна должна была постоянно содержать большое войско.

Кому неизвестно, что образование и содержание войска составляет важный, жизненный вопрос для каждого, а особенно континентального государства. При самом зарождении государства этот вопрос уже является с своим важным определяющим другие отношения значением. Основывается ли государство, начинается ли историческая жизнь в народе посредством завоевания или посредством внутреннего движения — все равно — мы видим здесь разделение народа на две части, вооруженную и невооруженную, и определение отношений между ними составляет одну из главных забот народной жизни. В государствах первобытных, сельских, земледельческих отношения определяются просто и тяжело для невооруженной части народонаселения; оно должно непосредственно содержать, кормить вооруженную часть; земля находится во владении вооруженного класса и обрабатывается рабствующим, прикрепленным к земле сельским народонаселением.

При благоприятных условиях географических и других, государство начинает мало-помалу терять земледельческий характер,

начинается торговое и промышленное движение; деньги, недвижимая собственность начинают получать все более и более значение; город богатеет, богатеет вообще народ, народонаселение увеличивается, и естественно готовится переход от крепостного труда к вольнонаемному. В то же время богатеет и правительство, увеличиваются его средства, денежные средства: прежде оно должно было довольствоваться помощью вооруженного сословия, бывшего вместе и высшим землевладельческим сословием, которое затрудняло правительство известными условиями, например воин на Западе имел право не оставаться в походе долее известного срока. Теперь у правительства есть деньги, есть средства нанять войско для достижения своих целей, и являются наемные войска; наконец, дальнейшее усиление финансовых средств правительства дает ему возможность избегать невыгод и наемных войск и завести свое постоянное войско, которое бы всегда находилось в его распоряжении и которое бы народ содержал, кормил не непосредственно своими трудами, но посредством денег, уплачиваемых правительству в виде податей. Таким образом, появление постоянного войска есть ясный признак экономического переворота в народной жизни, промышленного и торгового развития, появления имущества движимого, денег подле недвижимого, земли — признак, который естественно и необходимо совпадает с другим признаком — освобождением земледельческого сословия, появлением вольнонаемного труда вместо обязательного, крепостного. Город, разбогатеет, освобождает село, ибо в организме народном все органы находятся в тесной связи, усиление или упадок одного отвзывается на усилении или упадке другого.

Так было на Западе. Обратимся на Восток. Законы развития одни и те же и здесь и там, разница происходит от более или менее благоприятных условий, ускоряющих или замедляющих развитие. На востоке в нашей России мы имеем дело с государством бедным, земледельческим, без развития города, без сильного промышленного и торгового движения, государством громадным, но с малым народонаселением — государством, которое постоянно должно было вести тяжелую борьбу с соседями — борьбу не наступательную, но оборонительную, причем отставалось не матеральное благосостояние (не избалованы были им наши предки), но независимость страны, свобода жителей, потому что как скоро не успеет русское войско выйти к берегам Оки сторожить татар, даст им где-нибудь прорваться, то восточные магометанские рынки наполняются русскими рабами. Государство бедное, малонаселенное и должно содержать большое войско для защиты растянутых на длиннейшем протяжении и открытых границ. Понятно, что мы должны здесь встретиться с обычным в земледельческих государствах явлением: вооруженное сословие, войско, непосредственно кормится на счет невооруженного. Бедное государство, но обязанное содержать большое войско, не имея денег

вследствие промышленной и торговой неразвитости, раздает военным служилым людям земли. Но земля для землевладельца не имеет значения без земледельца, без работника, а его-то и недостает; рабочие руки дороги, за них идет борьба между землевладельцами: работников переманивают землевладельцы, которые побогаче, вотчинники, монастыри большими выгодами переманивают к себе работников от землевладельцев, которые победнее, от мелких помещиков, которые не могут дать выгодных условий, и бедный землевладелец, не имея работника, лишается возможности кормиться с земли своей, лишается возможности служить, являться по первому требованию государства в должном виде, на коне, с известным числом людей и в достаточном вооружении, конен, люден и оружен. Что тут делать? Главная потребность государства — иметь наготове войско; но воин отказывается служить, не выходит в поход, потому что ему нечем жить, нечем вооружиться, у него есть земля, но нет работников. И вот единственным средством удовлетворения этой главной потребности страны найденъ прикрепление крестьян, чтоб они не уходили с земель бедных помещиков, не переманивались богатыми; чтоб служилый человек имел всегда работника на своей земле, всегда имел средство быть готовым к выступлению в поход.

Долго иностранцы, а за ними и русские изумлялись и глумились над этим явлением: как это случилось, что в то самое время, как в Западной Европе крепостное право исчезло, в России оно вводилось. Теперь наука показывает нам ясно, как это случилось: в Западной Европе благодаря ее выгодному положению усилилась промышленная и торговая деятельность, односторонность в экономической жизни, господство недвижимой собственности, земли, исчезло; подле нее явилась собственность движимая, деньги, увеличилось народонаселение, разбогател город и освободил село. А на востоке образовалось государство при самых невыгодных условиях, с громадною областью и малым народонаселением, нуждающееся в большом войске, заставляемое быть военным, хотя вовсе не воинственное, вовсе без завоевательных стремлений, имеющее в виду только постоянную защиту своей независимости и свободы своего народонаселения, — государство бедное, земледельческое, и как только отношения в нем между частями народонаселения начали определяться по главным потребностям народной и государственной жизни, то оно и представило известное в подобных государствах явление: вооруженная часть народонаселения кормится непосредственно на счет невооруженной, владеет землею, на которой невооруженный человек является крепостным работником. И разве во всех государствах Европы крепостная зависимость сельского народонаселения исчезла вдруг и давно? В государствах средней Европы она продолжалась до настоящего века, и причина тому заключалась в медленности экономического развития. Но для уяснения явления посредством сравнения нам

не нужно ограничиваться одной Европой; к Европе примыкает другая часть света, открытая европейско-христианскими народами, занятая ими, введенная вследствие этого в общую жизнь с Европою,— Америка. В XVI веке эта страна представляла главные экономические условия, одинаковые с Востоком Европы, с Россией: обширная страна, страшно нуждающаяся в рабочих руках. И что же делают в ней эти западные европейцы, так хвастающиеся ранним освобождением у себя сельского народонаселения? Они организуют здесь рабство сельского народонаселения в самых обширных и отвратительных размерах посредством вывоза из Африки черных невольников, успокаивая свою цивилизованную совесть лукавым мудрствованием, что негры вовсе не такие люди, как белые, не от одного Адама произошли.

Прикрепление крестьян — это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении²⁰. Но дело не могло ограничиться одним прикреплением сельского народонаселения к обрабатываемой им земле: в городах живут так называемые посадские, тяглые люди, промышленники, торговые люди. Промышляют и торгуют они в очень небольших размерах, но платят подати, несут повинности в очень больших размерах: государство, постоянно и страшно нуждающееся в деньгах, требует от них исправного платежа податей и в то же время требует от них тяжелой и разорительной службы при собирании этих доходов. А тут еще новая для них тягость — воевода и приказный человек. Развитие состоит в разделении занятий; мы называем наиболее развитым то тело, которое имеет наиболее отдельных органов, служащих каждый известному отправление жизни и находящихся в тесной друг с другом связи и зависимости. Мы называем и человеческое общество наименее развитым, варварским, где разделение занятий слабо, где каждый делает все для себя нужное, не имея нужды в других, не сообщается, не меняется с ними, живет особняком. Обществом развитым, цивилизованным, наоборот, мы называем такое, где господствует разделение занятий и потому господствует и соединение сил, общая жизнь, ибо все находятся во взаимной связи и зависимости. В древней России, принадлежащей к государствам первобытным, неразвитым, мы не можем надеяться встретить значительное разделение занятий ни в каких сферах. В таких государствах один орган обыкновенно служит нескольким отправлениям, которые, при дальнейшем развитии, распределяются по отдельным органам. В древней России военный или ратный человек в мирное время должен был занимать правительственные должности, которые, опять по той же неразвитости, соединялись с судебными должностями. В финансовом отношении назначение на такие места служило дополнительным содержанием к поместью для служилого или военного человека; и так как бедное государство не могло дать ему жалованья, то предоставляло ему содержаться дохода-

ми с управляемой им местности, кормиться на ее счет. Таким образом, вследствие указанной уже неразвитости земледельческого государства, и город, подобно селу, должен был непосредственно содержать, кормить военного человека, который естественно и необходимо привыкал к мысли, что он имеет право непосредственно кормиться на счет невооруженного человека, а тот имеет обязанность непосредственно кормить его, непосредственно служить ему.

Вследствие такого-то представления и образуется бездна между двумя частями народонаселения, вооруженного и невооруженного; одни считают себя полными людьми, мужами, и всех других называют неполными людьми, человечками, мужиками. Муж, приезжая управлять мужиками и смотря на эту должность как на дополнительное содержание, как на кормление, разумеется, хотел кормиться как можно сытнее. Муж, воевода, часто был безграмотный, не знал порядков управления и суда, и при нем являлся приказный человек, грамотный, умеющий вести дела и умеющий кормиться. Тяжелое положение тяглого человека, обремененного податями, увеличивалось еще таким отношением к областным правителям, как кормленщикам, и часто тяглый человек бежал от невыносимой тягости, укрывался, вступал в зависимость от частных сильных и богатых людей, чтоб найти в ней льготу и покровительство. Это последнее явление составляет также характеристическую черту первобытных, неразвитых государств, которые не могут дать каждому подданному свободно и безопасно трудиться,— государств, где правительственные требования находятся в несоразмерности с средствами подданных удовлетворять им. Здесь естественное стремление бедного, слабого входить в зависимость от богатого, сильного, чтоб найти у них помощь и покровительство, найти защиту как от насилия других сильных, какой не может дать государство еще слабое, так и от требований самого государства. Известно, что так называемая феодальная система на Западе, господствовавшая в то время, когда тамошние государства находились в первобытном, неразвитом состоянии, основывалась на этом стремлении слабых войти в зависимость от ближайших сильных с целью найти в них защиту и покровительство.

Вот почему и в древней России мы видим сильное стремление добровольно входить в частную зависимость. Человек отдавался или продавался добровольно в холопы, давал на себя кабалу. Отпущенный на волю по завещанию умершего господина, холоп спешил закабалить себя наследнику покойного господина или другому кому-нибудь. Но, кроме этого добровольного закабаления себя в личное услужение, видим стремление людей, имеющих свое независимое хозяйство и промыслы, закладываться за людей сильных для приобретения защиты и освобождения от тяжких государственных повинностей — стремление, по тогдашнему выраже-

нию, жить за чужим хребтом, быть в захребетниках, в соседях и подсоседниках. Государство, разумеется, не может равнодушно смотреть на все эти явления. Накопляется огромное количество жалоб мелких землевладельцев, что крестьяне бегут с их земель, и тем лишают их средств кормиться, следовательно, лишают средств служить. Несмотря на закон о прикреплении крестьян, богатые и сильные землевладельцы продолжали переманивать крестьян у недостаточных собратий своих,— переманит и сейчас же отправит в отдаленную вотчину, где прежний господин его не сыщет. Пустеют целые волости от тяжелых податей и воеводских притеснений; бегут или закладываются посадские люди. Но уход крестьянина от помещика лишает государство возможности иметь в сборе достаточное число войск; уход, укрывательство, закладничество тягло человека лишает бедное государство последних финансовых средств,— и вот одною из главных постоянных забот государства становится ловля человека. Помещик жалуется, что ушел работник, земля пуста, дохода не дает, а нанять работника нечем, да и некого; посадские люди жалуются, что товарищи их ушли или заложились за бояр, за монастыри, тягла не тянут, вся тяжесть обрушивается на оставшихся, которым, разумеется, нельзя справиться и приходится самим брести розно,— и государство должно удовлетворять всем этим жалобам, должно ловить работника, тягло человека, усаживать на одно постоянное место, стеречь, чтоб не ушел. Государство из финансовых видов должно вооружиться против закладничества, должно освобождать людей от частной зависимости, освобождать силою, против их воли, и освобожденные составляют заговор, чтобы произвести кровавый бунт против освободившего их правительства: зачем освободило. Вот явление, которое заставляет нас быть очень осторожными и не судить по настоящему о прошедшем.

Понятно, что меры государства относительно лова и усаживания людей не могли быть очень действительны. Уйти и скрыться в громадной, малонаселенной стране было легко; открытость границ, условие столь затруднительное относительно государственной обороны, облегчавшее врагам доступ в Россию, облегчало и русскому народонаселению возможность выхода, возможность разбрасываться все более и более на неизмеримых пространствах, пустых или почти пустых по ничтожности их туземного народонаселения. Понятно, что такая колонизация, такое постоянное расширение государственной области, не имеющей изначала резко очерченных границ,— расширение, которое беспрепятственно шло через пустыни северной Азии и могло остановиться только на берегах Восточного океана, такое постоянное расширение государственной области и без того громадной, такой отплыв народонаселения, и без того незначительного, только усиливало затруднения государства в его отправлениях. К тому же подле выселения людей с земским характером — людей, переносивших на новые

места свой труд — мы видим выход людей с другим характером, — людей, которые, ушедши от тяжкого труда, от надзора правительственного и общественного, начинают заниматься дурным промыслом, жить на чужой счет; в густых лесах малонаселенной страны так легко было образовываться и укрываться от преследований разбойничьим шайкам, от которых мирное сельское народонаселение терпело более, чем от внешних врагов; от последних терпели окраины, разбойники свирепствовали повсюду.

Но не один лес служил убежищем для людей, которые хотели жить на чужой счет — на счет трудящихся в поте лица братьев; широкие степи, которыми граничила древняя Россия на юге и юго-востоке, переставши быть привольем хищных, кочевых орд, стали привольем казаков — людей, не хотевших в поте лица есть хлеб свой, — людей, которым по их природе, по обилию физических сил было тесно на городской и сельской улице, которые, по старинному представлению, не могли пройти по ней, чтоб не задеть другого, не сшибить его с ног, на что, разумеется, эти задавленные и сшибленные с ног не могли смотреть равнодушно и быть благодарными: поэтому люди, чувствовавшие такую тесноту в обществе и не желавшие работать, спешили на простор, в широкую степь, где могли гулять, живя на чужой счет, т. е. грабя своих и чужих. Так образовалась противоположность между земским человеком, который трудился, и казаком, который гулял, противоположность, которая необходимо должна была вызвать столкновение, борьбу. Эта борьба разыгралась в высшей степени в начале XVII века в так называемое смутное время, когда казаки из степей своих под знаменами самозванцев явились в государственной области и страшно опустошили ее, — явились для земских людей свирепее поляков и немцев (грубнее литвы и немец, по выражению летописца). Понятно, что это опустошение не могло улучшить экономического положения страны, которое в продолжение нескольких лет сряду терпело от разбоя, производившегося в самых ужасающих размерах, с неслыханной ненавистью к мирному труду, к гражданину-труженику, к земскому человеку.

В последнее время, когда русская мысль, недостаточно уставленная правильным научным трудом, произвела несколько странных явлений в нашей литературе, в некоторых так называемых исторических сочинениях²¹ высказалось стремление выставить этих героев леса и степи, разбойников и казаков с выгодной стороны, выставить их народными героями, в их деятельности видеть протест во имя народа против тягостей и неправды тогдашнего строя государственной жизни. Протест! Мы привыкли к этому слову, оно легко для нас, как легко самое дело. Но в сущности это дело не так легко, а потому и слово не должно употребляться легкомысленно; в сущности в самой тесной связи с ним находятся слова: подвиг, пророчество, мученичество, и, конечно, это слово вовсе нейдет к людям, которые покидали своих собратий в

их подвиге, в их тяжелом труде, и уходили, чтоб гулять и жить на чужой счет, на счет тяжелого труда своих собратьев. Хорош протест во имя народа, во имя народных интересов — протест, состоящий в том, чтоб мешать народному труду, мешать труженикам трудиться и посредством труда улучшать свое положение! Хорош протест против неправды под знаменем лжи, под знаменем самозванства!

Нет, все наше сочувствие принадлежит не тем, которые ушли, но тем, которые остались; все наше сочувствие принадлежит тем земским русским людям, которые разработали нашу землю своим трудом великим, подвигом необычайным, потому что были поставлены в самые неблагоприятные обстоятельства, должны были преодолевать страшные трудности, должны были бороться с природою-мачехою, при ничтожных средствах защищать обширную страну от врагов, нападавших на нее со всех сторон, и, несмотря на все препятствия, создали крепкую народность, крепкое государство. Все наше сочувствие принадлежит этим людям, которые в продолжение стольких веков работали самую черную работу, и посмеем ли мы задать им детский и дерзкий вопрос: зачем они при этой черной работе не носили светлого, богатого платья? Наше сочувствие принадлежит не тем, которые, как бичи божьи, приходили из степей, чтоб вносить смуту и опустошения в родную землю, которые умели только разрушать и не умели ничего создать; наше сочувствие принадлежит тем, которые своим честным, гражданским трудом создавали, охраняли и спасали; тем, которые в восточной, Московской России, несмотря на разбросанность свою по обширным, мало проходимым пространствам, умели собраться и стать как один человек, когда беда начала грозить родной стране; которые совершили не один физический подвиг, но умели очиститься нравственно, избавиться от привычки нравственного обособления, от привычки нравственного колебания, шатания, как они выражались. Наше сочувствие принадлежит тем, которые в западной России, почуя ту же беду, нехитрыми средствами приходского складчинного мира умели создать крепкие общества, в короткое время создать школу, науку, литературу, все нравственные средства к борьбе с врагом сильным для спасения своей народности. Наше сочувствие принадлежит тем, которые великим трудом развили свои нравственные силы, окруженные варварами²², сохранили свой европейско-христианский образ и стали способны под предводительством величайшего из тружеников приступить к новому великому труду — труду созидания новой России. Этим людям принадлежит все наше сочувствие, наша память, наша история. Прошедшее, настоящее и будущее принадлежит не тем, которые уходят, но тем, которые остаются, остаются на своей земле, при своих братьях, под своим народным знаменем²³.

ЧТЕНИЕ ТРЕТЬЕ ²⁴

Из предложенного очерка экономического быта древней России легко догадаться, с чего должно было начаться движение при переходе из одного возраста народной жизни в другой. Прежде всего должно было пробудиться сознание о недостатках этого быта, о их вредных следствиях в деле народной безопасности, народной силы, народной чести. Каким же способом могло пробудиться это сознание? Тем же, каким оно пробуждается и в отдельном человеке, способом сравнения и противопоставления; а способ этот, разумеется, усиливается вследствие выхода в более широкую сферу, вследствие приобретения большого количества предметов, явлений для сравнения и противопоставления. Долгое время все внимание русского человека было обращено на Восток, к миру степных, хищных варваров, народов кочевых, нехристианских, стоявших на низшей ступени развития, чем народ русский. Русский человек сознал свое резкое различие от этих народов и, находясь в том возрасте, когда преобладает чувство, сознал свое резкое различие от степного варвара в религии; не русский и татарин, но христианин и басурманин, или поганый, — вот какие представления были наперед; здесь прошла резкая нравственная граница между русской народностью и азиатским миром. Но на Западе другие соседи, народы с другим характером. И здесь прежде всего было подмечено и стало на первом плане религиозное, т. е. вероисповедное различие, православный христианин или просто христианин, христианин по преимуществу, и латынец (римлянин), лутор, кальвин ²⁵; и здесь, на Западе, вероисповедное различие провело резкую нравственную границу русской народности, вот почему и говорим мы, что православие легло в основу русской народности, охранило ее духовную и политическую самостоятельность; под его знаменем поднялась и собралась восточная Россия, чтоб не пустить на московский престол латынца, польского короля или сына его; под его знаменем отстаивала свою народную самостоятельность западная Россия в борьбе с Польшей ²⁶.

Мы говорили, что Россия дурно защищена природою, открыта с востока, юга и запада, легко доступна вражьи́м нападениям; но отсутствие резких физических границ заменено было для русского народа духовными границами, религиозным различием на востоке и юге, вероисповедным на западе; в этих-то границах крепко держалась русская народность и сохранила свою особенность и самостоятельность. Затем русский человек, разумеется, обратил внимание и на другие черты сходства и различия между своими соседями, между народами, с которыми имел дело, и по этим чертам также начал определять свои отношения к ним. Он заметил, например, племенное сходство и различия, и поставил поляков — литву особо, немцев, т. е. всех западноевропейских народов

не славянского происхождения,— особо. Заметил и резкое различие между восточным и западным человеком, азиатским и западноевропейским, грубость первого, умелость, образование второго. Особенно поразило русского человека, в противоположность с его собственною бедностью, богатство заморского немца, англичанина, голландца, гамбурца, любчанина — богатство и искусство (до сужество). Заморский немец привозит товары необходимые, но которых русский человек не умеет делать; у заморских немцев много денег и, кроме того, они умеют вести свои дела, умеют вести их сообща, умеют сговориться и поставить на своем, тогда как русские люди торгуют каждый отдельно, не умеют сговариваться, помогать друг другу и потому всегда в проигрыше пред немцами, не могут с ними стянуть, как они сами выражались. Немцы привозят товары дорогие, которые в их земле не рождаются, рождаются далеко за океаном; но немцы на кораблях своих плавают по всем морям, пристают ко всем землям, покупают дешево, продают дорого и наживают великие барыши. Русский человек присматривается к немцам, которые из них богаче, которые искуснее, и видит, что богаче, искуснее немцы поморские, те, у которых больше кораблей, те, которые плавают и торгуют по всем морям. Отсюда для русского человека представление моря как силы, которая дает богатство. отсюда страстное желание, стремление к морю, чтоб посредством него стать таким же богатым и умелым народом, как народы поморские.

Таким образом, богатство и умелость заморских иностранцев, противопоставленные собственной бедности и неразвитости, пробудили в сильном историческом, т. е. способном к развитию, народе стремления выйти из своего затруднительного, печального положения, умерить односторонность земледельческого быта промышленным и торговым развитием, средствами указанными, действительность которых очевидна; отсюда движение от востока к западу, от Азии к Европе, от степи к морю. И это движение началось сейчас же, как только восточные варвары ослабели, русские осилили их, могли вздохнуть поспокойнее, оглядеться и заметить сказанное различие между собою и поморскими народами, ибо великий исторический народ пребывать в застое не может; а если древняя Россия нам представляется в застое, то это застой относительный, это только медленность движения в известных сферах вследствие могущественных препятствий, встречаемых народом.

Как только татарские ханы перестают подходить к Москве и брать в плен ее князей, сын того князя, который был пленником в Казани²⁷, Иоанн III уже заводит сношения с Западной Европой и вызывает тамошних художников, чтоб строить церкви, дворцы и башни в своем Кремле. Внук его, Иоанн IV, как только угомонил восточных татар взятием Казани и Астрахани, так сейчас же обращает все свое внимание на запад, хочет непременно

добиться до заветного моря. Оттолкнутый от него соединенными усилиями поляков и шведов, Иоанн IV готов отдать всю русскую торговлю в руки англичан, лишь бы только те помогли ему получить хотя одну гавань на Балтийском море. Царь Алексей Михайлович делает наивное предложение герцогу курляндскому, не может ли тот позволить строить в своих гаванях русские корабли: это всего лучше показывает движение и его направление, всего лучше показывает, как мысль о море стала господствующей, неотразимой. Таким образом, русские уже двинулись, и новый путь был определен; движение начинается с XV и XVI века одновременно, следовательно, с движением западноевропейских народов, с их переходом из одного возраста в другой; но у нас на Востоке это движение шло чрезвычайно медленно вследствие страшных препятствий. Польша и Швеция легли на дороге, загорюдились море, — пробиться было невозможно с теми нестройными массами, какие представляло русское войско, требовавшее для успеха коренного преобразования. На западе загорожена дорога, а восток, степной восток, употребляет последние усилия, чтоб удержать свою добычу, свою пленницу — Россию. В то время как царь Иоанн IV обратил все свое внимание на Запад, крымский хан подкрался и сжег Москву, сжег так, что она уже после того не поправлялась²⁸. Только что при царе Борисе успели решить вопрос, что лучше отправить своих русских за границу учиться, чем вызывать иностранных учителей в Россию; только что распорядились исполнением этого решения, как степи снова всколыхались, явились оттуда казаки с самозванцами и выполнили степную работу опустошения, уравниения, т. е. уравнили все с землею лучше татар; долго Россия должна была отдыхать, оправляться после посещения этих проповедников протеста. Путешественники рассказывают, что когда они проезжали местами, где гостили казаки, то, чтоб остановиться и погреться в избах, прежде нужно было очистить эти избы от трупов их прежних обитателей. После такой болезни нельзя было требовать сильного движения от выздоравливающего; а тут едва восточная Великая Россия начала оправляться, движения в западной России, сведение старых счетов с Польшей, казацкие смуты в Малороссии²⁹ замедляли движение; замедляли, но оно не прекращалось: шли ощупью, принимали полумеры, но двигались, вводили преобразования в войске; отбываемые от Балтийского моря, строили корабли для Каспийского.

Из сказанного, надеюсь, ясно, в чем должны были заключаться существенные черты так называемого преобразования, т. е. естественного и необходимого перехода народа из одного возраста в другой. Бедный народ сознал свою бедность и причины ее чрез сравнение себя с народами богатыми и устремился к приобретению тех средств, которым заморские народы были обязаны своим богатством. Следовательно, дело должно было начаться с преобразования экономического; государство земледельческое должно было

умерить односторонность своего экономического быта усилением промышленного и торгового движения, и для этого прежде всего добыть себе уголок у северного Средиземного (Балтийско-немецкого) моря, к которому прилила торговая, промышленная и историческая жизнь Европы, отхлынув от берегов древнего южного Средиземного моря. Здесь исполнялся общий закон, по которому шло движение и на Западе. Движение, приготовившее переход западноевропейских народов из одного возраста в другой, из древней истории в новую, началось изменением в их экономическом быте чрез усиление промышленной, торговой и мореплавательной деятельности. Чем обыкновенно начинают изложение новой истории? Открытиями новых стран и морских путей, и этим открытиям предшествует поднятие города, его чрезвычайное процветание в Италии, этой стране богатых, сильных, властительных городов — республик. С берегами южного Средиземного моря начинают соперничать берега северного Средиземного моря Балтийско-немецкого: здесь поднимаются города ганзейские и нидерландские. В других западноевропейских странах в различной степени, под влиянием разных условий, но повторяется то же явление, деньги, движимое соперничает с землею, недвижимым; золото спорит с мечом; прежде династии основывались мечом, теперь они основываются посредством денег; богатые купцы Медичи основывают династию во Флоренции. Развитие промышленное и торговое ведет к развитию умственному чрез расширение сферы наблюдения, чрез усиление жизни международной. Научное движение при этом необходимо, и мы видим, что в эпоху открытий географических — в эпоху усиления торговой и промышленной деятельности — в странах, наиболее отличающихся этою деятельностью, является и сильная работа мысли над памятниками, оставленными древним греко-римским миром, влиянию которых так подчинились западноевропейские народы, и под этим влиянием совершили переход из своей древней истории в новую, из возраста чувства в возраст мысли, проще сказать — отдались в ученье грекам и римлянам, прошли школу под их руководством. И эта школа надолго, можно сказать навсегда, оставила глубокие следы, точно так же, как глубокие следы оставляет школа в каждом человеке, способном принимать и переваривать духовную пищу. В этой-то греко-римской школе, при возбуждении мысли посредством ее, западноевропейские народы прежде всего отнеслись с вопросом и допросом к отношениям, которые были результатом начала, господствовавшего в их древней истории, чувства, религиозного чувства. И следствием этого допроса расправившей свои крылья мысли, результатом чувства, следствием столкновения двух начал, делящих между собой историю народов, — следствием столкновения мысли и чувства было религиозное протестантское движение, охватившее всю Западную Европу и поведшее всюду к такой продолжительной и кровавой борьбе.

И у нас в России переход из древней истории в новую совершился по общим законам народной жизни, но и с известными особенностями вследствие различия условий, в которых проходила жизнь нашего и западноевропейских народов. На Западе известное экономическое движение началось давно и шло постепенно, что и не давало ему значения новизны, особенно поражающего внимание, дающего господство явлению. Самым сильным и поражающим своею новизною движением было движение в области мысли, в области науки и литературы, перешедшее немедленно в область религиозную, в область церковных и церковно-государственных отношений; здесь новое, протестуя против старого, противопоставляя ему себя, необходимо вызывало борьбу — и борьбу самую сильную, борьбу религиозную, которая делит Европу на два враждебные лагеря. Эта-то борьба и стала на первом плане, отстранив все другие интересы на второй. У нас в России в эпоху преобразования, т. е. при переходе народа из своей древней истории в новую, экономическое движение оставалось на первом плане. По указанным выше неблагоприятным условиям, у нас экономическое развитие было задержано; но движение государственной и народной жизни не останавливалось, ибо все яснее и яснее становилось сознание необходимости вывести страну на новый путь, все яснее и яснее становилось сознание средств этого вывода. И как скоро сознание окончательно уяснилось, то народ должен был вдруг ринуться на новую дорогу, ибо разлад между сознанием того, что должно быть и действительностью, возможен* у отдельного человека и целого народа только при условии крайней слабости воли, одряхления; но таким не был русский народ в описываемое время. Экономический переворот, как удовлетворяющий главной, народной потребности, становился на первый план, и как совершившийся вдруг, тем сильнее давал себя чувствовать.

В организме государственном нельзя дотронуться до одного органа, не коснувшись в то же время и других, — и вот причина, почему вместе с экономическим преобразованием шло и множество других; но эти последние находились в служебном отношении к первому. Не забудем и того, что Россия совершила свой переход из древней истории в новую двумя веками позже, чем совершили это западноевропейские народы; следовательно, между этими народами, в обществе которых вступил народ русский, многое уже должно было измениться. Действительно, религиозное движение здесь успокоилось, и на первом плане стоял также вопрос экономический. Вспомним, что на Западе это время было временем Людовика XIV, который дал Франции первенствующую роль в Западной Европе; но в конце его царствования Франция потеряла первенствующее значение. Это происходило оттого, что вначале знаменитый министр Людовика Кольбер произвел экономическое

* В оригинале ошибочно: возможно.

движение, экономический переворот во Франции, давший королю большие финансовые средства; но потом король позволил себе истощить их. От какой же мысли пошел Кольбер? Морские державы — Голландия и Англия — разбогатели посредством сильного промышленного и торгового движения: чтоб дать Франции возможность разбогатеть наравне с Англией и Голландией, надобно сделать ее морской державой, возбудить в ней сильное промышленное и торговое движение, что и было сделано. Тут, следовательно, Кольбер шел от факта, совершившегося у всех перед глазами: от сравнения положения морских держав с положением континентальных, от верного понимания причин различия в этом положении, ибо не понять было трудно.

От того же факта, от того же сравнения пошла и Россия; основное движение преобразовательной эпохи было то же кольберовское движение, то же стремление привить к земледельческому бедному государству промышленную и торговую деятельность, дать ему море, приобщить его к мореплавательной деятельности богатых государств, дать возможность разделить их громадные барыши. Движение это, как мы видели, так естественно и необходимо, что тут не может быть и мысли о каком-нибудь заимствовании или подражании: Франция с Кольбером в челе и Россия с Петром Великим в челе действовали одинаково по тем же самым побуждениям, по каким два человека, один в Европе, а другой в Азии, чтоб погреться, выходят на солнце, а чтоб избежать солнечного жара, ищут тени. Иоанн IV, бывший изю всех сил, чтоб утвердиться на морских берегах, не мог подражать Кольберу. Но когда Россия вошла в ближайшие сношения с Западной Европой, то было важно, что она нашла здесь то же самое движение, какое сама совершила, нашла ему оправдание. Россия, производившая у себя экономический переворот и сближавшаяся для этого с Западной Европой, застала ее не в религиозной борьбе, совершенно чуждой и бесполезной для России, но в борьбе за средства к обогащению.

Но если в нашем преобразовании выставилась так выпукло экономическая сторона, то было бы крайне неосторожно не обратить внимания и на другие стороны, которые рассматриваемое явление должно было иметь по необходимым общим законам. Мы видели, что в Западной Европе при переходе народов из одного возраста в другой мысль, возбужденная знакомством с памятниками древней мысли, древней философии, отнеслась с вопросом и допросом к результатам господствовавшего в их древней истории чувства — религиозного чувства, откуда произошло сильное религиозное движение, сильная религиозная борьба, разделившая Европу на два враждебных лагеря, католический и протестантский. Мы видели, что часть западноевропейских народов сохраняют и упорно отстаивают старые верования, старые формы церковного строя и утверждают в этом крайностями нового начала, крайно-

стями движения мысли, ее разлагающего, отрицательного движения. После возбуждения вопроса о злоупотреблениях латинской церкви очень скоро возникают учения, стремящиеся нарушить не только церковный, но и общественный строй; разнузданная мысль в своем отрицательном движении быстро пробегает от Лютера до Мюнцера и от Мюнцера до анабаптистов. Такая крайность вызывала противодействие, реакцию со стороны католицизма, которые, в свою очередь, дошли до крайностей, произведя орден иезуитов. Никаких соглашений, никаких уступок новому началу, новым требованиям; все правильно, все безукоризненно, нечего переменять; и божья правда и человеческая ложь одинаково неприкосновенны; «да будет так как есть, или да не будет» (*sit ut est, aut non sit*) написал католицизм на своем знамени в ответ на протестантские требования, на протестантские укоризны; и были в Западной Европе целые страны, которые остались вполне верны этому знамени, обвели около себя магический круг, отчурались от всякого участия в новом движении, от всякого участия в служении новому началу: так поступили народы Пиренейского полуострова, знаменитые католическим старообрядчеством. Но если при движении, вызывающем к переходу из одного возраста в другой, так сильно обнаруживается у народов отвращение к этому переходу; так сильно обнаруживается страх пред болезненным переворотом; так невыносима бывает тоска при этом, которую можно объяснить тоскою по родине, овладевающею многими людьми, решившимися в первый раз переступить порог отечества, войти в новый, чужой мир; если целые народы решаются заглушить в себе, выжечь костром инквизиции всякую попытку мысли, потребовать отчета у существующего, освященного веками, изменить здесь хотя единую букву и если такое решение оправдывается крайностями нового направления, ведущими также к односторонности, нарушающими гармонию духовной жизни,— то самый естественный вопрос в устах человека, не знающего подробностей нашей истории: неужели переход русского народа из одного возраста в другой, из древней истории в новую, совершился без болезненных явлений, без сопротивления, без борьбы? Неужели все с веселым сердцем, безбоязненно отправились в новый путь, в неведомый мир? Неужели все выслушали с сочувствием, по крайней мере равнодушно вызов: свое дурно, чужое хорошо? Неужели при той резкой вероисповедной границе, которую русские люди провели между собою и западноевропейскими народами и которую так ревниво охраняли, не щадя ничего, никому не пришла в голову страшная мысль, что при тесном сближении с иноверными народами эта священная граница может быть нарушена? Всем известно, как отвечает на эти вопросы наша история. Задолго, почти за сто лет до начала преобразовательной деятельности Петра Великого, уже идет совещание у царя Бориса с духовенством и вельможами; предлагается трудное, но необходимое дело: надобно ввести науку, потому что

без нее Россия бессильна, беззащитна перед другими враждебными народами; науку можно получить только из-за моря, надобно призвать иностранных учителей, как уже хотел царь Иван. Но тут великая опасность: эти учителя иноверцы, как будут учиться у них русские православные люди? Учиться — ведь это значит признать превосходство учителя, подчиниться ему, верить ему, делать так, как он велит, как сам делает, подражать ему. Какое страшное искушение: подчиниться влиянию учителя во всем, исключая одного — веры. Решено было, что иноверные учителя опасны, и потому лучше послать русских людей учиться за границу, чтоб они по возвращении стали учителями в своей стране. Понятно, что опасность не уменьшалась: русский человек, лишенный влияния народной среды, совершенно предавался чуждому влиянию. Никто из отправленных не возвратился. А между тем движение началось, и где же? В самой церкви. Явилась типография³⁰: она должна была прежде всего послужить церкви, распространить церковную книгу; явилась важная выгода: книга выходила не из частных рук, не из рук переписчика, который мог внести в нее ошибки вольные и невольные; теперь книга должна была выходить под надзором церковного правительства. Но для того чтобы книга напечатана была правильно, нужно было напечатать ее с исправной рукописи, для чего нужно было собрать рукописи, сравнить, выбрать лучшую, сличить с греческим подлинником; но для этого нужно было знание, а знания-то и не было. Люди, по-видимому, знающие, которым было поручено дело исправления, уличены были в незнании, в искажении вместо исправления. Нужно было вызвать исправителей из-за границы, разумеется православных, т. е. греков или ученых монахов из западной России, которая, вследствие борьбы с католицизмом, ранее восточной завела у себя школы. Исправители были вызваны, начали исправлять по-своему — и раздался вопль: чужие переменяют веру, велят творить крестное знамение не так, писать и произносить самое священное имя не так; портят книги, по которым молились отцы, по которым молились святые и спаслись. Вопль пошел от старых учителей, от прежних исправителей книг, которые были оскорблены обвинениями в невежестве, в искажении книг. Но стоило только раздаться словам, что вера в опасности, веру переменяют, как слова эти нашли сильный отзыв, тем более что движение к новому уже началось в разных сферах, новые обычаи резко бросались в глаза уже по тому самому, что были редки еще и ярко выделялись, сильно раздражали. Явились ревнители, которые провозгласили, что последние времена приближаются; что надобно стать и помереть за веру, за неизменность того, что предано свыше и потому должно остаться неприкосновенным: «Аще я и несмыслен, гораздо неученый человек, да то знаю, что вся, церкви от св. отец преданная, свята и непорочна суть, держу до смерти, яко же приях, не прелагаю предел вечных: до нас положено, лежи оно так во веки веков»³¹. И так как рев-

нителю старины действительно готовы были подвергнуться всем лишениям, страданиям и смерти, то производили сильное впечатление и увлекали многих. Явился раскол: часть русских людей отвергла авторитет церкви, необходимым следствием чего было разделение отпадших на множество толков. А между тем движение шло и с другой стороны; мысль была возбуждена религиозными вопросами; люди с возбужденною мыслию просиживали в Москве ночи с учеными киевскими монахами; другие стремились в Киев, в тамошние школы, к тамошним ученым, и, возвратясь в Москву, спорили с своими отцами духовными, доказывая им, что они не так понимают дело. Те оскорблялись, кричали против извращения отношений, молодые учат старых, дети отцов. Богословские споры овладевают вниманием общества, в домах и на улицах мужчины и женщины спорят о времени пресуществления³², упрекают друг друга в еретичестве. Иезуиты тут и закидывают свои сети, подходят к русским людям с внушениями: у нас с вами вера одна; разница в том, что у нас ученых людей больше, мы вас удовлетворим в вашей новой потребности, в потребности знания, работы мысли. Иезуитов выгнали; но опасность не уменьшилась; духовенство находилось в самом затруднительном положении, между двух огней: с одной стороны, свои раскольники обвиняли его в отступлении от старой веры, отвергали его как еретическое, с другой — свои же обвиняли его в отсталости, в неимении средств правильно понимать проповедуемое учение, а тут иноверные учителя с Запада подчиняют русских людей своему влиянию и также не с уважением относятся к старым учителям их, к их отцам духовным. Единственное средство выйти из этого затруднительного положения состояло в том, чтоб выйти вместе с народом на новую дорогу, приобрести могущество знания. Это новое могущество было необходимо для успешной борьбы с людьми, которые хотели остаться при старом начале во всей его исключительности, односторонности — людьми, которые лучше всего показывали, к чему ведет эта односторонность, исключительное господство чувства, не умеряемого мыслью. Эта односторонность повела к безусловному, слепому, фанатическому утверждению превосходства своего над чужим, своего, принятого в самом узком смысле. Она повела к слепому, безусловному, фанатическому утверждению неприкосновенности всего преданного без всякого различия существенного и несущественного, духа от буквы, божией правды от человеческой ошибки; она повела к тому, что часть народа покинула церковь, объявила ее зараженною еретичеством за то только, что церковь изменила несколько слов, несколько обрядов. «До нас положено, лежи так во веки веков», — провозглашает знаменитый в истории раскола протопоп Аввакум. Таким образом, односторонность господствовавшего начала, чувства, не умеряемого мыслью, знанием, выразилась в расколе самым печальным образом и заставляла необходимо требовать знания.

умственного развития. Но то же знание было необходимо для защиты веры от других врагов, более опасных, от тех людей, к которым русский народ должен был обратиться за наукой, от учителей чужеземных, иноверных. Мы видели, что русские люди с пробужденною мыслью, не имея возможности отправляться к народам иноверным, спешили в Киев к тамошним ученым для удовлетворения новой потребности, потребности знания. Но скоро заставы, заграждавшие путь к народам иноверным, должны были рушиться; нудящие потребности экономического преобразования, бывшего на первом плане, заставляли отнестись непосредственно к поморским народам, заимствовать у них их умелость, практические знания, которых нельзя было приобрести в киевских школах или в школах, устроенных по образцу киевских школ. Русские люди толпами отправились в эти заморские иноверные страны учиться; если прежде и те, которые ездили в Киев, по возвращении оттуда представляли новые требования от своих старых учителей, своих старых отцов духовных, то легко понять, с какими требованиями, с какими вопросами возвратятся русские люди из-за моря: надобно было приготовиться к этим требованиям, отвечать на эти вопросы; а приготовиться можно было только посредством науки.

Необходимость науки была признана и провозглашена торжественно. «Наука есть могущество»,—задолго пред тем провозгласил один из великих ученых деятелей³³ в Западной Европе, и народы ее приняли это провозглашение как истину. Русские люди признали эту истину, как только познакомились с людьми, с народами, обладавшими наукой; они нашли, что эти люди, эти народы обладают страшным могуществом. Могущество науки сознали русские люди в западной России, увидав перед собою врагов своей веры, своей народности, вооруженных могуществом науки. Сознавши это, русские люди в западной России не остались праздны, но поспешили вооружиться этим могуществом, чтоб бороться с врагами равным оружием. Русские люди Великой России, сознав могущество науки, также не хотят быть праздными, но поднимаются, собираются в дорогу на поиск за наукою, чтоб сделать свою Россию богатою и сильною, чтоб дать ей почетное место среди народов. Наука есть могущество; но всякая сила может быть опасна в неопытных руках, если ей дается одностороннее направление. Посредством науки человек и народ переходят из одного возраста в другой — из возраста, где господствует чувство, в возраст, где господствует мысль. Мы только что говорили о печальных следствиях односторонности, решительного преобладания чувства, неумеряемого мыслью, знанием; о печальных следствиях ревности не по разуму наших Аввакумов. Но мы прежде сказали о печальных следствиях односторонности и другого начала, усиливающегося во второй период жизни человека и народа,— о печальных следствиях отрицательного, разлагающего движения

мысли, следствиях, которые вызывают вопль: древо познания не есть древо жизни; вопль, родившийся в той самой стране, где впервые было провозглашено, что наука есть могущество; вопль, потрясающий веру в могущество науки. Недавно история³⁴ как будто подтвердила справедливость этих слов, что древо познания не есть древо жизни для целых народов; недавно история произнесла страшные слова: «Горе народу, который равнодушно смотрит, как разрушаются его алтари и заколаются их служители»; наука со всеми ее чудесами не спасла этого народа; а было время, когда этот же самый народ в подобных же обстоятельствах был спасен простой крестьянкой, действовавшей с религиозным одушевлением. Но эти вопли, эти примеры показывают только, что наука теряет часть своего могущества, когда ею пользуются односторонне. Наука есть великое могущество, есть наставница и благодетельница людей и народов, когда изучает прежде всего человека; когда знает условия, законы и потребности его природы; когда умеет сохранить гармонию между началами, в его природе действующими, умерять одно другим, положить границы между ними; когда умеет умерить гордыню знания и алчность пылливости разума и отвести должную область чувству; когда умеет определить границы, где оканчивается область знания и где начинается область веры. Наука достигает полного могущества не тогда только, когда учит и развивает умственные способности, не тогда только, когда изучением законов видимой природы увеличивает удобства жизни: она достигает полного могущества, когда воспитывает человека, развивает все начала его природы для их правильного и согласного проявления. Блюсти, чтоб эта правильность и согласие не были нарушены при переходе русского народа из одного возраста в другой, становилось обязанностью русской церкви; для приготовления ее служителей к исполнению этой обязанности могущественным и необходимым средством должна была служить также наука.

Необходимость движения на новый путь была признана; обязанности при этом определились: народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился³⁵.

ЧТЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ³⁶

«Народ собрался в дорогу и ждал вождя», — сказал я в заключение прошедшего чтения. Это ожидание вовсе не было спокойное; это было тревожное, томительное ожидание. Сильное недовольство настоящим положением, раздражение, смута — вот что мы видим в России в то время, когда в ней воспитывался вождь, долженствовавший вести ее на новую дорогу. Прежде в сфере нравственной был могуществен авторитет церкви, сильной своим единством; но теперь в церкви раскол; являются люди, которые смущают

большинство; с жаром, убеждением, начитанностью, выставляя перед собой авторитет подвига, страдания, толкуют они, что православие падает; что патриарх, архиереи и все остающееся при них духовенство отступили от истины. Нам теперь без углубления в подробности тогдашнего состояния общества трудно себе представить, какое нравственное колебание, смуту производил раскол во второй половине XVII века. Страшное впечатление производится, когда слышатся выходки против имен, с которыми привыкли соединять нравственное освящение, нравственную неприкосновенность. «Патриарх, архиереи — еретики, изменники православия!» И это говорили люди, облеченные также нравственным авторитетом, начитанностью, т. е. в глазах толпы знанием св[ященного] писания, готовностью страдать и умирать за истину. «Нам не дают высказывать истины, обличать неправду,— кричали они,— вместо того чтоб по заповеди христовой обращаться с нами кротко, убеждать с тихостью, они нас пытаются и жгут». Вот знаменитый разговор раскольника с патриархом. Раскольник: «Правду говоришь, святейший владыка, что вы на себе Христов образ носите; но Христос сказал: „Научитесь от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, а не срубам, не огнем и мечом грозил; велено повиноваться наставникам, но не велено слушать и ангела, если не то возвещает“. Что за ересь и хула двумя перстами креститься? За что тут жечь и пытаться?» Патриарх отвечал: «Мы за крест и молитву не жжем и не пытаем, жжем за то, что нас еретиками называют и не повинуются св[ятой] церкви, а креститесь, как хотите». Как обыкновенно бывает при подобных отношениях, люди, требующие свободы и безопасности, требуют их только для одних себя, а не для стороны противной в одинаковой степени, и раскольники не ограничивались одной свободой двуперстного сложения, они требовали также свободы и безопасности в открытом нападении на церковь, свободы и безопасности в своей проповеди против нее, в выставлении ее еретической. Но в толпе не умели уяснить себе эти отношения, и раскольники в глазах многих имели большую выгоду, выгоду гонимых. Некоторые шли за ними; другие, оставаясь при церкви, не могли для себя вполне уяснить ее правоты, а потому естественно охлаждали к ней; ослабевал и авторитет церкви, нравственная смута чрез это усиливалась; у ревнителей старины, стоявших, по-видимому, за неизменность, твердость всего преданного, даже каждой буквы,— твердости и неизменности не оказалось с самого же начала, с самого начала страшная рознь между толками, и люди, в отчаянии от этих разноречий, от этой смуты разбредлись по всевозможным дорогам, ища веры, и до сих пор ищут. На помощь церкви была призвана наука: устроили в Москве школу, академию, обязанностью которой было защищать православие; начальник (блюститель) и учителя должны смотреть, чтоб ни у кого не было запрещенных книг; если кто-нибудь будет обвинен в хуле на православную веру, то отдается на суд блюсти-

телю и учителям, и если они признают обвинение справедливым, то преступник подвергается сожжению. Таким образом академия уполномочивалась следить за движением врагов православия и бить всполох при первой опасности; это была цитадель, которую хотели устроить для православной церкви при необходимом столкновении ее с иноверным Западом; это не училище только — это страшный трибунал; произнесут блюститель и учителя слово: «Виновен в неправославии», — и костер запылает для преступника. Понятно, что для произведения суда над уклоняющимися от православия судьи сами прежде всего должны быть согласны между собою. Но с самого начала православные ученые, призванные в Москву для защиты православия научными средствами, разногласят друг с другом. Симеон Полоцкий разногласит с Епифанием Славиницким; потом великороссиянин Сильвестр Медведев, ученик Полоцкого, ведет ожесточенные споры с учителями академии греками Лихудами. Двор на стороне Медведева, патриарх на стороне Лихудов: понятно, что русские люди делятся, двоятся между двумя враждебными лагерями, всюду споры, шатость, смута. Верховный пастырь церкви, патриарх, находился при этом в очень незавидном положении; раскольники обзывали его еретиком; при дворе, в обществах, находившихся под влиянием Полоцких, Медведевых, смеялись над ним, как над неучем. И действительно, недостаток научного образования препятствовал ясности взгляда его на то, что делалось вокруг, к чему шло дело; им овладевал безответный страх пред новым, причем существенное смешивалось с несущественным, и перемена чего-нибудь внешнего, какого-нибудь обычая, покроя платья, бритье бороды становилось наравне с учениями, противными православию. Народ, становившийся слушать проповедь верховного пастыря, слышал такие обличения: «Люди неученые, в церкви святой наших благопреданных чинодейств не знающие и других о том не спрашивающие, мнятся быть мудрыми, но от пипок табакских и злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков объюродили. Совратясь от стезей отцов своих, говорят: „для чего это в церкви так делается, нет никакой в этом пользы, человек это выдумал, и без этого можно жить“». Указания на чуждые учения, на чуждые западные влияния ясны и верны; русские люди, по выражению патриарха, объюродили от люторских и кальвинских учений; но прежде этих учений постановлена еще какая причина объюродения? Пипки табакские! Курение табака сделано равносильным по своему вреду для православия протестантским внушениям! Резко вооружаясь против всего нового на словах, патриарх не имел твердости сопротивляться на деле, таким поведением возбуждал раздражение и насмешки со стороны людей, стремившихся к новому; но, разумеется, не щадили его и приверженцы старины, которую он, в их глазах, не отстаивал как должно. Юродивый говорил о нем: «Какой он патриарх! Живет из куска, спать бы ему да есть, бережет мантию да клобука бе-

лого, затем и не обличает». Таким образом, с двух сторон направлялись обвинения и укоризны на представителей власти церковной, и толпа начинала уже смотреть на них, как на низверженных с высоты, подвергнувшихся суду и осуждению; толпа являлась хладнокровною и хуже, чем хладнокровною, — зрительницею падения власти.

Церковная власть падала, и никто ей не подавал руку помощи, ибо смуте нравственной, происходившей от ослабления церковного авторитета, соответствовала смута политическая, происходившая от ослабления власти гражданской. Основные условия жизни России, на значение которых уже было указано, изначальная громадность государственной области и редко разбросанное народонаселение, замедляя развитие общества, цивилизацию, т. е. разделение труда и соединение сил, тем самым требовали чрезвычайной деятельности правительственной в соединении и направлении разбросанных сил для общих государственных целей; постоянная опасность от врагов требовала естественно постоянной диктатуры, и, таким образом, в России выработалось крепкое самодержавие. В конце XVII века, точно так же как и в начале его, эта власть ослабела, и по этому поводу произошли сильные волнения, к которым наши предки отнеслись одинаково, назвавши их одним именем — смуты; как династические перемены служили поводом к смуте в начале XVII века, так династические же беспорядки повели и к смуте в конце века. Смута началась по поводу преждевременной смерти царя Алексея Михайловича, которому наследовал больной сын его Федор, скоро умерший беспотомственно. После него провозгласили царем малолетнего брата его, Петра, за которого должна была управлять его мать, царица Наталья. Малолетство государей обыкновенно ведет к смутам, а тут были еще другие сильные поводы к ним. В семье царя Алексея страшный раздор вследствие того, что дети не от одной матери. Царица Наталья, мать Петра, мачеха старшим его братьям и сестрам, для которых она и ее дети были неприятным, тяжелым явлением в последние годы царя Алексея. По смерти его, когда вступил на престол Федор Алексеевич, сын от первого брака, мачеху с ее детьми удалили, оскорбили ее ссылкой ее родных и людей самых близких. Обида прошла по семье, — и добра не будет. По смерти Федора Алексеевича наступило время царицы Натальи: сын ее Петр провозглашен царем мимо старшего брата Иоанна, совершенно неспособного и больного; этот Иоанн — последний сын царя Алексея от первого его брака; но у него много сестер, девиц-царевен, из которых одна была знаменитая Софья Алексеевна, представляющая любопытное явление, знамение времени. Неслыханное было прежде дело, невозможное, чтоб девица, царевна, вышла из терема и приняла участие в делах правительственных, а теперь Софья именно это делает. Что же была за причина этого явления? Дух времени, можно ответить общепринятым выражением, точнее, со-

знание необходимости перемены, прояснявшееся во дворце прежде, чем где-либо. Причина этому явлению та же, которая заставляла русского человека пробираться сначала в Киев, потом и дальше за наукой; которая заставляла царя и вельмож вызывать для своих детей учителей из-за границы; причина та же, которая заставляла царя Алексея завести при дворе своим театральные представления и потешать ими себя и свое семейство. Царевна вышла из терема; обстановка двора уже не та; у братьев учитель, известный Симеон Полоцкий, который учит и сестру, учит легко и весело; передает много разных вещей; все у него примеры, анекдоты, остроумные изречения, и все в стихах для лучшего удержания в памяти. Сфера расширяется, птица побывала на свободе, видела мир божий; старый терем становится тесен и душен; умирает отец; царевна около болезненного брата, царя Федора: кто запретит сестре быть у больного брата, прислуживать ему? У больного бояре рассуждают о делах; царевна слушает и учится: ей легко выучиться, потому что прежде была приготовлена; вот уже она в новой широкой сфере и сфере обольстительной для существа энергического, честолюбивого, а тут и страсть, страсть к человеку самому видному по способностям и образованию, к кн[язю] Вас[илию] Вас[ильевичу] Голицыну. Новая жизнь крепко обхватила царевну Софью. Но брат Федор умирает, и царем провозглашают маленького Петра, т. е. отдают правление матери его Наталье. Что же предстоит царевне Софье? Проститься со всеми обаяниями этой новой раскрывшейся для нее жизни, выйти из этой широкой сферы, где так было расправились ее силы, и возвратиться опять в терем. Терем? Но ограничится ли дело теремом? Не вероятнее ли всего, что ей с сестрами предстоит монастырское заключение, ибо могут ли они ожидать милости от мачехи, которую раздражили, оскорбили? Жизнь улыбнулась так приветливо — и вдруг должно отказаться от нее, в цвете лет стать невольною, опальною монахиней, претерпеть стыд унижения пред ненавистною мачехой. Искушение было слишком велико; Софья станет действовать по инстинкту самосохранения, станет изо всех сил, всеми возможными средствами отбиваться от судьбы, от терема, монастыря, с отчаянием полного силы и жизни человека, которого влекут зарывать живым в могилу. Она ищет около себя средств спасения и находит: стрельцы недовольны; их можно возбудить против нового правительства; но это можно сделать только обманом, сказавши, что старшего царевича Ивана, законного наследника престола, несправедливо обойденного, обиженного, извели родственники царицы Натальи, Нарышкины. Чрез это возбуждение можно заставить стрельцов истребить мнимых убийц царевича, истребить людей, советом, помощью которых была сильна царица Наталья; этим истреблением — уничтожить возможность примирения между стрельцами и царем Петром, его матерью и оставшимися в живых ее приверженцами, связать неразрывно ин-

тересы стрельцов с интересами Софьи, ее брата и сестер, заставить их действовать в их пользу. Кровавая программа была в точности исполнена: родственники и приверженцы царицы Натальи истреблены, хотя царевич Иван оказался жив и невредим; его провозгласили царем, но свергнуть младшего брата Петра, прежде провозглашенного, которому уже присягнула Россия, не решились — отняли только правление у царицы Натальи и отдали его Софье.

Легко было понять, что смута этим не оканчивалась, это был только пролог кровавой драмы, а не развязка ее. Софья только отдала решение страшного вопроса; вопрос оставался и волновал всех, не давал никому покоя. Стрельцы, раздражившие своим буйством вельмож и все мирное народонаселение, ежеминутно опасались следствий этого раздражения, видели в боярах непримиримых своих врагов и ждали от них справедливой мести; они боялись мести от целой России, боялись дворянского войска, которое могло собраться из областей и задавить их ничтожный сравнительно корпус. Стрельцы волновались от страха; каждому, кто находил в том свои выгоды, ничего не стоило пугать их внушением, что бояре уже решили истребить их; стрельцы волновались от страха, но своими волнениями наводили ужас на мирное народонаселение; оно не могло заснуть спокойно в ожидании проснуться от набата и стрельбы, от зловещих криков: «Любо!» — которыми стрельцы приветствовали свои жертвы, принимая их на копья. Правительница приняла энергические меры для прекращения стрелецких волнений. Угрозою, что правительство покинет Москву, обратится к России, призовет на свою защиту дворянское войско — этой угрозою она заставила стрельцов отступить от раскольников, которые, воспользовавшись смутой, пришли в Кремль, в самый дворец, чтоб спорить с патриархом в присутствии правительницы, и один из них решился сказать ей страшные, невыносимые для нее слова: «Пора вам, государыня, в монастырь; только царством мутит»*. Чтоб избавиться от любимого начальника стрельцов князя Хованского, человека очень беспокойного по своему властолюбию, Софья привела в исполнение свою угрозу: выехала из Москвы; Хованский был схвачен, привезен к правительнице в село Воздвиженское близ Троицкого монастыря и казнен без суда. Стрельцы забушевали, услышав о казни своего любимого батьки, так их баловавшего; но скоро утихли, потому что бороться с дворянским войском им было нельзя. Софья усмирила стрельцов; самые буйные из них были удалены; но этими государственными мерами правительница уничтожила свои собственные средства, тогда как страшный вопрос о будущем оставался и все более и более приближался к своему решению. Странная форма двоевластия была принята вследствие стрелецкого насилия; впрочем, она не могла очень беспокоить по неспособности Иоанна

---

* Так в оригинале.

к правлению, по его болезненности, следовательно, и недолговечности, по неимению детей мужского пола. Но что успокаивало других, то мучительно тревожило Софью: Иоанн, ее единоутробный брат, недолговечен, а младший Петр, настоящий царь в глазах всех, растет, и когда достигнет совершеннолетия, правительство Софьи уничтожится само собою. Что тогда? Поток крови уже прошел между Софьей и Петром: царское семейство представляло два враждебные лагеря, и ненависть между ними усиливалась день ото дня; примирение было невозможно; с обеих сторон зорко следили за движениями друг друга, готовили средства защиты. При первом известии о волнении между приверженными к Софье стрельцами Петр делает то же, что уже сделала Софья в борьбе с Хованским: он спешит в Троицкий монастырь и призывает на свою защиту дворянское войско, обвиняя приверженцев Софьи в злоумышлении против себя. Софья стала в Москве в безвыходное положение; тщетно обращается она к стрельцам, желая поднять их на свою защиту: стрельцы не трогаются, они чувствуют всю бессмысленность борьбы с царем, располагающим средствами всей России; они чувствуют всю бессмысленность борьбы против силы материальной и силы нравственной, против права, несомненного в глазах всей России. Стрельцы выдают Софью, и то, чего больше всего она боялась, совершается: монастырская келья принимает в свои печальные, гробовые стены существо плоти и крови, существо, жаждущее мирской жизни.

Смута кончилась; Софья в монастыре, приверженцы ее на плахе или в ссылке; скоро умирает царь, по имени только Иоанн Алексеевич; остается один Петр. Мы уже несколько раз упоминали о нем; но другие лица загоразивали его, теперь около него стало просторно, можно подойти ближе, рассмотреть внимательно. У нас нет времени заниматься перечислением и разбором разных более или менее достоверных преданий о малолетстве Петра. Не для удовлетворения праздного любопытства собрались мы здесь, но для уяснения великого явления в нашем историческом существовании, для уяснения значения великого человека, великой эпохи; обратимся прямо к этому человеку, пусть он сам скажет нам о себе. Вот первое письмо его к матери из Переяславля, когда ему было 17 лет; форма письма обычная в то время с употреблением уменьшительных уничижительных слов, как по-тогдашнему следовало писать детям к родителям: «Сынишка твой, в работе пребывающий, Петрушка благословения прошу, и о твоём здравии слышать желаю; а у нас молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось, и суды все, кроме большого корабля, в отделке»³⁷. Итак, вот первое слово нам от Петра, которого мы зовем Великим, первое им самим сделанное определение: «в работе пребывающий». Это первое определение останется навсегда за ним и дружно уместится поде определения «Великий». Прошло много времени, и знаменитый поэт, который прозвучал нам столько родного, ко-

торый дал нам столько народных откровений, не нашел лучшего определения для Петра: «на троне вечный был работник»³⁸. Петр работник, Петр с мозольными руками — вот олицетворение всего русского народа в так называемую эпоху преобразования. Здесь не было только сближения с народами образованными, подражания им, учения у них; здесь не были только школы, книги — здесь была мастерская прежде всего, знание немедленно же прилагалось, надобно было усиленной работой, «пребыванием в работе» добыть народу хлеб насущный, предметы первой необходимости. Народы в своей истории не делают прыжков: тяжкая работа, на которую был осужден русский народ в продолжение стольких веков, борьба с азиатскими варварами при условиях самых неблагоприятных, борьба за народное существование, народную самостоятельность кончилась — и народ должен был естественно перейти к другой тяжелой работе, необходимой для приготовления к другой деятельности, деятельности среди народов с другим характером, для приготовления себе должного, почетного места между ними; для приготовления средств бороться с ними равным оружием. Это-то оружие и надобно было выработать, и выработать как можно скорее, ибо время не терпело. Над чем же прежде всего и больше всего работает царь-работник, представитель своего времени, выразитель его потребности? Он работает над кораблем — это его любимая работа; вода его любимая стихия, он ищет все большего простора на ней, из подмосковного пруда переходит на озеро, с одного меньшего озера на большое, от последнего к морю. Богатырю древней России было тесно в городе, он рвался в широкую степь, но зачем? Для бесплодного гулянья, для того чтоб гулять на счет тех, которые трудились? Человек, одаренный страшными силами, богатырь новой России, Петр рвется также на широкий простор, но этот простор — море. В степи богатырь мог встретить дикого кочевника и упражнять над ним свою физическую силу; нравственные и умственные его силы не развивались от этой борьбы; новый богатырь может быть безопасен, может успешно бороться с грозною стихией, морем, не иначе как посредством знания, искусства. На море, на его берегах он встретит людей противоположных кочевым варварам, людей, богатых знанием, искусством, от которых есть чем позаниматься, и когда придется вступить с ними в борьбу, то для нее понадобится не одна физическая сила, понадобится и чрезвычайное напряжение умственных сил. В жизни русского народа совершался переход из одного возраста в другой: этот переход естественно выражался в повороте от степи к морю, и что ж делает вождь народа, за каким первым делом мы застаем его? Он строит корабль, и когда мы припомним это страстное желание моря, корабля, обнаружившееся в России XVI и XVII века, обнаружившееся в деятельности Иоанна IV и Алексея Михайловича, то мы пойдем ясно отношение великого человека к народу, к его потреб-

ностям в известное время, и другое значение получит для нас эта страсть к морю Петра, который скучал в тесных гористых пространствах, был спокоен и доволен только на море, и печальная по природе своей, но близкая к морю и богатая водою местность была для него раем.

Но, быть может, скажут, для чего же было царю становиться работником? Дело царя царствовать, а не плотничать; признал Петр необходимость завести флот и завел бы; для чего же самому участвовать в постройке судов? Эти суждения, по-видимому, справедливы, но в сущности, применительно к известному явлению, совершенно неверны, происходят от нашей непривычки высвободиться от своих, настоящих условий жизни и переноситься в условия того времени, которое хотим изучить, понять и которое никак не поймем, если не отстанем от этой привычки. Мы живем в условиях цивилизации и смотрим все на народы, живущие в этих же условиях, еще больше чем мы; а сущность цивилизации, как мы знаем, состоит в разделении занятий, господствующем как во всякой другой, так и в правительственной сфере. Каждый знает, делает свое одно какое-нибудь дело. При таком порядке естественно и легко главе государства поручить какое-нибудь новое дело известному лицу или собранию лиц, ибо это новое дело по характеру своему непременно относится к известному отдельному ведомству, управляющие которым приготовлены к делу своим воспитанием и опытностью, и, как бы дело ни было ново, связь его с известным разрядом дел ясна, и по этой связи человеку, приготовленному и опытному, легко понять его, овладеть им, приложить его.

Но не таково было положение России в конце XVII и начале XVIII века: разделение занятий в правительственной сфере по известным ведомствам быть не могло по самой простой причине, что нечего было делить. Явилось сознание необходимости для государства, для народа выйти на новую дорогу для продолжения исторической жизни, сознание нудящих потребностей, которым необходимо было удовлетворить как можно скорее; но где средства для этого удовлетворения, где знание, умение приняться за дело? Средство есть, по-видимому, очень легкое: призвать искусного иностранца и поручить ему дело. Средство, по-видимому, очень легкое, но в сущности чрезвычайно тяжелое, могущее обойтись для народа очень дорого, не в отношении только материальном, не в отношении только денег (деньги — дело нажитое), но при неразумном, страдательном употреблении означенной меры можно потерять такое нравственное добро, которого после не наживешь. Мы говорили, что русский народ совершил свой переход из одного возраста в другой по общим законам развития, уясняемым посредством сравнения жизни одного народа с жизнью других; мы видели, что западноевропейские народы совершили свой переход по тем же законам, но видели при этом и различие между ними

и нами. Важное и с выгодой на их стороне различие заключалось в том, что они получили сильное побуждение к умственному движению, а следовательно, и к переходу из своей древней истории в новую посредством знакомства с памятниками античной, греко-римской мысли. Они стали учиться по чужим книгам, по книгам, оставшимся от народов, уже сошедших с исторической сцены, народов мертвых. Они пошли в науку к древним и не избежали при этом увлечения, подражали до рабства, заучивались чужому до самозабвения, но все же имели важную выгоду в том, что учились не у живых учителей, не подвергались влиянию живых народностей, влиянию, понятно, более сильному и более опасному, ибо хотя несколько ученых греков, бежавших из разрушавшейся Византийской империи, и помогли в качестве учителей западноевропейским народам при изучении памятников греко-римской мысли, но число этих учителей было ничтожно, приток их не мог возобновляться и положение их было таково; что не могло быть опасно ни для какой народности. Другая важная выгода для западноевропейских народов заключалась здесь в том, что они имели дело с законченной деятельностью народов уже мертвых; учение, школа, следовательно, должна была сама собою рано или поздно кончиться, содержание ее исчерпывалось для ученика и более не подбавлялось: следовательно, ученик, получивши от школы побуждение и средства к умственному развитию, мог легко приступить к самостоятельной деятельности, пойти дальше учителей. Но этих выгод не было для русского народа, начавшего гораздо позднее свой переход в возраст умственного развития; он должен был обратиться к народам живым, брать от них живых учителей, следовательно, подчиняться влиянию живой чуждой национальности или национальностей. В этом отношении положение русского народа было похоже на положение народа римского, который должен был совершить известный переход под руководством греческой народности, хотя и потерявшей политическую самостоятельность, но еще живой и сильной; отсюда борьба в Риме при этом, образование партий, вопли старой римской партии против этих иностранных учителей греков, которые портят нравы, отнимают у римлян их прежний нравственный национальный строй. Для русского народа предстояла и другая невыгода; он должен был иметь дело с учителями из чужих живых и сильных народностей, которые не останавливались, но шли быстро в своем развитии, почему юный народ, долженствовавший заимствовать у них плоды цивилизации, осужден был гнаться за ними без отдыха, с страшным напряжением сил. Ему не давалось передышки, досуга передумать о всем том, что он должен был заимствовать, переварить всю эту обильную духовную пищу, которую он воспринимал. Внимание его было постоянно поглощено этим разнообразием явлений, которое представлял ему цивилизованный мир Западной Европы, и, естественно, отвлекалось от своего, а это вело к томительному недоумению,

с каким русский человек останавливался между явлением, которое он видел у других народов и для него желанным, и отсутствием условий для его произведения на родной почве или неумением отыскать эти условия. А тут еще новая невыгода от постоянного присутствия пред глазами русского человека живых, сильно развивающихся народов,— та же самая невыгода, какая проистекает для отдельного молодого человека, когда его слишком долго оставляют под надзором и руководством наставника, молодой человек привыкает ходить на помочах в ущерб самостоятельности и быстроты своего развития. Таковы-то были чрезвычайно неблагоприятные обстоятельства, которые встретил русский народ при своем движении на Запад, при соединении с тамошними цивилизованными народами. Народы слабые при встрече с цивилизацией, с этим тьмочисленным разнообразием новых явлений и отношений, какие она им представляет, не могут выдержать ее натиска и падают, вымирают. Народ русский обнаружил необыкновенную силу, выдержавши натиск цивилизации; но можно ли сказать, чтоб это было для него легко, чтоб он не подвергался при этом страшным опасностям, тяжелым ударам? В первую половину своей истории он долго вел борьбу с Азией, с ее хищными ордами, выдерживая их страшные натиски и заслоняя от них Западную Европу, долго боролся он с ними из-за куска черного хлеба. Вышедши победителем из этой борьбы, он смело ринулся на другую сторону, на Запад, и вызвал чародейные силы его цивилизации, чтоб и с ними помериться. Вызов был принят, и страшен был натиск этих чародейных сил; это уже не был материальный натиск татарских полчищ, это был натиск потяжелее, ибо это был натиск духовных сил, натиск нравственный, умственный. Таковы были опасные стороны нового положения, в какое становился русский народ. Благодаря успехам нашей науки, мы оставили далеко за собою ребяческие мнения, по которым одному человеку приписывалось то, что являлось общим по* непреложным законам народной жизни,— мнения, по которым в вину одному человеку ставились неблагоприятные обстоятельства, бывшие необходимым следствием известных исконных условий развития какого-нибудь народа. Но мы должны признать и значение вождей народных, великих людей: от их искусства зависит уменьшить затруднения, ослабить вредные влияния опасных сторон известного положения, провести народный корабль во время бури без больших потерь. Исполнил ли эту задачу и как исполнил ее, как провел во время бури переворота русский корабль «тот шкипер славный»³⁹, которого мы уже встретили в работе пребывающим, строящим корабль? Вот вопрос, пссильное решение которого есть наша задача⁴⁰.

---

* В оригинале ошибочно: по общим.

ЧТЕНИЕ ПЯТОЕ ⁴¹

В прошедшей беседе нашей речь шла об опасных сторонах положения, в какое необходимо становился русский народ в эпоху преобразования, вследствие связи своей с живыми и сильными народностями, от которых должен был заимствовать плоды цивилизации, у которых должен был учиться, влиянию которых, следовательно, должен был подвергнуться, как ученик подвергается влиянию учителей. Здесь первое главное средство для уменьшения опасности положения состояло в том, чтобы не позволить народу-ученику продолжительного страдательного отношения к народам-учителям. Речь идет об ученике, учителях; следовательно, сравнение, объяснение из школьной, воспитательной сферы напрашивается само собою. Представим себе такого учителя, который постоянно сообщает своему ученику множество знаний, делает пред ним множество опытов, решает множество задач, но при этом не обращает никакого внимания на ученика, усвоил ли тот преподаваемое и в какой степени усвоил,—ему до этого дела нет. Такое преподавание возможно и правильно как высшее преподавание, когда наставник имеет дело с человеком вполне подготовленным: но такое преподавание никуда не годится как начальное, имеющее целью приготовить человека, сделать его способным к принятию высшего преподавания. Здесь преподавание тем полезнее, чем более имеет в виду ученика, чем более наставник старается развивать самостоятельную его деятельность; пусть ученик с самого же начала испытывает свои силы, сам сейчас же повторяет преподаваемое правило, сейчас же прилагает узнанное к делу. Только посредством такого учения человек может развить свои способности, приобрести привычку к самостоятельной деятельности, укрепить духовно. Легко понять, что именно такое учение нужно было и русскому народу в этой начальной школе преобразования, когда при опасном столкновении с народами-учителями нужно было прежде всего озаботиться развитием самостоятельной его деятельности, избеганием по возможности страдательного положения, избеганием духовного принижения пред чужим, сохранением свободных отношений к чужому, духовной независимости, сознание своего достоинства. Что же делает народный вождь? Он проходит сам эту практическую, деятельную школу и заставляет других проходить ее. Он носит в себе ясное сознание, что его время есть время школы, школьного учения для народа, время школы, взятой в самых широких размерах. Но при этом он сознает лучшее средство пройти школу как можно безопаснее и как можно полезнее, имея в виду развитие самостоятельной деятельности народа. Отсюда вполне уясняется нам значение этой неутомимой работы Петра. Услыхал что-нибудь — непременно хочет посмотреть — так ли? Увидал какую-нибудь вещь — сейчас же хочет дознаться, для чего она употребляется, и сейчас же произвести опыт, посмот-

реть, как она употребляется; увидал какое-нибудь производство — сейчас же сам принимает в нем участие. Только этой неутомимой работой он может избежать сам крайне опасного страдательного положения в отношении к иностранцам и избавить от него народ свой. Мы уже говорили, что, когда понадобилось новое, чего русские люди не знали, не умели делать, всего легче было бы призвать знающих, умеющих иностранцев и поручить им введение всего нового; но тогда именно народ нашелся бы в страдательном положении, полной зависимости, духовном принижении. Без иностранцев обойтись было нельзя; но чтоб сохранить к ним свободное, независимое, мало того — властелинское, хозяйское отношение, надобно было приобрести способность надзора, проверки, а такую способность Петр и, по его примеру и побуждению, его сотрудники могли приобрести только этой неутомимой работой, этим немедленным практическим приложением всего узнанного. Чтоб сохранить свободное и хозяйское отношение к иностранцам, нельзя было допустить их к себе и дать им делать, что хотят и как хотят: нужно было побывать у них самих, в их землях, посмотреть, как там делается, до какой степени совершенства может достигать то или другое дело, и с этим соразмерять свои требования. Но главная забота состояла в том, чтоб дать пройти русскому народу хорошую школу, т. е. деятельную, практическую, приложительную с самого начала, чтоб не дать ему привыкнуть к страдательному положению относительно иностранных учителей, не дать потерять сознания своего народного достоинства. Школа, как уже сказано, была в самых широких размерах; все отправления государственной и народной жизни входили в нее; всюду русский человек должен был учиться и одновременно прилагать изученное к делу. Легко ли это? Сам вождь возвышался над уровнем человеческих способностей, был человек гениальный; но, как человек, и он должен был ошибаться, особенно в таком трудном деле. Что же другие? Петр заранее признает необходимость и пользу ошибок, неудач при учении; дурно, если все удастся, особенно сначала: ошибка, неудача учат осторожности, гонят гордость, самомнение. Два отдела великой народной школы, которую проходили русские люди при Петре, были особенно важны по отношению к иностранцам, иностранным учителям: это война в собственном смысле и борьба мирная между народами, борьба дипломатическими средствами. Здесь Петр подвергался страшному искушению; иностранцы старались внушить ему: нельзя вести войны с неприготовленными, невученными офицерами и генералами, особенно главными, фельдмаршалами: здесь ошибки, неискусство, неопытность вождей могут иметь неисчислимо гибельные следствия. Надобно поэтому для успеха войны пригласить иностранных фельдмаршалов, генералов, офицеров, и русские пусть приготавливаются, учатся. Но Петр знал, что война есть лучшая школа для способностей; что нельзя выучиться делу, только смотря, как другие делают,

и назначал своих русских генералами и фельдмаршалами: пусть сначала ошибаются, но зато выучатся. То же самое на поприще дипломатическом. Россия вошла в сношение со всеми значительнейшими европейскими дворами: одни из них она должна была привлекать в союз с собою; другие, по крайней мере, удерживать от вражды, вводить в свои интересы: при всех дворах нужно было иметь ей постоянных представителей, которые бы неусыпно блюли за русскими интересами в этом многосложном движении международной европейской жизни. И опять страшное искушение, опять внушают: русские совершенно не приготовлены к дипломатическому поприщу; они не знают ни прошедшего, ни настоящего тех держав, где будут уполномочены; вообще имеют смутное понятие об отношениях европейских народов друг к другу, об истории этих отношений. Неминуемое следствие такого незнания — неловкость положения, ошибки, которые будут иметь гибельные следствия для русских интересов: необходимо поэтому назначить на главнейшие дипломатические посты знающих, искусных иностранцев. Но Петр преодолел и это искушение: русские должны выучиться на самой практике; пусть сначала будут ошибаться, ошибки пойдут в пользу понятливым и усердным ученикам, — и на всех важнейших дипломатических постах являются русские люди. То же самое по всем частям управления, у Петра было правило: во главе известного управления ставить русского человека, второе по нем место мог занимать иностранец, вследствие чего при кончине Петра судьбы России оставались в одних русских руках. Соблюдением этого правила Петр в опасный период ученичества отстранял духовное принижение своего народа перед чужими народностями, сохраняя за ним властелинское, хозяйское положение: искусному иностранцу были рады, ему давались большие льготы и почет, он не мог только хозяйничать в стране. Но для того чтоб преодолеть все приведенные искушения и дойти до такого правила, неужели достаточно было одних холодных расчетов ума? Нет, Петр был сам истый русский человек, сохранявший крепкую связь с своим народом: его любовь к России не была любовью к какой-то отвлеченной России; он жил с своим народом одной жизнью и вне этой жизни существовать не мог. Без этого он не мог так глубоко и горячо верить в свой народ, в его величие, только по этой вере он мог поручить русским людям то, в чем они по холодным соображениям ума не могли иметь успеха по своей неопытности и неприготовленности⁴². И свели они свои счета — великий народ и великий вождь народный; за горячую любовь, за глубокую и непоколебимую веру в свой народ, народ этот заплатил вождю успехом, превосходившим все ожидания, силой и славой небывалыми, те неопытные русские люди, которым Петр поручил начальство над своими неопытными войсками, оказались полководцами, каких не могла дать ему образованная Европа; те неприготовленные русские дипломаты,

не знавшие ни прошедшего, ни настоящего держав, куда были посланы представителями России, очень скоро стали в уровень с самыми искусными министрами европейскими.

Таким образом уясняется для нас историческое значение этого образа, в каком Петр является в первый раз перед нами и в каком видим его в продолжение всей жизни: «в работе пребывающий»⁴³, царь-работник, царь с мозольными руками. История ставит народ в исключительное, чрезвычайное положение, положение крайне опасное. Для избежания этих опасностей требовалось чрезвычайное напряжение сил, чрезвычайный труд. Какая же роль великого человека, народного героя и прирожденного вождя, царя? Он первый двигается, первый принимает это чрезвычайное положение, первый принимает на себя чрезвычайный труд, первый проходит эту деятельную школу, которая одна могла развить самостоятельные силы народа, поставить его на ноги, привести в положение, которое бы возбуждало в нем уважение к самому себе и внушало уважение к нему в других народах. Нельзя было говорить другим: «двигайтесь, работайте, учитесь деятельно, самостоятельно, не отчаивайтесь, когда чего не умеете; начинайте только делать, сами увидите, что сумеете». Нельзя было только говорить это другим и ждать успеха от слова, надобно было показать на примере, на деле; надобно было для начинающего народа употребить наглядный способ обучения, и Петр, становясь работником, учеником, делался чрез это великим народным учителем. Движение началось благодаря сильной руке; но, чтоб оно шло с возможной быстротой, успехом, нужен был глаз, надзор заводчика, хозяина, начавшего громадное производство; а что такое глаз, надзор без собственного знания и опыта надзирающего? Вот почему в этой неутомимой работе, в стремлении все узнать и сделать самому мы видим необходимое приготовление к той царственной деятельности, которая выпадала Петру во время движения его народа на новую дорогу. Народ должен поднять страшную тяжесть; сознает, что должен, обойтись без этого нельзя; но, естественно, колеблется, останавливается в недоумении, как приняться за дело, достанет ли сил. Что же делает великий человек, вождь народный? Он первый подставляет свои могучие плечи под тяжесть, отдает всю свою чрезвычайную силу в общее дело, и дело, благодаря этому вкладу, начинается, идет, народ получает помощь. И вот подле значения великого учителя народного другое значение — великого помощника народного, а образ все тот же — образ царя-работника.

Уяснив для себя этот образ, в котором Петр впервые является перед нами; уяснив для себя это первое определение, которое Петр дал самому себе: «в работе пребывающий», мы будем следить за этой работой, т. е. будем следить за тем, какую помощь оказывал великий царственный работник своему народу в тяжелом деле перехода от его древней истории в новую, перехода, сопря-

женного с такими тяжестями, каких не испытывал никакой другой народ при подобном переходе. Прежде всего великая помощь была оказана народу тем, что он был выведен из самого печального, растлевающего силы отдельного человека и целого народа положения, когда возбужденный ум отрицательно относится к окружающим явлениям, и в то же время не имеет средств создать новые отношения, новый мир, где бы ему было спокойнее и просторнее; прежние явления существуют, но лишены для него содержания, значения, и он ходит между ними, как между гробами и развалинами. Единственное средство вывести его из такого печального положения — это труд, сильная практическая деятельность, отвлечение его от задавания себе и другим праздных вопросов и привлечение его к решению вопросов на деле. По недостатку точных исторических наблюдений у нас приписывали Петру это отрицательное отношение ко всему существовавшему, разрушительные удары, нанесенные прежним формам государственной жизни, удары, которые тяжело отозвались и в мире нравственном. Но теперь мы знаем, что это отрицательное отношение началось, усилилось прежде Петра; прежде него русский человек уже отрицательно относился ко всему начиная с бороды, широкого по азиатскому покрою платья до высшей сферы религиозной, где слышались отрицания как со стороны раскольника, который обольщал себя, будто стоял за неприкосновенность старины, так и со стороны человека, наслушавшегося католических и протестантских внушений. Этот-то период отрицания, сомнения, колебания, период необходимый, ибо им начинается переход в возраст умственного развития, но страшно вредно действующий на силы отдельного человека и целого народа, когда бывает продолжителен, этот-то период и был укорочен Петром, который уничтожил празднотшание мысли, засадив русских людей за работу, за решение практических задач.

Природа Петра давала ему средства исполнить это дело, давала ему средства работать без усталости и возбуждать других к работе, природа огненная, природа человека, не умеющего ходить, а только бегать. Природа! А воспитание? Первоначальное воспитание, полученное Петром, было древнерусское: грамотность повела непосредственно и можно сказать исключительно к изучению св. писания, что и дало на всю жизнь обильное питание его глубокой религиозности. Церковная жизнь не коснулась его только внешним образом, он не признал ее необходимости только с государственной точки зрения и холодно подчинился этой необходимости. Церковная жизнь обхватывала его своим светом и теплотой, как человека и как русского человека; он любил ее народную обстановку, любил русское богослужение; по природе своей хотел деятельно участвовать в нем, сколько это возможно мирянину, сам пел и читал в церкви. Наука и школа переходной эпохи, выписанные из западной России с ее тамошней обстановкой, мало

или вовсе не коснулись Петра, ему не дали учителя, какой был у его старших братьев, не дали какого-нибудь Симеона Полоцкого; эта наука и школа отнеслись даже враждебно к Петру: верный ученик Полоцкого, хранитель его преданий, Сильвестр Медведев был ревностный приверженец Софьи и потому враг Петра. Таким образом, эта славяно-греко-латинская или, вернее, греко-латино-польская наука осталась в стороне, с ее богословскими спорами о времени пресуществления, с ее хлебопоклонной ересью. Петр был предоставлен самому себе. Огненный, гениальный ребенок не может все сидеть в комнате без дела и перечитывать одну и ту же книгу; он рвется из печального, скучного опального дома на улицу, собирает около себя толпу молодежи из придворных служителей; забавляется, играет с ними; как все живые дети любит играть в войну, в солдаты. Но одними этими играми и забавами не может удовлетвориться и в детстве такой человек, как Петр; требует удовлетворения жажда знания. Он останавливается на каждом новом предмете, превращается весь во внимание, когда говорят о каком-нибудь удивительном инструменте. Говорят ему об астролябии; он непременно хочет иметь инструмент, «которым можно брать дистанции, не доходя до того места». Астролябия привезена; но как ее употреблять? Из русских никто не знает; не знает ли кто из иностранцев? Самый близкий человек из иностранцев, которого прежде других цари древней России считали необходимым вызывать к себе,— это лекарь, дохтур. Не знает ли дохтур, как употреблять астролябию? Дохтур говорит, что сам не знает, но сыщет знающего, и приводит голландца Франца Тиммермана. Петр отыскал себе учителя и «гораздо пристал с охотою учиться геометрии и фортификации; и тако сей Франц чрез сей случай стал при дворе быть беспрестанно в компаниях с нами»,— говорит сам Петр. Но один иностранец не ответит на все вопросы, не удовлетворит всем требованиям. В измайловских сараях, где складывались старые вещи, Петр находит иностранный английский бот, ставший для нас так знаменитым. «Что это за судно, для чего употребляется?— Ходит на парусах по ветру и против ветра»— отвечает Тиммерман. Непременно надо посмотреть, как это, непременно надо починить бот, спустить на воду. Тиммерман этого сделать не умеет; но он приводит своего земляка, голландца Бранта. Бот на Яузе: «удивительно и зело любо стало». Но река узка; бот перетаскивают в Просяной пруд. «Охота стала от часу быть более», и вследствие этой-то охоты мы уже встретили Петра на Переяславском озере, в работе пребывающим. Но и в ранней молодости односторонность не была в характере Петра: строение судов и плавание на них не поглощали всего его внимания; он в постоянном движении, работе и на суше; он учится геометрии и фортификации, обучает солдатские полки, сформированные из старых потешных и новых охочих людей, явившихся отовсюду, из знати и простых людей, строить

крепость Пресбург на берегу Яузы. Даются примерные битвы, где в схватках с неприятельским генералиссимусом Фридрихом (кн. Ромодановским) или польским королем (Бутурлиным) отличается Петр Алексеев, то бомбардир, то ротмистр. Но этот бомбардир и ротмистр был также и шкипером. Переяславское озеро стало ему тесно; он посмотрел Кубенское: то было мелко; он отправляется в Архангельск, устраивает там верфь, закладывает, спускает корабли и пишет с восторгом: «Что давно желали, ныне совершилось».

Так воспитывался Петр, развивал свои силы. Мы видели, как в своем стремлении к знанию он встретился с иностранцами. Не умея приложить к делу известный инструмент и не находя между русскими никого, кто бы помог своим знанием, Петр отыскивает иностранца, который объясняет дело и становится его учителем, вследствие чего находится в его компании; другой иностранец объясняет ему значение бота. Естественно, что за решением многих и многих вопросов, которые толпятся в голове Петра, он должен обращаться к иностранцам, требовать их услуг, быть с ними в компании. Иностранцев довольно в Москве, целая колония — Немецкая слобода. Тут жили люди ремесленные и военные. Западная Европа имела своих казаков в этих наемных дружинах, составлявшихся так же, как и наши казацкие дружины, из людей, которым почему-нибудь было тесно, неудобно на родине, и шли они служить тому, кто больше давал; искать отечества там, где было хорошо, и служили они в семи ордах семи королям, как выражалась старая русская песня о богатырях, этих первообразах и казаков Восточной Европы и наемных дружинников Западной. Мы видели, что в Западной Европе государи обратились к наемным войскам, когда разбогатели, стали получать хорошие доходы, хорошие деньги от поднявшегося города, от промышленного и торгового движения. Кроме того, наемные войска были желательны и потому, что отличались своим искусством: война была их исключительным занятием. И у нас в XVII веке являются эти западноевропейские наемники, но вовсе не потому, чтоб наши цари нуждались в войске и, разбогатев, получили возможность нанимать его. Бедное государство должно было тратить последнюю копейку на этих наемников, чтоб иметь обученное по-европейски войско, чтоб не терпеть слишком тяжелых поражений вследствие неискusstва своего помещичья войска. В конце XVI и начале XVII века мы видим иностранных наемников в царском войске, выходцев из разных стран, немцев, французов, шотландцев. У себя, в Западной Европе, эти наемные дружинники хотя представляли известные особенности, однако не могли поражать резким отличием по общности нравов и обычаев; но понятно, как выделялись они у нас в XVII веке. Между ними, разумеется, нельзя было сыскать людей ученых; но эти были люди бывалые, много странствовавшие, выдавшие много разных стран и народов, много испытывавшие;

а известно, как эта бывалость развивает, какую привлекательность дает беседа такого бывалого человека, особенно в обществе, где книги нет, и живой человек должен заменять ее. Легко понять, что Петр, обратившись раз к иностранцам за решением различных вопросов, при своей пытливости, страсти узнавать новое, знакомиться с новыми явлениями и людьми, должен был необходимо перешагнуть порог Немецкой слободы, этого любопытного, привлекательного мира, наполненного людьми, от которых можно было услышать так много нового о том, что делается в стране чудес, в Западной Европе. Петр в Немецкой слободе, Петр — представитель России, движущейся в Европу, входит в этот чужой мир, входит еще очень молодым, безоружным. Молодой богатырь схватывается с этой силой; собственные силы его еще не окрепли, и он естественно подчиняется ее влиянию, ее давлению; это влияние обнаруживается в том, что самым близким, любимым человеком становится для него иностранец Лефорт. Лефорт был блестящий представитель людей, населявших Немецкую слободу. Как все они, Лефорт не имел прочного образования, не мог быть учителем Петра ни в какой науке, не был мастером никакого дела; но это был человек бывалый и притом необыкновенно живой, ловкий, веселый, открытый, симпатичный, душа общества. Петр подружился с ним, подружился дружбою молодого человека, дружбою страстною, увлекающеюся, преувеличивающею достоинства любимого человека. Влияние Лефорта на молодого Петра сильное, потому что мы подчиняемся самому сильному влиянию не того человека, которого мы только уважаем, но того, кого мы любим. Петру было весело, занято в Немецкой слободе, среди людей, которых речи были для него полны содержания, чего он не находил в речах окружавших его русских людей, и всего приятнее и занятнее было с Лефортом. Что же делал Петр в этот период влияния Немецкой слободы, лефортского влияния? Развитие шло быстро; от работы, которая имела вид потехи, Петр переходил к настоящему делу; и Белое море становилось тесно, плавание по нему бесцельно, имело также вид потехи; а потехи уже наскучили, не удовлетворяли, от них оставалась пустота в душе, от них саднило на сердце. Человек мужал, и являлась потребность сделать что-нибудь важное, полезное. Что же сделать? Сначала как обыкновенно прельщают мечты, молодой человек еще рвется на предприятия далекие, имеющие связь с любимым занятием; зачем без цели строить корабли в Архангельске, заказывать их иностранцам? Нельзя ли через Северный океан отыскать проход к Китаю, Индии? Потом мечта уступает мысли серьезной, осуществимой; на юго-востоке Россия прикасается также к морю, имеющему выгодное положение; чрез него можно ближе, удобнее завести торговые сношения с богатыми странами Азии; на него давно уже иностранцы указывали московскому правительству, требуя свободного проезда к

нему для торговли: это Каспийское море. Надобно строить корабли для него, надобно ехать в Астрахань, завести сношения с Персией. Итак движение на Восток, к Азии; но естественно ли такое движение в тот период жизни народа, когда он именно стремился уйти с Востока на Запад, когда все внимание было обращено на Европу? Естественно ли было ожидать, чтоб Петр начал с Каспийского моря? И вот поездка в Казань и Астрахань, несмотря на видимую пользу, практичность, приложимость, откладывается, как дело тяжелое, неприятное. Все внимание и желание обращено на Запад: там заветное море, туда надобно пробраться; но как? Заперто, и ключ у шведов. Мысль кружится около России, постоянно останавливается у Балтийского моря, постоянно должна отступать, отталкиваться от него и все же опять неодолимо влечется к нему. Молодой орел бьется в клетке. Но молодой орел растет, мужает; уставши от кружения мысли около России, молодой человек мало-помалу войдет внутрь нее, станет на действительную почву, начнет заниматься настоящим, текущим делом. Северный океан, Китай, Индия, Каспийское море, Персия, Балтийское море, в которое труднее пробраться, чем в Восточный океан,— все это мечты, сказочные подвиги богатыря, ищущего приключений, отправляющегося на поиск заколдованного терема, спящей царевны и т. п.; человек пробуждается, грезы исчезают; является жизнь, наяву, настоящая, действительная; а настоящее, действительное— это Россия с ее внутренней и внешней жизнью: вот чем надобно заняться. Что же здесь на первом плане? Война с Турцией— война, начавшаяся в правление Софьи и ведшаяся при ней неудачно; надобно загладить эти неудачи, кончить войну с честью, славой; здесь самый удобный случай выступить на сцену достойно перед Россией и Европой; а война идет европейская, первая европейская война для России в союзе с европейскими государствами. В царствование Алексея Михайловича продолжительная и тяжелая война России с Польшей за Малороссию кончилась крайним истощением обоих государств, с тем различием, что Россия имела средства поправиться, а Польша их не имела. По окончании этой войны польский вопрос получает новый вид. Оказалось, что России нечего бояться Польши; Польша не будет более помехой движению России в Европу; напротив, Польша должна затянуть Россию в европейские дела, в общую европейскую жизнь, если бы даже Россия этого не хотела: Польша по своему бессилию, по своему страдательному положению, становилась ареной, на которой должны были бороться чужие народы, бороться с оружием в руках и дипломатическими средствами; Россия не могла оставаться праздною зрительницей этой борьбы, волей-неволей она должна принять в ней участие, не дать усилиться здесь враждебному влиянию, не дать чужим захватить своего, русского; а известно, сколько было русского добра у Речи Посполитой польской. Где труп, там соберут-

ся орлы, и хищники вились над Польшей. Казак Дорошенко, гетман польской Украины, кликнул турецкого султана на добычу, поддавшись ему; турки явились на зов и разгромили Польшу, объявляя притязания на всю Украину, которую именем казачества отдавал им Дорошенко. Таким образом, Россия втягивалась в первый раз непосредственно в войну с Турцией, и, естественно, должна была помогать Польше. Турки в последний раз перед упадком своим явились грозны для соседей: Австрии, Венеции предстояла страшная опасность; Вена подвергалась осаде. Такое положение, естественно, вело к союзу этих соседей против общего врага — врага всему христианству. Россия и Польша заключили Вечный мир; Ян Собеский со слезами подписал знаменитый Московский договор, по которому Киев навсегда оставался за Россией, но за эти слезы Россия должна была заплатить деятельной помощью Польше против турок. Впервые Россия вступала в общее действие с европейскими державами, с Польшей, Австрией и Венецией, являясь членом этого союза, который назывался священным. В Москве решено было действовать против Крыма, чтоб удержать татар от подания помощи туркам. Два степных похода на Крым, соединенные со страшными тягостями для войска, были неудачны, что наложило пятно на правление Софьи, на ее любимца кн. В. В. Голицына, предпринимавшего эти походы. Крупных военных действий не было до тех пор, пока в развитии Петра не произошел поворот от юношеской мечты, от неясных стремлений, от неопределенных порывов к действительности, от юношеской потешной деятельности к труду государя. Надобно было продолжать энергически, кончить с честью и пользой Турецкую войну, тем более, что Восточный вопрос представлялся уже с тем великим политическим и нравственным значением, какое он имеет в жизни русского народа. Иерусалимский патриарх писал, что французы, пользуясь враждою между Россией и Портой, отнимают святые места у православных. «Нам лучше жить с турками, чем с французами,— писал патриарх.— Но вам не полезно, если турки останутся жить на севере от Дуная или в Подоле, или на Украине, или если Иерусалим оставите в их руках: худой это будет мир, потому что ни одному государству турки так не враждебны, как вам. Если не будет освобождена Украина и Иерусалим, если турки не будут изгнаны из Подолии, не заключайте мира с ними, но стойте крепко. Если будут отдавать вам весь Иерусалим, а Украины и Подолии не уступят, не заключайте мира. Помогите полякам и другим, пока здешние погибнут. Вперед такого времени не сыщете как теперь. Вы упросили бога, чтоб у турок была война с немцами; теперь такое благоприятное время, а вы не радеете. В досаду вам турки отдали Иерусалим французам и вас ни во что ставят. Много раз вы хвалились, что хотите сделать и то и другое, и все оканчивалось одними словами, а дела не явилось никакого». Не Петру

было слушать, что дело не явилось. Дело явилось в 1695 году. Но *шкипер* не пойдет в степной поход; он подплывает к сильной турецкой крепости Азову, загораживающей дорогу к морю. Шкипер подплыл под Азов, преодолев большие препятствия, задержки: «больше всех задержка была от глупых кормщиков и работников, которые именем слывут мастера, а дело от них, что земля от неба», — писал Петр. «Но, — продолжал он, — по молитвам св. апостола, яко на камени утвердясь, несомненно веруем, яко сыны адские не одолеют нас». При осаде шкипер превратился в бомбардира, сам чинил гранаты и бомбы, сам стрелял и записал: «Зачал служить с первого азовского похода бомбардиром». Но дело не сделалось, Азов не был взят; Петр возвратился в Москву — и начинается страшная деятельность. Царь вызывает из-за границы новых мастеров, из Архангельска — иностранных корабельных плотников, хочет строить суда, которые должны плыть к Азову и запереть его от турецких судов, дававших помощь осажденным. Это было в ноябре 1695; корабли должны быть готовы к весне будущего 1696 года. Возможно ли это? В Москве строят галеры по образцу привезенной из Голландии; в лесных местах, ближайших к Дону, 26 000 работников рубят струги, лодки, плоты. В начале 1696 года Петр с большой ногой едет в Воронеж. Опять препятствия, задержки: иностранные лекари пьют и во хмелю колют друг друга шпагами; подводчики бегут с дороги, бросая перевозимые вещи; леса горят именно там, где рубят струги; в Воронеже капитан кричит, что в кузнице угля нет; мороз не вовремя снова леденит реки и останавливает работы; но Петр не отчаивается: «Мы, — пишет он, — по приказу божию к прадеду нашему Адаму, в поте лица своего едим хлеб свой»⁴⁴. Этот хлеб ел он в маленьком домике, состоявшем из двух комнат. И вот летом в Москве получают от него письмо: «Господь бог два-летние труды и крови наши милостию своею наградил: азовцы, видя конечную свою беду, сдались». Неудача, сламывающая слабого, возбуждает сильного; неудача первого азовского похода выказала те громадные силы, которыми обладал Петр; здесь последовало явление великого человека. С этих пор мы будем иметь дело с Петром *Великим*.

ЧТЕНИЕ ШЕСТОЕ⁴⁵

После неудачи не отчаиваться, но усилить труд для того, чтоб как можно скорее поправиться; после удачи не отдыхать, не складывать рук, но также усиливать труд, чтоб воспользоваться плодами удачи, — вот примета великого человека. По возвращении из второго азовского похода у царя идут совещания с боярами: «Нельзя довольствоваться тем, — говорит Петр, — что Азов взят; после осады он в самом печальном положении, надобно его укрепить».

пить, устроить, снабдить жителями и гарнизоном; но и этого мало, сколько бы мы войска ни ввели в Азов, турок и татар не удержим, тем более, что конницы там много иметь нельзя. Надобно воевать морем; для этого нужен флот, или караван морской, в 40 и более судов. Прошу порадеть от всего сердца для защиты единоверных и для своей бессмертной памяти. Время благоприятное, фортуна сквозь нас бежит, никогда она к нам так близко на юге не бывала; блажен, кто схватит ее за волосы». Решено поднять общими силами великую, небывалую тягость строения флота. Землевладельцы, патриарх, архиереи и монастыри, бояре и все служилые люди с известного числа крестьянских дворов ставят по кораблю; торговые люди должны поставить 12 кораблей. Общее дело: надобно соединяться, складываться и потому составляется несколько компаний (кумпанств). Кроме русских плотников, каждое кумпанство обязано было содержать на свой счет мастеров и плотников иностранных, переводчиков, кузнецов, резчика, столяра, живописца, лекаря с аптекою. Чем больше нового необходимого дела, тем больше нужды в иностранцах, которых надобно вызывать толпами. Долго ли же так будет, долго ли оставаться в такой зависимости от иностранцев? Необходимо, чтоб русские скорее выучились, скорее и как можно лучше выучились: для этого надобны большие средства, а главное — лучшие учителя. Но Западная Европа вдруг не перенесет к нам своих средств, накопленных веками, и не пришлет к нам лучших своих учителей. Надобно, следовательно, послать русских людей учиться за границу, и 50 человек молодых придворных отправились в Венецию, Англию и Голландию. Но как они там будут учиться, у кого; как потом узнать, хорошо ли они выучились, всем ли они воспользовались и к чему способны? Надобно, чтобы кто-нибудь из русских прежде них там выучился, все узнал; и кто же будет этот русский первый ученик? Разумеется, начальный человек в великой работе, на которую шел народ, — известный шкипер, бомбардир и капитан. В 1697 году по Европе проходят странные вести: при разных дворах является русское посольство; в челе его два великих полномочных посла: один иностранец, женевец Лефорт, другой русский, Головин; в свите посольства удивительный молодой человек, называется Петр Михайлов; он отделяется от посольства, останавливается в разных местах, учится, работает, особенно занимается морским делом, но ничто не ускользает от его внимания, жажда знания, понятливость, способности необыкновенные, — и этот необыкновенный человек сам царь русский. Явление, никогда не бывалое в истории, возбуждает сильное любопытство, и вот две женщины, которые могли справедливо считаться представительницами западноевропейского цивилизованного общества по своим способностям и образованию, спешат посмотреть на диковину, на дикаря, который хочет быть образованным и образовать свой народ; эти женщины были: ганноверская

курфюрстина София и дочь ее, курфюрстина бранденбургская София-Шарлотта. Какое же впечатление произвел на них Петр? Вот их отзыв: «Я представляла себе его гримасы хуже, чем они на самом деле, и удержаться от некоторых из них не в его власти. Видно также, что его не выучили есть опрятно; но мне понравилась его естественность и непринужденность»,— говорит одна. Другая распространяется более: «Царь высок ростом; у него прекрасные черты лица и благородная осанка; он обладает большою живостью ума, ответы его быстры и верны. Но при всех достоинствах, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтоб в нем было поменьше грубости. Это государь очень хороший и вместе очень дурной; в нравственном отношении он полный представитель своей страны. Если б он получил лучшее воспитание, то из него вышел бы человек совершенный, потому что у него много достоинств и необыкновенный ум»⁴⁶.

Станный, а может быть, и оскорбительный отзыв! Государь очень хороший и вместе очень дурной! Действительно, мы к такому сопоставлению противоположных сторон не привыкли. По слабости своей природы, человек с большим трудом привыкает к многосторонности взгляда; для него гораздо легче, покойнее и приятнее видеть одну сторону предмета, явления, на одну сторону клонить свои отзывы, бранить так бранить, хвалить так хвалить. Найдут хорошее качество, хороший поступок, хорошее слово у какого-нибудь Нерона— и пишут целые сочинения, что напрасно считают Нерона Нероном: он был хороший человек, и найдутся люди, которые восхищаются: «Ах, какая новая мысль: Нерон был хороший человек; честь и слава историку, который открыл такую новость, наука двинулась вперед». Отыщут дурное качество или дурной поступок у человека, который пользовался славою, противоположно славе Нерона,— и начинаются толки, что напрасно величали его благодетельную деятельность; вот какой дурной поступок он сделал тогда-то, а другие восстают с ожесточением на дерзкого, осмелившегося заявить, что в солнце есть пятна; в солнце не может быть пятен, в деятельности такого-то знаменитого деятеля не может быть темных сторон, в ней все хорошо; кто находит, что не все хорошо, тот человек злонамеренный, и вот этого злонамеренного благонамеренные стараются принести в жертву памяти знаменитого человека; жергва языческая, заклание человека гения умерших! А все оттого, что забывается, чему учат в раннем детстве; забываются две первые заповеди, что бог един— одно только существо совершенное, и не должно иметь других богов, не должно творить себе кумиров из существ несовершенных. Памятование этих заповедей есть первая обязанность историка, если он действительно хочет двигать вперед свою науку, хочет представлять живых людей со светлыми и темными сторонами их умственной и нравственной деятельности, называя знаменитыми тех, у кого результаты деятельности светлых сторон

далеко превысили результаты деятельности темных, называя великими тех, которые по свету и теплоте своей деятельности являются солнцами, хотя и не без пятен; которые окупили свои темные стороны великими делами, великими жертвами, которым много оставляется, потому что возлюбили много.

Поэтому мы несколько не смутимся приговором образованной наблюдательной женщины над нашим Петром. Он ей показался очень хорошим и вместе очень дурным, и мы даже не ограничим этого дурного одним внешним; не скажем, чтобы эта владетельная дама образованной Европы была оскорблена внешнею грубостью, незнанием правил внешнего приличия, неумением есть опрятно; мы признаем, что здесь дело идет не об одном внешнем. Петр был человек, одаренный необыкновенными силами: дело воспитания состоит в том, чтоб приучать человека давать правильное употребление своим силам, ставить нравственные границы для них. Воспитание не оканчивается домом, школой; воспитывает главным образом общество; оно воспитывает хорошо, если выработало известные нравственные законы, поставило нравственные границы и зорко смотрит, чтобы личная сила не переступила их: общество воспитывает хорошо, если дает простор всякой силе в ее хорошем направлении и сейчас же ее сдерживает, как скоро она уклонилась от этого направления. Что обыкновенно делает человек, когда отправляется из дому в общество, где встретит людей, к которым питает уважение? Он заботится, чтоб все его внешнее не произвело невыгодного впечатления; он охорашивается, старается вести себя прилично. Благо тому обществу, которое необходимо требует, чтоб каждый член, входя в него, нравственно охорашивался, чтоб каждая сила употреблялась надлежащим образом, чтоб личная сила не переступала известных нравственных границ, поставленных общественным самоуважением, общественным тактом: такое общество дает хорошее воспитание человеку. Но горе тому обществу, где сила не находит себе нравственных границ, где она не считается с другими силами, не чувствует обязанности сторониться перед ними, где перед нею расступается доступная ее давлению мягкая слабая толпа, и сила разнуздывается беспрепятственно. Горе тому обществу, которое не может встретить каждую силу строгим вопросом: откуда она и куда направлено ее стремление; не может испытать, настоящая ли это сила, или фальшивая, самозванная. Горе тому обществу, которое способно преклониться и служить этой фальшивой, самозванной силе. Горе тому обществу, в которое можно вступить, не охорашиваясь нравственно, с полным неряшеством, без уважения к общественному уху в словах своих, без уважения к общественному смыслу в мыслях своих. Горе тому обществу, где порок не ищет темных углов, но горделиво разгуливает при дневном свете по улицам и площадям. Горе тому обществу, которое не умеет верить ни слов, ни дел, которое безотчетно увлекается, как ре-

бенок, первым движением, первым громким словом. Такое общество не может дать хорошего воспитания: дети могут ли воспитать мужей?

Мы видели, что Петр не мог получить школьного воспитания, разумея под ним правильное научное образование, умственное и нравственное, под руководством более или менее искусных наставников. Но, быть может, общество могло восполнить этот недостаток, могло дать ему хорошее воспитание? После внимательного рассмотрения состояния старинного русского общества, в котором Петр необходимо должен был воспитываться, мы получим ответ отрицательный. Физической разбросанности, разрозненности народа соответствовала нравственная несплоченность общества, и потому невозможно выработать крепкие нравственные границы для сил, которым предоставлялся широкий степной простор; личная сила могла встретить себе сдержку в другой большой личной силе, или в собирательной физической силе толпы. Дурной воевода, например, мог делать все, что хотел: нравственных сдержек не было; он мог пасть, если встречался с каким-нибудь другим более сильным лицом, или от восстания, бунта толпы, выведенной из терпения его насилиями. Экономические условия, о которых была речь прежде, не могли вести к благоприятным для нравственных сдержек отношениям, ибо эти условия заставили невооруженную часть народонаселения непосредственно кормить вооруженную. Не выработались известные сословные группы, крепкие своей внутренней сплоченностью, сознанием своих общих интересов, своих прав, определенностью своих отношений друг к другу, сознанием, которое могло поднимать нравственно каждого члена такой группы, сильного не личной силой, но своей крепкой связью с сочленами своими при равенстве между ними. Все отношения основывались на личной силе: человек безусловно подчинялся более сильному и в то же время безусловно подчинял себе менее сильного и, таким образом, преобладающим отношением было отношение господина к рабу. Отсутствие образования, науки задерживало развитие духовных сил, не вело к появлению особого рода авторитетов, сильных не физической силой, не силой своего положения, но средствами исключительно нравственными. Отсутствие образования, науки отнимало возможность самостоятельно относиться к каждому явлению, поверять его, отличать истинные авторитеты от ложных. Отсутствие образования, науки давало то печальное духовное равенство, при котором различию по материальным средствам давалась полная сила. Все это, вместе с долговременным отчуждением народа от общения с народами, стоявшими на равной или высшей ступени общественного развития, постоянное обращение с народами, стоявшими на низшей ступени, не могло благоприятно действовать на состояние общества в древней России, давать ему возможность хорошо воспитывать своих членов. Нравы были грубы, и нам не нужно входить в под-

робности для доказательства сказанного, стоит указать на одно доказательство ясное и неопровержимое — затворничество женщины. Существо, от которого преимущественно зависит соблюдение чистоты семейной, наряда внутренней жизни, и существо слабое материально, женщина не могла быть безопасна в обществе, на улице. В обществе мужчин, дома и вне дома, глаз ее не был безопасен от оскорбительного для нравственности зрелища, ухо — от оскорбительного для нравственности слова; существо слабое физически не было безопасно при отсутствии уважения сильного к слабому вообще. Но при таких условиях естественное и необходимое дело — уйти, спрятаться, запереться, не выглядывать на свет, чтоб не видеть дел темных. При объяснении этого явления не нужно прибегать к мудрствованиям, натяжкам, предполагать какие-то чужие влияния; дело объясняется для каждого ясно: выпустим ли мы женщину или ребенка ночью на улицу, когда знаем, что на улице небезопасно; то же сделаем и днем, когда удостоверимся, что и днем небезопасно; при отсутствии безопасности сильный выходит вооруженный, слабый сидит дома запершись; так естественно произошло затворничество женщины в древнем русском обществе, разумеется, в классах достаточных, где женщина могла не быть работницей, обязанной поневоле выходить из дому. Понятно, что такое общество не могло дать хорошего воспитания; понятно, что представитель такого общества являлся очень дурным, хотя по природным своим качествам был очень хорошим человеком. Петр обладал необыкновенным нравственным величием: это величие выражалось в том, что он не побоялся сойти с трона и стать в ряды солдат, учеников и работников, когда сознал, что необходимо ввести в свой народ силу, до тех пор мало известную и в почете не находившуюся, — силу умственного развития, искусства и личной заслуги. Необыкновенное нравственное величие Петра выражалось в способности уважать нравственное величие в других и сдерживаться им; как бы он ни был раздражен, он умел всегда преклониться пред подвигом гражданского мужества, пред резким, но правдивым словом подданного, которое противоречило его собственному взгляду. Но в то же время Петр был человек в высшей степени страстный, и там, где он видел явную ошибку, злонамеренность, преступление, там он уже не сдерживался, выходил из себя, становился свиреп, употреблял материальные средства для прекращения зла и верил в их действительность; там он схватывался с человеком, как с личным врагом своим, и позволял себе терзать его. Петр умел сдерживаться уважением к хорошему человеку, и от этого происходили бесчисленные благодетельные последствия; но он не умел сдерживаться уважением к человеку как человеку. Скажут, что это происходило от дурного воспитания, общество не могло хорошо воспитать его, ибо не выработало в себе нравственных сдержек для сильного человека. Историк ответит, что это объяснение, которое

вполне принимается, — объяснение, но не оправдание; темная сторона остается, и мы признаем верным отзыв умной принцессы, что Петр был очень хороший и очень дурной человек. Последнее не отнимает у нас права признать вполне первое, признать необыкновенное величие человека и дел его; оно только не позволит нам сотворить себе кумира и воздать человеку поклонение большее, чем достоин человек.

Когда при этом свидании двух курфюрстин с Петром зашел разговор о том, чем молодой царь любит больше всего заниматься, Петр показал свои руки, жесткие от работы. Таким образом, и перед Западной Европой Петр явился в том же образе, в каком явился перед своей Россией. В голландском местечке Сардаме появился молодой красивый плотник из России, Петр Михайлов; в свободное от работы время плотник ходит по фабрикам и заводам: все ему нужно видеть, обо всем узнать, как делается, самому принять участие в производстве. Из Сардама плотник перешел на амстердамские верфи; и тут занимался не одним плотничеством; его видели повсюду, в госпиталях, воспитательных домах, на фабриках и в мастерских, на профессорских лекциях, которые иногда читались для него на яхте, во время пути, ибо надобно было дорожить каждой минутой. Ненасытная жадность все видеть и знать приводила в отчаяние голландских провожатых; только и слышалось: «Это я должен видеть», — и надобно было вести, несмотря ни на какие затруднения. Но обилие любопытных предметов, которые представила ему Западная Европа, не подавило его духа; он не забывал, что прежде всего он русский и царь, и потому идет деятельная переписка с людьми, оставленными работать в России, доканчивать то, что было начато до поездки за границу. В России уже были оставлены им усердные работники. Молодой царь уже отличался этой изумительной верностью взгляда при выборе людей, которая помогла ему набрать столько сотрудников, наготовить способных людей не на одно только свое царствование, оставить России и драгоценное наследство, которым она жила долго и по смерти преобразователя. Известна эта способность Петра с первого взгляда, рассмотрев внимательно на лицо человеку, даже ребенку, угадать в нем полезного деятеля. При этом Петру помогала широта выбора; он не стеснялся ничем, брал способности одинаково сверху и снизу; не стеснялся и возрастом: приготавливая молодое поколение работников по всем частям государственной деятельности, он не обходил и старика, который мог изумить молодых своей неутомимой деятельностью. Так, в это время изумлял старик Виниус, обруселый иноземец, открывший сибирские минеральные богатства: «Особенно болит сердце, — писал Виниус Петру за границу, — что иноземцы, высокою ценою продав шведское железо и побрав деньги, за границу поехали, а наше сибирское железо гораздо лучше шведского»⁴⁷. Петр хлопотал, чтоб у Виниуса не болело сердце,

хлопотал о наборе иностранных мастеров, которые бы помогли на первый раз разработать русские минеральные богатства. Олонецкие заводы уже начали свою деятельность. Таким образом, Петр, работая на иностранных верфях, не спускал глаз с России, участвовал и в работе, в ней производившейся. На печатях писем, присылаемых Петром в Россию, читалась надпись: «Аз бо емь в чину учимых, и учащих мя требую». К патриарху он писал: «Мы в Нидерландах, в городе Амстердаме, благодатию божиею и вашими молитвами при добром состоянии живы и, последуя божиему слову, бывшему к праотцу Адаму, трудимся, что чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, против врагов имени Иисуса Христа победителями, и христиан, тамо будущих, свободителями благодатию его быть, чего до последнего издыхания желать не перестану»⁴⁸. В начале 1698 года Петр уже в Англии, работает на дептфортской верфи, оканчивает здесь кораблестроительную науку, делает, как и на твердой земле, большой набор мастеров. Проведя три месяца в Англии, он опять на твердой земле и направляет путь в Вену; здесь надобно хлопотать, чтоб император не заключал отдельного мира с турками; чтоб Россию не оставили одну в войне с ними, при чем трудно было бы заключить скорый и выгодный мир. Из Вены Петр собрался в Венецию, в это южное морское государство, но вместо Венеции надобно было возвратиться в Россию: там бунтовали стрельцы.

Стрельцы и Петр — мы привыкли в этих явлениях представлять себе что-то крайне враждебное друг другу. Но при этой враждебности нельзя останавливаться только на личных отношениях стрельцов к Петру. Первые впечатления, впечатления детства, бываюи самые сильные; ими воспитывается, слагается человек. Нам укажут ребенка, одаренного необыкновенно сильной природой, огненного, страстного, и скажут, что этот ребенок, как только начал понимать, находился среди тяжких, раздражающих впечатлений; как только начал понимать, существа самые близкие, начиная с матери, питают его горькими жалобами на гонения, неправду, и таким образом постоянно раздражают его, держат это нежное распускающееся растение под палящим, иссушающим ветром вражды, ненависти. Нам скажут, что этому ребенку наконец прояснили душу, порадовали, объявили, что гонения кончились, он объявлен царем; его мать весела, ее родные, ее благодетель⁴⁹ возвращаются из ссылки, и вдруг вслед за этим ужасные кровавые сцены бунта, мать в отчаянии, ее братья, благодетель истерзаны; опять гонения, опять беспрестанные жалобы — как становится страшно за этого ребенка, воспитывающегося под такими впечатлениями, и чем сильнее его природа, тем страшнее за него. Какой губительный яд принял он и в каком количестве! Говорят, что десятилетний Петр сохранял изумительное спокойствие, твердость во

время стрелецкого бунта: тем хуже — лучше бы он кричал, плакал, бросался в отчаянии, ломал себе руки! Он был тверд и спокоен; а откуда это трясение головы; откуда эти конвульсии в лице, эти гримасы, о которых говорила нам недавно немецкая принцесса, и от которых не в его власти было удержаться? Петр вышел из своей тяжелой школы, отравленный этой семейной борьбою между мачехой и падчерицами, этой кровью, которой стрельцы так усердно поливали перед ним кремлевскую почву. Что-то выйдет из него? В русской истории был уже пример царственного ребенка, высоко даровитого и страстного, воспитанного подобным же образом: из этого ребенка вышел Иоанн Грозный. Не отыщется ли, к счастью России, какое-нибудь противоядие? Кажется, отыскалось: это кипучая практическая деятельность, постоянное пребывание в работе, а труд есть могущественное средство успокоения, просветления души, труд, соответствующий, разумеется, силам; а какой труд мог соответствовать силам Петра — труд преобразования! Древняя Россия дала яд великому человеку в стрелецком бунте; она же представила и противоядие в своей потребности преобразования, в своей готовности к нему. Пусть же молодой человек пребывает в работе: эта работа вылечивает его от яда, принятого в детстве; пусть не знает покоя, бросается к широкому морю, пусть строит корабль, на котором человек борется с страшной волнующейся стихией и владеет ею; пусть молодой царь упражняет свои силы в этом труде, в этой борьбе, столь достойной человека; чем более, чем многообразнее он будет трудиться, чем далее уйдет, чем более предметов завидит и усвоит себе, тем скорее успокоится, скорее просветлеет душой, скорее дастся перевес добрым в ней началам, скорее он забудет о стрелецком бунте, о кремлевской крови.

Но ему не дают забыть: только что собрался за границу, как узнает, что люди, недовольные им и его делом, дожидаются его отъезда для исполнения своих замыслов; их надежда на стрельцов и казаков — надежда, что одни начнут с одного конца, а другие с другого. Смутники были переказнены; Петра проводили кровавыми проводами. Путешествие, сильная деятельность за границей успокоили его: он собирается окончить путешествие, посмотрев на царицу южного моря, на Венецию; он возвратится домой спокойный, довольный, с богатой добычей... Нет, поехал от крови и возвратится к крови; ему не дают окончить путешествие; его зовут разделяться с стрельцами. Софья не умерла для мира в монастырской келье; она воспользовалась отсутствием брата и опять обратилась к стрельцам, и на этот раз стрельцы откликнулись потому что были недовольны, сильно раздражены. Они видели ясно, что им предстоит тяжкое преобразование: из стрельцов превратиться в солдат. Стрелец нес легкую службу: ходит на караул — и свободен; у него свой дом в слободе, своя семья, своя лавочка, где он торгует в свободное время. Но теперь постоянная,

тяжелая служба. Стрельцы оторваны от привольной московской жизни и двинуты на край света — в Азов; ждут не дождутся, когда отпустят их домой в Москву; а тут указ: велят им идти на другой край света — на литовскую границу, куда царь велел собрать войска, чтоб поддерживать избрание на польский престол пригодного для России кандидата, курфюрста саксонского Августа. Тоска стрельцов по Москве достигла высшей степени; некоторые бежали из полков в Москву и принесли оттуда товарищам призыв от царевны Софьи: «Теперь вам худо, а впредь будет еще хуже. Ступайте к Москве, чего вы стали? Про государя ничего не слышно. Быть вам в Москве, стать табором под Девичьим монастырем и бить мне челом, чтоб я шла по-прежнему на державство; а если бы солдаты пускать к Москве не стали, то их побить». Бунт вспыхнул, раздалась крики: «Идти к Москве! Немецкую слободу разорить и немцев побить за то, что от них православие закоснело; бояр побить; стрельцы от бояр и от иноземцев погибают и Москвы не знают; непременно идти к Москве, хотя б умереть, а один предел учинить. И к донским казакам ведомость послать; государя в Москву не пустить и убить за то, что почал веровать в немцев, сложился с немцами».

Стрельцы двинулись к Москве; солдаты под начальством боярина Шеина загордели им дорогу и поразили их. Пленных подвергли розыску; винулись в бунте; но никто не сказал о призыве из Москвы. Шеин не догадался об этом призыве, но Петр тотчас догадался, как только получил известие о стрелецких волнениях — это было больное место — рана раскрылась. Петр спешил в Москву в тревоге и гневе, и чем он сдержится? Он схватится с стрельцами врукопашную, с этими врагами, которые истерзали его родных, заставили расти в унижении, пренебрежении; отняли средства учиться вовремя, как следует; с этими врагами, которые объявили, что не пустят его в Россию, убьют за то, что он уверовал в немцев, сложился с ними; которые стали поперек его делу, позорят это дело в глазах русских людей, клеветают на царя, выставляют его еретиком, немцем, а себя людьми, ставшими за православие, тогда как в сущности у них другие побуждения, столь ненавистные Петру: он зовет свой народ к тяжелому, необходимому труду и сам подает пример такого труда, а тут люди, которые хотят его убить, чтоб избавиться от трудных походов, возвратиться в Москву и жить покойно. Страсть, гнев, мщение сдерживаются религиозно-нравственными правилами, христианским уважением, любовью к ближнему, страхом Божиим для одних, страхом человеческим для других; ум часто становится угодником страсти; он внушает гневному человеку, стремящемуся схватиться с врагом: действуй сильнее, истреби зло с корнем; вырежь, выжги, порази толпу ужасом, который бы отнял всякую способность к сопротивлению; тебе предстоит громадная деятельность для благородной цели; есть люди злонамеренные, которые будут ей

противиться: истреби их, не оставляй врага в тылу у себя. И вот страсть, гнев получают новую пищу, получают оправдание. И вот Петр поканчивает со стрельцами пыткой, виселицей и плахой⁵⁰.

Но кровь не проливается даром: она вопиет. Пролитие крови очищает, как свободная жертва, оно сквернит — как дело насилия. Проходит минута гнева, страсти, и другие чувства поднимаются в душе человека и зовут его на суд, перед которым прежние мудрствования о правде дела являются мудрствованиями лукавыми. Стрелецкое дело дорого стоило Петру. Напрасно старались развлечь его: он был мрачен и скорбен, подвергался страшным припадкам болезненного раздражения; он упал духом, им овладело сомнение, достанет ли у него сил совершить задуманное, то, что мы называем преобразованием. Сомнение естественно поддерживалось различием между тем, что он видел в Западной Европе, и тем, что нашел в России. Прежде, до путешествия, это различие не могло представляться ему так ясно, так резко. Но сильная природа брала верх; Петр не мог оставаться долго в тоске и раздумьи. Он поехал в Воронеж. Успешный ход тамошних работ относительно флота и магазинов развеселил его, но не совсем, что видно из писем его оттуда: так в одном он пишет, что, несмотря на зело изрядное состояние флота и магазинов, облак сомнения закрывает мысль, не слишком ли замедлится плод, как плод финика, которого не видят насаждающие дерево. В другом письме Петр пишет, что ждет доброго утра, чтоб прогнан был мрак сомнения. Мрак сомнения исчезал, душа прояснялась обращением к работе, сильной преобразовательной деятельности. Уже не раз было нами говорено, что в основе преобразований должно было находиться преобразование экономическое. Для того, чтоб видеть плод от преднамеренных великих дел, необходимых в народной жизни, нужны были большие финансовые средства, которых бедное, земледельческое государство дать не могло. Чтобы добыть эти средства, нужно было вывести государство из этой односторонности поднятием промышленного и торгового движения, поднятием города, который впоследствии мог поднять и освободить село. Что же могло и должно было правительство сделать для города? Оно должно было обратить большее внимание на беспрепятственные, продолжавшиеся века жалобы горожан на притеснения от воевод и приказных людей, на дурное состояние правосудия, одну из главных помех народному благосостоянию; должно было вместо полумер употребить решительные меры для освобождения горожан от кормленщиков — и 30 января 1699 года выходит знаменитый указ об учреждении бурмистрской палаты. От воевод и приказных людей, от проволочки дел и взяточничества торговым и промышленным людям убытки и разоренье: государь велел сказывать указ всем промышленным людям, чтоб ведались во всех своих делах и тяжбах и сборах доходов своими выборными людьми в земских избах. Малые города приписывались к большим и со-

ставляли с ними провинцию, причем земские бурмистры больших городов ведали земских бурмистров городов приписанных во всяких делах и сборах и, в свою очередь, находились в ведении московской бурмистрской палаты, или ратуши, составленной из бурмистров, выбранных московскими горожанами. Один из этих бурмистров был президентом и сменялся ежемесячно. В палату входили все собранные по городам суммы, отсюда выдавались деньги на расходы, но не иначе как по именному царскому указу. Палата входила с докладами прямо к государю.

Историк не может ограничиться одной экономической или финансовой стороной этого учреждения. Бурмистрской палатой начинается ряд преобразовательных мер, которые должны были пробуждать собственные силы, приучать граждан к деятельности сообща, к охранению общих интересов соединенными средствами, отучать от жизни особой, при которой каждый слабейший предавался безоружным в руки каждого сильнейшего. Начинается школа, где человек воспитывается для общественной деятельности, посредством которой общество получает способность воспитывать человека. Тяжкая болезнь древней России происходила от розни сил; необходимым следствием была слабость, бедность результатов народной деятельности. Причина болезни сознается и предлагается лекарство — соединение сил, приучение к деятельности сообща, к деятельности самостоятельной, самоуправительной. Давно уже русские торговые люди признавались, что им с иностранными купцами не стянуть, потому что те торгуют сообща. Теперь Петр предписывает: «Купцам торговать так же, как торгуют в других государствах купцы, компаниями; иметь о том всем купцам между собою с общего совета установление, как пристойно бы было к распространению торгов их». Не на одном военном или дипломатическом поприще русскому человеку открывается практическая школа, необходимая для его самостоятельного развития. Эту школу встречаем и будем встречать повсюду; повсюду преобразователь будет требовать деятельности сообща, коллегиальной формы, вследствие уразумения, что причина болезни в разрозненности действия, а средство к исцелению — деятельность сообща и деятельность самостоятельная. В характере великого человека мы увидали явные признаки того, что общество не могло дать своему члену хорошего воспитания; мы увидали эту темную сторону великого человека; но великий человек остается великим человеком; его величие оказалось в том, что он понял неспособность общества давать хорошее воспитание и употребил все средства искоренить эту неспособность; поэтому история признает за ним высокий титул народного воспитателя.

ЧТЕНИЕ СЕДЬМОЕ ⁵¹

В прошедшей беседе нашей мы видели, что Петр еще в конце XVII века приступил к преобразованиям, которые должны были иметь воспитательное значение для общества. Но мы еще не касались того преобразования, которое произошло тотчас по возвращении из-за границы и которое чаще, чем другие преобразования, было предметом толков у современников и потомков: я говорю о знаменитом брадобритии и перемене платья. У потомства толки были частые по самой простой причине: дело близкое, доступное, легкое, не требующее обширного знания истории преобразовательной эпохи. И люди, которые не входили в подробности петровских преобразований, не задавали себе вопроса о их значении или отзывались о них вообще с сочувствием, позволяли себе вопросы: но зачем Петр велел бороды брить, чем они ему помешали? Зачем переменял старое русское платье на иностранное? Историк не может отделаться от этого вопроса, указавши на его незначительность; не может сказать: занимаясь изучением такой громадной, важной деятельности, стоит толковать о бороде и платье? Стоит толковать, как стоит толковать о всех других проявлениях человеческой деятельности, человеческого творчества. Одеждой человек дополняет свое существо, потребностью одежды отличается от других животных и тем прямо указывает на отношение одежды к высшей, чисто человеческой стороне своей природы; в одежду человек кладет свою мысль, в одежде отражается его внутренний, духовный строй. Говорят, человек, погруженный во внутренний, духовный мир свой, занятый преимущественно его интересами, мало заботится об одежде; но эта малая заботливость также выражается в одежде, которая и тут не теряет своего значения; одежда выразит и нравственное побуждение человека в пренебрежении ею, как было замечено об одном древнем философе⁵², что чрез прорехи его неряшливой одежды виднеется его тщеславие: таким образом одежда, назначенная для прикрытия тела, обнажает сокровенное духа. Отсюда понятно, почему вопрос об одежде имел такое важное значение при переходе русских людей из древней своей истории в новую, почему с него началось, можно сказать, это движение. Мы видим, что движение началось прежде Петра; до него русские люди стали работать новому началу, и перемена внутренняя необходимо должна была выражаться во внешнем, требовалось новое знамя, и этим знаменем прежде всего должно было служить изменение наружности, изменение одежды. Выставлялось новое знамя; одни шли под него; но другие упирались; мы знаем, как при подобных движениях в народах проходит рознь и страшная борьба, и если одни выставляют свое знамя, то другие выставляют свое и с ожесточением его отстаивают и с таким же ожесточением стремятся сорвать знамя противников. Не говорим уже о том, что в обществах, подобных

древнему русскому, сильно обнаруживается известное стремление к идолопоклонству, т. е. смешение внутреннего с внешним, существенного с несущественным, образа с изображаемым, случайное, изменяющееся представляется священным, неприкосновенным, стремление, которое так ясно выразилось в раскольниковстве, старообрядстве.

Сто лет прежде описываемого времени, на грани XVI и XVII веков, в царствование Бориса Годунова, когда решен был вопрос о необходимости учиться у иностранцев, т. е. когда в сознании народном дано было иностранцам преимущество как учителям, начинается в Москве бритье бород, и тут же начинаются против этого сильные выходки ревнителей старины. После Смутного времени и после отдыха от него при царе Михаиле вопрос о необходимости сближения с Западом поднимается снова, снова решается так же утвердительно, и при царе Алексее Михайловиче усиливается брадобритие, и также слышатся сильные выходки против этого гнусного, эллинского обычая, как выражались ревнители старины. Правительство колеблется, оно стремится к новому и в то же время пугается выходов ревнителей старины против знамени нового и в угоду им не только запрещает брадобритие, но отнимает чины за подрезывание волос. Но это гонение на короткие волосы, разумеется, только раздражало людей, стремившихся к новому, заставляло их относиться к длинной бороде и старому длинному платью так же враждебно, как ревнители старины относились к гнусному, эллинскому образу. Но ревнители старины не могли остановить роковое движение. В 1681 году царь Федор Алексеевич издал указ всем вельможам, дворянам и приказным людям носить короткие кафтаны вместо прежнего длинного платья (охабней и однорядок), в котором никто не смел являться не только во дворец, но и в Кремль. Длинное платье заменяется коротким: здесь весь смысл дела. Те, которые жалуются на смену русского народного платья иностранным, не обращают внимания на то, что здесь произошла перемена старинного платья не на платье какого-нибудь отдельного чужого народа, но на общеевропейское в различие от общеазиатского, к которому принадлежала древнерусская одежда. В чем же состоит главное различие общеевропейской от общеазиатской одежды: в первой господствует узкость и короткость, во второй широта и длиннота. Что же это: случайность, или здесь выражение духа народов, духа их деятельности, их истории? Длинная и широкая одежда есть выражение жизни спокойной, по преимуществу домашней, отдохновения, сна; короткая и узкая одежда есть выражение бодрствования, выражение сильной деятельности. Объяснение сказанному представляет явление, беспрестанно совершающееся перед нашими глазами; что делает человек, носящий длинную одежду, когда он хочет работать или идти пешком? Он подбирает свою длинную одежду. То же самое сделало европейское человечество

в стремлении к той сильной работе, которой оно так отличилось перед азиатским человечеством, получило преобладание над ним; европейское человечество постоянно подбирало свое платье, укорачивало, обрезывало его и дошло до фрака, который называют безобразным. Историк не станет спорить с художником относительно красоты или безобразия; но его обязанность указать на смысл явления. Широкая и длинная одежда должна была остаться в Европе как выражение особенного величия, спокойствия и торжественности в противоположность будничной, рабочей жизни; она осталась одеждой царя в чрезвычайных случаях; она осталась одеждой служителей алтаря; она осталась одеждой женщины, представительницы жизни внутренней, домашней, т. е. чуждой той уличной хлопотливости и беготни, которые выпали на долю мужчины в его преимущественно внешней, общественной жизни. Разделение занятий между мужчиной и женщиной, это основное условие развития общества — разделение занятий, которое как везде, так и здесь служит самой крепкой связью между разделяющими занятие и условием успеха в деле, это разделение занятий естественно и необходимо выражается в одежде, и замечено, что у народов менее развитых мы видим и меньшее различие в мужской и женской одежде.

В постановлении царя Федора Алексеевича о ношении короткой одежды высказалось стремление изменить азиатский покрой одежды на европейский. Укорочение платья предвещало укорочение бороды. Напрасно люди, ревностные не по разуму, усиливали свои выходки против брадобрития, посредством которого, по их мнению, губили образ от бога мужу дарованный; тщетно отлучали от церкви не только бреющих бороды, но и тех, которые имели общение с брадобрийцами; тщетно вопили против еретического безобразия, уподобляющего человека котам и псам; тщетно стращали вопросом: если русские обреют бороды, то где станут на страшном суде — с праведниками ли, украшенными брадою, или с обритыми еретиками? Все эти выходки только вредили авторитету церкви, только усиливали раздражение в противной стороне, только увеличивали значение бороды как знамени; и когда приверженцы нового возьмут верх, то, разумеется, они бросятся на враждебное знамя и сорвут его, выставят свое. И Петр сорвал это знамя, когда возвратился из-за границы в Москву в страшном раздражении против людей, выставлявших это знамя как знамя православия и народности, в страшном раздражении против стрельцов. Затем последовали указы и о ношении европейского платья, указы, не могшие очень поразить новизною после указов царя Феодора.

В конце 1699 года была объявлена другая новость: приказано вести летосчисление не от сотворения мира, как делалось до сих пор, а от Рождества Христова⁵³, и новый год считать не с 1-го сентября, а с 1-го января, ибо говорил указ: «Известно великому

государю, что не только во многих европейских христианских странах, но и в народах славянских, которые с восточною православною нашею церковью во всем согласны, как: валахи, молдавы, сербы, далматы, болгары и самые великого государя подданные черкасы (малороссияне) и все греки, от которых вера наша православная принята,— все те народы согласно лета свои счисляют от Рождества Христова восемь дней спустя». Преобразователь знал, с кем и с чем имеет дело; знал, как трудно сдвинуть народ с вековых привычек даже и в том случае, когда христианскому народу предлагалось вести летосчисление от рождества начальника веры и спасения; нужно было ослабить отталкивающий пример немцев, еретиков, и вот впервые пред русским народом выставляется пример, авторитет народов близких, родных, пример православных славян. На границе двух веков, на границе древней и новой России раздался призыв русским людям к единению с родными народами. Была и другая новость в последний год XVII века: учрежден русский «славный чин» св. апостола Андрея⁵⁴. Первым кавалером был ближний боярин и воинского морского каравана (флота) генерал-адмирал Федор Алексеевич Головин. Первым генерал-адмиралом был друг юности Петра — Лефорт, который умер в марте 1699 года. С его смертью порвалась эта личная, так сказать, связь Петра с иностранцами, кончился период влияния Немецкой слободы. Заграничное путешествие, это расширение сферы при практической деятельности, окончило воспитание Петра. Как человек силы, он воспользовался всем, что представил ему богатый цивилизацией Запад, но возвратился более русским, чем выехал из России. Имя Лефорта долго еще будет на языке врагов преобразования, но это будет с их стороны уже злоупотребление, злонамеренность, ибо соблазн дружбы с иностранцем исчез навсегда. При царе на первом плане русский человек, Головин, превосходивший всех русских людей своей бывалостью: он заключил договор с китайцами на границах Сибири, он же вел переговоры в Голландии о союзе против турок. Головин с званием генерал-адмирала соединял заведование иностранными делами, являлся в глазах иностранцев первым министром.

Царю и первому министру предстоит много дела, много испытаний в первый год нового века: оканчивалась одна война и начиналась другая в более широких размерах, более опасная, небывалая для русского народа по своей продолжительности, великая Северная война. Мы привыкли слышать в разные времена заявления правительств различных держав, что они избегают войны, не желая развлекаться во внутренней деятельности, ибо положение страны требует усиления этой деятельности, требует важных преобразований. И такие заявления вполне понятны: два дела вдруг делать трудно. Но положение России в начале XVIII века было чрезвычайное, и человек, ставший в ее челе, соответствовал

этому положению, был человек необыкновенный, мог делать вдруг много дела, обладая сам громадными силами, имея горячую веру в силы своего народа. Человек сильный нравственно избегает опасностей, борьбы ненужной; но не боится их, принимает борьбу, когда она необходима для достижения известных целей, или когда, мимо воли своей, извне получает вызов на борьбу. То же самое верно и относительно целых народов. Народу для выражения своей силы не нужно быть воинственным, завоевателем; человек-драчун далеко не всегда бывает сильным человеком; народ-драчун, охотник нападать, не всегда бывает способен защищаться; но сильный народ, сильное народное правительство никогда не боятся войны, не пугают себя словами: «Где нам, мы не готовы, нас побьют». Бывает в народе готовность к войне внешняя, материальная и бывает внутренняя, нравственная: первая без второй ничего не значит, вторая может восполнить первую, создать ее в короткое время.

В нашей истории выдаются две великие войны, в начале обоих веков нашей европейской жизни: великая Северная война и война 12 года; к обеим Россия не была готова, средства ее не были в уровень с средствами противников и, несмотря на то, из обеих войн она вышла победительницей. Борьба сильная, опасная борьба вызывает нравственные силы народа, очищает, поднимает его, отвлекает от мелочных забот ежедневной жизни; борьба ведет его к алтарю, делает жрецом, потому что заставляет приносить жертвы. Никогда в народе не живет так тепло, так дружно, так сплоченно, как во время борьбы; никогда правительство и народ не соприкасаются так близко в общей деятельности; никогда знамя народности не развевается так высоко. Борьба, как гроза, очищает нравственную атмосферу народа, бодрит, выпрямляет его нравственно; борьба есть праздник народный, ибо освобождает его от будничного, низкого настроения духа, и горе народу, который не способен пробудиться и встать на праздничный благовест, народу, который ропщет: «Зачем так рано звонят, не дадут покоя, не дадут отдохнуть, приготовиться». А если спросить, от чего он так устал?... Но лучше не спрашивать.

Сильный человек — представитель сильного народа, Петр ясно понимал значение борьбы и не боялся ее, не сдерживался страхом перед материальной, видимой неприготовленностью. Петр был представителем сильного народа, но не народа-драчуна, не воинственного, не завоевательного народа, ибо кто же из нас не знает, что в нас, в нашем народе меньше всего драчливости, воинского задора. Иностранцы по незнанию нашей истории позволили себе увлечься внешним взглядом и никак до сих пор не могут освободиться от мысли о завоевательных стремлениях России, о стремлениях к всемирному владычеству. Здесь география ввела их в заблуждение насчет истории. Действительно, первый взгляд на карту поражает: Россия представляет такую небывалую обшир-

ность государственной области, пред которою области других европейских государств ничтожны; отсюда первая мысль, что такая громада необходимо образовалась посредством завоевания, как образовывались древние колоссальные государства — Персидское, Македонское, Римское. При этом географическом взгляде и остались, не проверив его историей; тогда как история говорит, что Россия, как сплошная равнина, орошаемая большими, переплетающимися в своих системах реками, родилась уже с огромной государственной областью, после рождения подвергалась общему процессу видимого разделения вследствие государственной слабости, а потом при известных благоприятных условиях происходило постепенное государственное сплочение, собрание русской земли под одну власть. До сих пор не все области, действовавшие как чисто русские в нашей начальной истории, входят в состав Русского государства: остается в составе чужого государства Червонная Русь, то знаменитое Галицкое княжество, о котором так часто идет речь в наших летописях. Но укажут на распространение русской государственной области далеко на восток, вплоть до Восточного океана; укажут на входящие теперь в состав Русской империи земли, которых мы не видим за Русью при ее первых князьях, — земли, которые не имели славяно-русского народонаселения. Как же приобретены они? Разумеется, завоеванием. Тут уже не иностранцы, а сами русские натолковывают самим себе и другим о завоевании, без точного определения, как разуметь завоевание. С детства заучивают, что царь Иван IV завоевал три царства: Казанское, Астраханское, Сибирское. Три царства! На восточных границах Московского государства образовалось татарское разбойничье гнездо, от которого русским людям не было покоя; долго терпели, наконец собрали силы, двинулись и отняли у разбойников их гнездо; это называется завоеванием царства Казанского! Астрахань поддалась сама; на северо-востоке Камская область была занята мирными колонистами, промышленниками, область громадная, пустая, ничья, естественно принадлежащая первому, кто в ней поселится. Эти промышленники, не имея покоя от сибирских хищных татар, которые своими набегами мешали им соль варить, наняли небольшую толпу казаков, которые заняли разбойничье гнездо, прогнали оттуда князька, и хотя сами потом погибли, но это дело называется покорением царства Сибирского. Так слово может вести к неправильному представлению, когда подробным изучением явления не определится точно, в каком смысле употреблять слово. Присматриваясь внимательно к явлению, мы видим на первом плане не завоевание одним воинственным, сильным государством других больших государств, более или менее цивилизованных, мы видим на первом плане колонизацию, занятие пустынных пространств под мирный труд. Народы или, лучше сказать, народцы, встречающиеся на этих необъятных пространствах, по своему характеру, стоя на низкой ступени политического раз-

вития, невольно влекут народ, стоящий выше их, влекут все далее и далее на занятие новых земель: они своим хищничеством не дают ему покоя; заставить их уважать право, договор нельзя: они умеют жить только или в постоянной вражде к соседу, или в рабской подчиненности, и невольно их приходится покорять. Таков господствующий характер русских отношений к восточным народам даже до наших дней, характер любопытный, потому что в покорении врага здесь заключается необходимая оборона от него⁵⁵.

Так, при невоинственном характере народа, а следовательно и правительства, образовалась громадная государственная область, и мы знаем, как эта громадность неблагоприятно действовала на развитие народной жизни, на все ее направления. Государственные требования, слишком тяжело падавшие на малочисленное, разбросанное и потому бедное народонаселение, заставляли последнее еще более разбрасываться, уходить все дальше и дальше, что было легко русскому человеку; ему не нужно было переплыть океан, как должны были делать западные колонисты, или переселяться к чужим народам, в совершенно чуждую нравственную сферу; перед глазами были необъятные и пустые пространства, где беспрепятственно можно было утвердиться, беспрепятственно сохранить свой народный образ. Эта происшедшая сказанным образом обширность русской государственной области, в свою очередь, отнимала у народа воинственность, отнимая побуждение к захвату чужого, к насильственному расширению владений, и без того слишком обширных. И несмотря на то, Россия ознаменовывает начало своей новой жизни воинственным движением, двадцать с лишком лет ведет тяжкую, упорную борьбу, которую оканчивает важными земельными приобретениями. Но мы видели главный характер переворота, совершавшегося в жизни народа русского, видели стремление к морю и смысл этого стремления. Во время младенчества Руси, при отсутствии крепкой государственной связи, единства направления народных сил и ясного сознания народных интересов, в это беспомощное время орден меченосцев отнял у Руси Ливонию, захватил здесь русские города и княжества. Впоследствии, когда объединенная Россия с ясным сознанием необходимости для себя моря устремилась к нему, поляки и шведы оттолкнули ее от него. Но внутреннее преобразовательное движение все более и более усиливалось, а вместе усиливалось и так тесно соединенное с ним стремление к морю; следовательно, мы естественно должны ожидать, что, когда преобразовательное движение пошло так решительно, Россия немедленно начнет опять биться за берега Балтийского моря.

Будучи полным представителем своего народа, будучи совершенно чужд воинственности, вовсе не гонясь за славой полководца-завоевателя, занятый одной мыслью о внутреннем преобразовании, Петр начинает войну с шведами за Балтийское море, смотря на нее только как на средство этого преобразования, исполняя

завещание предков, соединяя древнюю и новую Россию правильным историческим движением, ибо правильность исторического развития народа, правильность в преемстве деятельности различных эпох народной жизни состоит в том, когда то, что в известную эпоху вырабатывается народом как мысль, как стремление, осуществляется в последующую эпоху. Петр не усомнился начать опасную войну одновременно со многими важными внутренними преобразованиями, ибо видел в войне только средство для успешнейшего проведения внутренних преобразований, и в последних видел средство для успешнейшего окончания войны. На войну великий царь смотрел гражданским взглядом, именно как подобает правителю; он смотрел на нее как на школу для народа, который хотел занять почетное место среди других народов, не выпрашивать цивилизации как милости, но предъявить на нее свои бесспорные права. Вот программа курса в этой школе: сначала учителя нам зададут тяжелые уроки; сначала нас будут бить; но мы будем учиться прилежно, и сперва станем бить учителей превосходящими материальными силами, потом дойдем до того, что будем бить их с равными силами, а наконец приобретем такое искусство, что станем побеждать и с меньшими силами. Итак, война есть школа, практическая школа, школа первой необходимости, ибо континентальное государство, и так дурно защищенное природой, как Россия, может поддерживать свою самостоятельность, свое значение только постоянной готовностью принять бой при первом вызове; мало того, только этой готовностью может отклонить вызов, поддержать мир для себя и для других. Но война в описываемое время не имела тесного значения только военной школы для народа: война сильная, опасная война служит для преобразователя могущественным средством вести преобразование, вести эту школу в самых широких размерах без принижения народного духа, которое было так естественно в страдательном положении русских людей относительно чужих образованнейших народов, в положении учеников пред учителями. «Царь уверовал в немцев, сложился с ними», — говорят противники преобразования. Но эти злонамеренные толки не имеют смысла пред действительностью, которая у всех на глазах; царь воюет с немцами, бьет их, отнимает у них города и земли. Война трудная, опасная, враг силен, он легко может прийти к нам; вот он уже вошел в русские пределы, одна проигранная битва — и он очутится под Москвою; силы живого народа потрясутся от опасной ожесточенной борьбы, народное знамя поднимается высоко; такие времена поднятия народных сил бывают удобны для великих дел, потому что располагают к великим жертвам, и царь умеет пользоваться временем, умеет ковать железо пока горячо! Народ в тяжелой работе, засажен в школу с иностранными учителями, которых преимущества должен признать. Следовательно, необходимо принижается пред ними. Что ж даст ему отраду, что заставит его поднять голову и с уважением

посмотреть на самого себя? Успехи мирного труда? Но они разбросаны, не видны, далеко не у всех перед глазами, не производят сильного впечатления; кто знает, что там роют каналы, здесь какая-нибудь фабрика идет очень успешно; кто знает, что с богатым результатом разрабатываются минеральные богатства далекой Сибири? Не то война, военные успехи: одержана победа — общенародное торжество, все это знают, все поднимают головы, не войско только победило, целый народ победил, вот до чего мы дошли в такое короткое время, благодаря тому, что трудимся, учимся! И ученик, сознавая все яснее и яснее необходимость учения, не принижен пред учителем, он ровен с ним, он выше его, учение становится делом легким, делом силы и свободы; народный дух, народное самоуважение спасены в самое опасное для них время — время народного ученичества у других народов.

Мы видели, что Россия находилась в войне с Турцией, и что Петр дал этой войне новый характер, характер морской войны, приготовил флот для Азовского моря, берега которого старался укрепить для себя. Он продолжал считать это дело важным, обращал на него сильное внимание; но продолжение турецкой войны он вовсе не считал желанным делом: турецкая война не могла быть школой для русского сухопутного войска; такой школой могла быть только европейская война, и именно война шведская, в которой достигалась двойная цель: войско получало хорошую школу, и следствием хорошего прохождения этой школы было утверждение на берегах заветного европейского моря. Притом для новорожденных военных сил России война была невозможна без союзников, а члены священного союза спешили заключить мир с турками; должен был спешить с этим и Петр. Для скорейшего и выгоднейшего заключения мира Петр хотел изумить и напугать турок; он отправил своего посланника Украинцева в Константинополь на русском военном корабле «Крепость». Русский военный корабль на якоре против серая раздразнил, испугал не одних турок. Восточный вопрос переменил вид: до тех пор европейские державы, боясь турок, постоянно и усердно приглашали русских царей к войне с ними, причем указывали на тесную связь России с христианским народонаселением Турции по единству не только веры, но исповедания, указывали на обязанность России восстановить восточную греческую империю на развалинах турецкой. Но теперь, когда Россия исполнила наконец требования, вошла в европейский союз против турок; когда турки со всех сторон потерпели неудачи, выказали свою слабость, и когда Россия обнаружила удивительную силу, удивительную деятельность, когда русский военный корабль явился пред Константинополем, когда Россия оказалась готовой выполнить эту начертанную ей в Европе программу, Европа с негодованием и ужасом отвернулась от этой программы и начертала для себя другую — поддерживать всеми средствами Турцию против России. Украинцев должен был позна-

комиться с этой новой программой Восточного вопроса: «От слов цесарского, английского, венецианского,— писал Украинцев Петру,— помощи мне никакой нет, и не только помощи, не присылают даже никаких известий. Послы английский и голландский во всем держат крепко турецкую сторону, и больше хотят всякого добра туркам, нежели тебе, великому государю; завидуют, ненавидят то, что у тебя завелось корабельное строение и плавание под Азов и у Архангельска; думают, что от этого будет им в их морской торговле помешка». Но турки были страшно истощены и заключили мир, уступили России Азов со всякими старыми и новыми, уже построенными Петром городками; а крымский хан должен был отказаться от дани, которую до сих пор платила ему Россия под благовидным названием поминков или подарков. И здесь прошла граница между древней и новой Россией. Много веков прошло с тех пор, как пред христианской Византией явились впервые русские лодки; это было знаком, что на севере, в этой Скифии и Сарматии, где господствовали кочевые азиатские орды, явилось владение с европейским характером, на которое легла обязанность постоянной, ожесточенной борьбы с степными кочевыми ордами, обязанность защищать от них Европу. Борьба была трудная: степные хищники не дали Руси пустить государственных корней на юге, на берегах Днепра, вследствие чего силы народные и главная историческая сцена перенеслись с юго-запада на северо-восток; и здесь степные хищники не давали покоя, пустошили страну, наложили дань. Но здесь им было не так удобно, как на юге, здесь они запутывались в непроходимых лесах и вязли в болотах; здесь беспрепятственнее могла собраться русская земля в одно государство, и собралась около Москвы, и Москва вела постоянную, ожесточенную борьбу с степными варварами, видала их не раз под своими стенами, превращалась ими в пепел, и хотя на востоке дела шли успешно, хотя там татарские орды с громким названием царств покорялись царю Московскому, но на юг, в Крымскую орду, продолжались посылаться поминки. Эта посылка прекратилась, когда русский военный корабль появился перед магометанским Стамбулом. Так Петр отпраздновал девятивековой юбилей первого появления русских лодок перед Константинополем⁵⁶. Но ему предстояло с большим торжеством отпраздновать юбилей на другом море, откуда пошла Русская земля⁵⁷ и куда должна была возвратиться для приобретения средств к продолжению исторической жизни. Здесь нужно было отпраздновать девятивековой юбилей также появлением русского военного корабля, появлением русского войска, сильного своим европейским искусством. На юго-востоке, со стороны степей, со стороны степного моря опасности исчезли, поминки прекратились. Но опасность большая вставала теперь с Запада; благоразумие требовало идти к ней навстречу, благоразумие требовало приготовить средства, чтоб не посылать поминков на Запад, потому что

и там, на Западе, большие охотники до поминков: стоит только немного обнаружить слабость, сейчас пришлют за поминками.

18 августа 1700 года в Москве сожжен был «презренный фейерверк»: царь Петр Алексеевич праздновал турецкий мир, приобретение Азова, уничтожение обязанности послать поминки в Крым⁵⁸. На другой день, 19 августа, объявлена война шведам. Заключением мира с турками поспешили потому, что союзники покинули Россию; по тому же самому спешили объявлением шведской войны, чтоб не упустить союзников, не одним бороться с самой сильной державой на Севере. Союз был необходим; но верны ли были союзники? Донесения Украинцева из Константинополя уже определили отношения европейских держав к России; за союзниками нужно было так же зорко смотреть, как и за врагами, и против них нужны были тоже смелость, решительность, ясное понимание русских интересов, неуклонное их преследование. Россия могла быть спокойна: у ее царя не было недостатка в этих качествах⁵⁹.

ЧТЕНИЕ ВОСЬМОЕ⁶⁰

Кто же были союзники Петра в шведской войне? Швеция заявила свою европейскую деятельность, вошла в систему европейских держав, как говорится, только в XVII веке, предупредила в этом отношении Россию какими-нибудь 70 годами. Она явилась на сцену общей европейской деятельности с шумом и блеском. Даровитый, воинственный, честолюбивый король Густав Адольф по призыву Франции привел шведское войско в Германию для участия в Тридцатилетней войне, для поддержания протестантизма. За эту поддержку Германия должна была дорого заплатить Швеции своими землями, и немецкие владельцы стали косо смотреть на нее, особенно когда она содействовала вредным для Германии стремлениям Франции. Еще больше раздражение возбуждала против себя Швеция в трех других соседних государствах — Дании, Польше и России — своими захватами на их счет. Она обобрала Данию со стороны Норвегии, отняла у Польши Ливонию; пользуясь смутным временем и слабостью России после смут, в царствование Михаила Феодоровича, она отобрала у нее коренные русские владения, чтоб как можно дальше отодвинуть ее от Балтийского моря. Такое поведение Швеции относительно соседей, разумеется, заставляло ожидать, что оскорбленные воспользуются первым удобным случаем, чтоб соединиться и вернуть себе свое. И в начале XVIII века, когда в Западной Европе произошло сильное движение против Франции, раздражавшей всех своим властолюбием, своими бесцеремонными захватами чужого; когда против Франции образовался великий союз, чтоб не

дать ей захватить Испании⁶¹ или значительную часть ее владений, на северо-востоке Европы, по тем же побуждениям, образуется союз против Швеции и начинается великая Северная война. Естественные члены союза против Швеции — это обобранные ею государства: Дания, Польша и Россия. Отношения Дании и России были просты: они хотели возвратить свое, причем Петр во что бы то ни стало хотел приобрести хотя одну гавань на Балтийском море.

Но отношения Польши были иные. Мы уже упоминали о крайней слабости этой державы, обнаружившейся особенно во второй половине XVII века, — слабости, которая отнимала у нее всякую самостоятельность, делала из нее арену, где ближние и дальние государства должны были бороться за свои интересы. Борьба эта особенно усиливалась, когда наступало время королевских выборов. Так, в конце XVII века соседние государства были чрезвычайно взволнованы королевскими выборами в Польше по состоянию тогдашних дел в Европе. Уже было сказано, что в это время господствовало сильное раздражение против властолюбия Франции, против ее короля Людовика XIV. Постоянной союзницей Франции была Турция, служившая для Франции орудием для отвращения Австрии от вмешательства в европейские дела, от союзов, заключавшихся против Франции. Легко понять, как выгодно было для Франции иметь сильную партию в Польше, посадить там королем кого-нибудь из своих принцев или, по крайней мере, кого-нибудь из своей партии, чтобы по соседству с Австрией приобрести новое орудие для отвращения ее сил. Но легко понять также, как для Австрии было важно, чтоб французские замыслы не удались, чтоб на польском престоле был кто-нибудь свой или чужой, только не француз и не из французской партии. О том же должна была хлопотать и Россия, которая находилась в одинаковом с Австрией положении относительно Турции; она была также в войне с Турцией и должна была надеяться, что по ее отношениям к христианскому народонаселению Турции вражда между нею и Портой будет постоянная и самая сильная; а пустить на польский престол французского кандидата значило пустить естественного союзника Турции. Вот почему Петр так энергически объявил себя против французского кандидата на польский престол, принца Конти; он уже придвинул свое войско к границам Литвы, чтоб силой противиться его избранию, и торжествовал как победу отстранение Конти, избрание его соперника, курфюрста саксонского Августа. Избрание Августа успокаивало Австрию, Россию: на престоле польском не будет союзника Франции и Турции; но могла ли быть покойна сама Польша? Государство сильное может безопасно призвать государя-иностранца, владельца чужой земли; Англия, например, могла безопасно признать своим королем ганноверского курфюрста; но что позволительно сильному, того слабый не может делать безнака-

занно. На польском престоле немец и владелец одного из самых значительных немецких государств, Саксонии.

В раздробленной Германии уже обозначилось то явление, что усиливаются ее владения, находящиеся на востоке, усиливаются на счет других иноплеменных народов, преимущественно славянских. В Германии, как и во всякой другой стране, собрание земли, объединение могло произойти одним путем: сильнейшее владение мало-помалу должно было подчинить себе все слабейшие, в Германии это явление запоздало; но при благоприятных условиях оно могло произойти, и легко понять, как в этом отношении было важно усиление одного из германских владений чем бы то ни было, как бы то ни было. Ни одному германскому владельцу не было возможности усилиться прямо на счет своих товарищей, других владельцев; императорское достоинство по крайней ограниченности средств главы империи не могло этому содействовать, и оставалось одно средство усилиться — сначала на счет чужих, и этим приобрести возможность усилиться потом и на счет своих. Гогенштауфены пытались усилиться на счет Италии; но попытка, благодаря папской силе, кончилась очень печально для знаменитой швабской династии. Счастливей были восточные династии, восточные германские владения. Габсбурги, владельцы очень небольшой немецкой области, Австрии, браками и духовными завещаниями образовали обширную монархию из разных чужих элементов, преимущественно славянского. Пример счастливой Австрии не мог остаться без подражания, тем более, что Австрия не все захватила, оставалась еще богатая добыча — Польша, государство обширное, но совершенно беззащитное от крайней внутренней слабости.

Мы говорили о значении войны, борьбы в жизни народной, о ее воспитательном значении, о том, как нравственные силы народа ею напрягаются, развиваются, как развиваются всяким трудом, всяким преодолением сильных препятствий, всякой опасностью. Мы видели, как бедно и трудно жил наш народ в первой половине своей истории; но благословим эту бедность и великий труд наших предков, эти постоянные опасности, в которых они находились и которые приучались преодолевать. Приготовительная девятивековая школа была тяжка, но она дала хорошее воспитание: народ привык к труду, к подвигам, жертвам, стал способен откликнуться на призыв к небывалому труду, к небывалым подвигам и жертвам, призыв, сделанный человеком, всегда в работе пребывающим. Благословим этот призыв и этого призывателя, потому что у нас перед глазами страшный пример, к чему ведет отвращение от подвига, от жертвы, к чему ведет войнобоязнь. Польша была одержима в высшей степени этой опасной болезнью, войнобоязнь. Тщетно люди предусмотрительные, патриоты, указывали на гибельные следствия отсутствия сильного войска в государстве континентальном, указывали, как Польша теряет от

этого всякое значение; тщетно на сеймах ставился вопрос о необходимости усиления войска: эта необходимость признавалась всеми; но когда речь заходила о средствах для усиления войска, о пожертвованиях для этого, то не доходили ни до какого решения, и страна оставалась беззащитной, в унижительном положении, когда всякий сосед под видом друга, союзника, мог для своих целей вводить в нее войско и кормить его на ее счет. От нежелания содержать свое войско, от нежелания жертвовать для этого принуждены были содержать чужое, враждебное войско, смотреть, как оно пустошило страну. Теперь на престоле польском немецкий государь, саксонский курфюрст, который не удовлетворяется одним титулом королевским; но что же больше может дать Польша? Если не захочет дать волею, то можно взять силой; для этого надобно ввести свое немецкое войско в пределы Речи Посполитой, сперва, разумеется, под благовидным предлогом.

Что же может быть благовиднее предлога, как война с Швецией для возвращения Польше Ливонии⁶². Дело легкое: сама Ливония хочет отторгнуться от Швеции и поддаться Польше. Об исполнении этого желания хлопочет Паткуль, принужденный оставить родную страну за то, что сильно отстаивал интересы своего сословия, интересы ливонского дворянства, бесцеремонно обобранного шведским королем, который хотел обогатиться и усилиться на счет дворянства как в Швеции, так и в Ливонии. Ливония просит освободить ее от шведского ига, хочет поддаться Польше; Паткуль уполномочен рыцарством заключить об этом договор. Но Польша не хочет тронуться, боится войны, боится усиления королевской власти от войны. И вот король будет воевать один с своим саксонским войском. Заключен договор, по которому Ливония присоединялась к Польше; а в секретных пунктах рыцарство обязывалось признавать верховную власть Августа и его потомков, если бы даже они не были королями польскими, и все доходы отправлять прямо к ним. Таким образом, Ливония поддавалась не Польше, а немецкому государю, курфюрсту саксонскому, который приобретет чрез это выгодную позицию для действия против Польши, для утверждения наследственности в своем доме, для усиления своей власти. Если соседи будут мешать ему в этом, то можно кинуть им по куску польских владений, лишь бы быть сильным, самодержавным в остальных. Но прежде всего надобно приобрести хорошую позицию, овладеть Ливонией; одному трудно. Дания — верная союзница по ненависти к Швеции, и необходимо, чтоб Россия также приняла участие в войне. Дело очень возможное: молодой царь только и думает о том, как бы утвердиться на берегах Балтийского моря. Возвращаясь из заграничного путешествия, он виделся с королем Августом и изъявлял желание в союзе с ним воевать против шведов. «Надобно взять у царя деньги и войско, особенно пехоту, которая

очень способна работать в траншеях под неприятельскими выстрелами», — писал Паткуль⁶³. Но при этом лифляндским патриотом овладевает сильное сомнение: царь, человек необыкновенный, с ним надобно обращаться осторожнее; даром, в угоду саксонским и лифляндским патриотам, он не подставит своих солдат под неприятельские выстрелы в траншеях. С ним надобно делиться добычей; а со львом опасно делиться. «Надобно опасаться, — писал Паткуль, — чтоб этот могущественный союзник не выхватил у нас из-под носа жаркое, которое мы воткнем на вертел; надобно договориться, чтоб он не шел дальше Нарвы и Пейпуса; если он захватит Нарву, то ему легко будет потом овладеть Лифляндией и Эстляндией». А Петр именно и хотел прежде всего овладеть двумя крепостями — Нарвой и Нотебургом, старым русским Орешком, чтоб, получивши эти две опоры, легче занять и укрепиться в стране, между ними лежавшей, в этой заветной стране, где море было так близко к русским владениям. Царь направил свои полки к Нарве, но скоро общая страшная опасность для союзников прекратила споры о разделе добычи.

Союзники надеялись напасть на Швецию врасплох, пользуясь молодостью ее короля Карла XII, молодостью, которая не обещала по-видимому ничего хорошего для Швеции: пол и стены королевских комнат были улиты кровью, — молодой король отсекал саблей головы баранам и телятам, пригнанным для этой потехи во дворец; ночью в стокгольмских домах дребезжат, валяются стекла: это потешается молодой король; кто едет днем по улице с шумом и гамом в одних рубашках? Молодой король с своей свитой; кто охотится за зайцем в сеймовой зале? Молодой король. Но этот неугомонный мальчик, отличавшийся такими дурными шалостями, явился героем, когда затрубила военная труба, когда опасность начала грозить Швеции с трех сторон. Карл XII явился с войском пред Копенгагеном и принудил датского короля к миру; вслед за тем высадился на восточный берег Балтийского моря, в Пернау, чтоб идти на помощь Нарве, осажденной русскими.

Мы видели, как Петр смотрел на войну: он смотрел на нее как на школу. Он сделал нужные приготовления, он покончил с прежним строем и составом войска; его армия не представляла более, как армия царей предшествовавших, ветхое рубище с новой заплатой; но и его армия представлялась далеко не в удолетворительном виде. Легко сказать: преобразовать войско! Оно было действительно преобразовано, но оно было невыучено, неопытно. Петр не обольщал себя: он изображал свой флот в виде лодки, на которой дети учатся плавать; и войско свое он мог изображать в виде толпы детей. Он не бросился в войну один на один с европейским знаменитым военными успехами народом, он вступил в нее в союзе с Данией, которая прежде всего должна была задержать шведов; с королем Августом, который имел военную репутацию и который уже начал военные действия в Ливонии,

Петр начал с третьей стороны, послал значительное войско с хорошей артиллерией осаждать Нарву, учиться осаждать крепость, защищаемую европейским гарнизоном. Битва не входила в его расчеты; у него не было искусных генералов, не было главнокомандующего: он дал звание фельдмаршала тому же Головину, генерал-адмиралу, заведовавшему иностранными сношениями, но действительно поручать ему начальство над войском он не хотел. Ему прислали генерала из-за границы с отличными рекомендациями, герцога фон Круа, и он поручил ему начальство над войском для первой встречи со шведами, для первого урока. Первый урок был тяжел: русские потерпели поражение, потеряли много людей, всю артиллерию. Но у них оставался Петр Великий, а великие люди бывают сильны приготовлением к неудаче и к успеху, ибо не теряют духа при неудаче и умеют пользоваться успехом. Неудача — проба гения, и Петр умел выдержать страшное искушение. Кроме материальных потерь, нравственное впечатление нарвского поражения было ужасно. Известно, как ободряет первый успех, как отнимает дух первая неудача; а теперь неудачно начинается дело, которому далеко не все сочувствуют; в глазах многих нарвское поражение было явным наказанием божьим за грех нового дела.

Задав русским такой тяжелый урок, Карл XII пошел на юг преследовать короля Августа; ибо гнаться за неприятелем слабым, оставляя в тылу сильного, и решиться с небольшим войском во второй половине ноября идти вглубь России было бы крайним безрассудством. Петр воспользовался удалением Карла: ему представилась возможность проходить с своим войском школу по известной программе. Но прежде всего надобно было поднять дух своих после первого тяжелого урока, заставить их идти в школу, которая так им опротивела после Нарвы. От нарвского плена спасся бегством со своею конницей Бор[ис] Петр[ович] Шереметев, человек очень способный, но при Петре; сам же по себе, по природе своей, неготовый к неудаче и к успеху: после неудачи падал духом, а после успеха — как бы отдохнуть, поехать в Москву, повидаться с семьей, позаняться домашними делами. Петру в продолжение всей службы Шереметева было много хлопот с ним в этом отношении. Две недели спустя после нарвского поражения Петр пишет ему: «Не годится при несчастьи всего лишаться, и потому повелеваем быть при начале деле, с конницею беречь ближних мест, и идти далее, для большого вреда неприятелю. Да и отговариваться нечем: людей довольно, реки и болота замерзли. Не чини отговорки ничем; а если болезнию, и та получена между беглецами»⁶⁴. А между тем в пограничных местах, Новгороде, Пскове, псковском Печерском монастыре кипели работы для их укрепления: работали все, солдаты и священники, мужчины и женщины, и горе тому, кто не хотел работать или хотел поживиться при общем деле: в Москве и Новгороде повешено

было двое людей, которые брали взятки у приема подвод. Артиллерия была потеряна под Нарвой: надобно было как можно скорее приготовить другую. Петр велел со всего государства, с значных городов от церквей и монастырей собрать часть колоколов на пушки и мортиры. Старик Виниус, «надзиратель артиллерии», работал по-петровски, и в конце 1701 года было приготовлено более 300 орудий, хотя Виниус и сильно жаловался на пьянство мастеров, которых, писал он, ни ласкою, ни битьем от той страсти отучить невозможно. Но в то же время надобно было готовить и людей; 250 мальчиков собрано было в школы, из которых, по обещанию Виниуса, должны были выйти хорошие инженеры, артиллеристы и мастера. Вслед за добрыми вестями от Виниуса, добрые вести от Шереметева: пользуясь превосходством своих сил, он поразил шведского генерала Шлиппенбаха при мызе Эрестфер; потеря шведов была втрое против потери русских. Великое торжество: первая победа и победа после Нарвы! В Москве, на башнях и стенах кремлевских развеваются знамена, взятые у шведов. Шереметев сделан был фельдмаршалом, получил Андреевский орден, портрет царя, осыпанный бриллиантами. Победителю захотелось отдохнуть, побывать в Москве: «В начале 1702 года хотя и быть,— отвечал Петр,— чтоб на страстной или на шестой приехать, а на святой паки назад»⁶⁵. В конце мая Петр стал торопить Шереметева в новый поход в Ливонию, ибо пришло известие, что неприятель готовит в эту страну транспорт из Померании: «Теперь истинный час, пока транспорт не учинен, таковой предварить»,— писал царь фельдмаршалу. Борис Петрович двинулся и в июле опять нанес сильное поражение тому же Шлиппенбаху при Гуммельсгофе. После этого Шереметев начал «изрядно гостить» в Лифляндии, по выражению Петра, т. е. страшно опустошал страну по совету союзника, польского короля Августа, чтоб шведские войска не могли найти в Ливонии приюта и продовольствия. Петр смотрел на ливонские походы как на школу для своих и как на средство ослабления неприятеля; об утверждении в стране он не думал. Он все лето 1702 года провел в Архангельске, ибо получил известие, что шведы намерены захватить этот город. Лето проходило, опасности для старой морской пристани не было, и Петр стал думать о приобретении новой, на Балтийском море. Петр явился в Ладогу и призвал к себе Шереметева, «чтоб сего, богом данного времени не потерять». По прибытии Шереметева Петр повел свое войско к Нотебургу (Орешку) и 11 октября взял его трудным и кровавым приступом. «Правда, что зело жесток сей орех был, однакож, слава богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила». Так писал Петр надзирателю артиллерии Виниусу. Семидесятилетний старик, съездивши по артиллерийским делам в Новгород и Псков, отправился в Сибирь, чтоб посмотреть тамошние рудники и заводы, и писал: «Толикое обрел я множество руд желез-

ных, что мною до скончания мира не выкопаются». Жесткий орех был назван Шлиссельбургом, Ключом-городом. Для чего же понадобился Ключ? В апреле 1703 года от него по правому берегу Невы лесами шли русские войска под начальством Шереметева и нашли при устье Охты в Неву маленькую шведскую крепость Канцы, или Ниеншанц, сторожившую устье Невы. К русскому войску приехал бомбардирский капитан Петр Михайлов и отправился на 60 лодках осматривать невиское устье. 1 мая Канцы были взяты, но на взморье показались два неприятельских судна, и 5 мая подошли к устью Невы. Капитан Петр Михайлов и поручик Меншиков с Преображенским и Семеновским полками в 30 лодках окружили их и взяли. Первый успех на море! Обрадовались как дети, тою живою, сильною радостью, которая обличает горячее участие к делу, условие успеха в нем. Капитан Петр Михайлов и поручик Меншиков получили андреевские ленты. Добрались наконец до Балтийского моря; завещание предков исполнено, но не совсем: надобно укрепиться на этом море. 16 мая 1703 года на одном из островков невиского устья рубили деревянный городок. Городок назвали Петербургом. Из него потом вышла новая столица Русской империи. Зачем это новая столица? На этот вопрос пусть отвечает древняя история, пусть укажет, что новые столицы не были новостями и в старину.

Действительно, с детства в школах узнаем мы из учебников русской истории, что у нас переносятся столицы из одного места в другое, из Новгорода в Киев, из Киева во Владимир, из Владимира в Москву. Откуда это явление, отчего мы не видим его в других государствах, в государствах Западной Европы? Причина уясняется при первом взгляде на карту. Чрезвычайная обширность государственной области, особенно при малочисленности народонаселения и отсутствии цивилизации, необходимо обуславливала это явление. Как человек, находящийся в очень обширном помещении, не может, оставаясь неподвижно в одном каком-нибудь углу, ясно обозреть всего помещения, всего разнообразия находящихся в нем предметов, и потому необходимо сосредоточивает свое внимание на одном каком-нибудь круге предметов, особенно ему нужных, и остается известное более или менее продолжительное время там, где они помещаются, и потом переходит на другое место, обратившее на себя его внимание, и здесь опять останавливается: так и правительство чрезвычайно обширной страны принуждено переносить свое местопребывание из одной части страны в другую по мере надобности, по мере прилива и отлива сил народных в ту или другую сторону, по мере сосредоточения народных интересов, народного внимания здесь или там; следовательно, это перенесение правительственных местопребываний не может являться в истории чем-то произвольным. Так называемое перенесение столицы из Киева во Владимир Андреем Боголюбским не было делом произвола одного князя,— это явле-

ние было следствием отлива народных сил с юго-запада на северо-восток; доказательство слишком ясно: этот юго-запад, эта Русь, главная начальная историческая сцена, оказалась столь слабой, что не могла поддержать своей политической самостоятельности, и Русь самостоятельная могла явиться только на северо-востоке. Также не было произвольно утверждение правительственного местопребывания в Москве, когда понадобилась средина восточной России для ее собрания и для обороны русской самостоятельности равно от Востока и от Запада, от татар и литвы, от бесermenства и латинства. Так же произвольно было появление новой столицы на берегу моря в начале новой русской истории, истории по преимуществу европейской; не Петр по своему произволу утвердил правительственное пребывание в Петербурге, ибо новопостроенный городок был оставлен своим основателем вовсе не в таком привлекательном положении, чтоб удобствами жизни заставить двор предпочесть его Москве или какому бы то ни было другому месту. После Петра мы видим известную реакцию против его деятельности; русские люди имели полную возможность разобратся в материале преобразования — и разбирались: одно оставили нетронутым, другое изменили, а потом опять нашли нужным уничтожить изменения, возвратиться к петровским формам; некоторые же учреждения, как совершенно неспособные привиться к русской почве, исчезли. Что же мешало не укреплять за Петербургом значение столицы? Ясно, следовательно, что он приобрел это значение не по произволу Петра; это значение дано ему ходом истории точно так же, как поднят был Владимир на счет Киева и Москва поднялась на счет Владимира. Петру принадлежит уважение, но не насилие. И чем сильнее жалобы насчет невыгод положения новой столицы, чем сильнее упреки, делаемые совершенно несправедливо Петру за выбор места для столицы, тем яснее для историка необходимость явления; ибо что же заставило сносить такие неудобства? Один ответ: необходимость! Что касается до выбора места для Петербурга, первого русского города на западном море, выбора, за который упрекают Петра, то стоит только взглянуть на тогдашнюю карту Восточной Европы, чтоб понять этот выбор: новый город основан там, где западное море всего глубже входит в великую восточную равнину и наиболее приближается к собственно русской земле, к тогдашним русским владениям. Наконец, что касается неудобств климата и почвы, то нельзя требовать от людей, физически сильных, чтоб они почувствовали немощи более слабых своих потомков. Петра менее, чем кого-либо, можно упрекнуть в односторонности взглядов и направлений. Он, не скажу: не отнял, потому что он не мог этого сделать, но и не обнаруживал ни малейшего намерения отнять у Москвы ее значения в пользу Петербурга; и тут не было одного, так сказать, археологического уважения к царствующему граду: Москва не осталась только памятником древности. В разгар пре-

образовательной деятельности, в которой так резко обозначался экономический характер, Москва, по своему положению и под особенным покровительством преобразователя, приняла самое деятельное участие в новом движении, и в то время, как с таким старанием отстраивался приморский город, долженствовавший иметь первенствующее торговое значение, старая Москва становилась средоточием новорожденной мануфактурной промышленности. С появлением Петербурга Москва не утратила своего значения, и когда при дочери Петра Великого России понадобился университет, место ему было указано в Москве. Москва не потеряла своего значения ни для своих, ни для чужих, ни для друзей, ни для врагов. Враги почтили ее своею враждою, почтили ее своим посещением, написали новую славную страницу в ее историю. Москва по-прежнему терпела беды, по-прежнему росла от непрестающего прилива к ней жизненных сил русской земли. Научная жизнь Москвы как университетского города должна высказываться в спокойном уяснении исторических явлений, в спокойном указании законов народного бытия; а такая деятельность, расширяя сферу мысли, возвышая дух, несовместима с односторонностью, мелочностью взглядов, мелким соперничеством, завистью. Москва знает, что с появлением новой столицы между ними произошло разделение занятий, а следовательно, и соединение сил. Москва знает, что Петр ничего у нее не отнял, что он дал ей все то, что дал России, и Москва воспользовалась его дарами прежде других и больше других. Москва чтит Петра за то место, которое он дал России, ибо знает, какое место она, Москва, занимает в России; знает поэтому, как она возвеличена Петром, возвеличившим Россию. И в день славного воспоминания деятельности великого человека Москва должна поступить достойным ее образом: спокойно, беспристрастно сказать свое слово и усердно сделать свое дело.

Достижение заветной цели вело к усилению труда; добыли новый морской берег: надобно было строить новый флот, и на берегах Свиря кипела работа, ронили громадные деревья, и на новой верфи в Лодейном Поле строили морские военные суда. Разумеется, сардамский плотник был там; но в глубокую осень, когда по Неве уже плавают лед, он в Петербурге, около Котлина острова меряет морскую глубину: здесь будет укрепление, оборона Петербурга, куда уже пришел первый иностранный купеческий корабль. А между тем Шереметев забирал старые русские города, которые швед завел за себя в XVII веке, Копорье, Ямы, и опустошал Эстляндию, чтоб на будущее время не дать шведам пристанища и прокормления. Петр торжественным въездом в Триумфальные ворота отпраздновал в Москве возвращение русских городов и немедленно отправился в Воронеж. Чуждый односторонности, он одинаково внимательно смотрел на запад и восток: на северо-западе нужно было работать, чтоб отбивать шведа:

на юго-востоке нужно было также работать, чтоб сдерживать турка.

Весною 1704 года Петр опять на Западе, по обычаю торопит Шереметева, чтоб шел поскорее и взял Дерпт: «Идти и осадить конечно Дерпт, чтоб сего богом данного случая не пропустить, и зачем мешкаете не знаю, не извольте медлить». Простодушно отвечает Шереметев: «Здоровье мое уже не прежнее и ни от кого помощи нет, легко мне было жить при тебе, да при Данилыче (Меншикове): ничего я за милостию вашей не знал»⁶⁶. Шереметев осадил Дерпт; чтоб ему было легко, приехал Петр, и Дерпт был взят. «Сей славный отечественный град паки получен»⁶⁷, — писал царь своим. Из Дерпта Петр поехал под Нарву, и скоро пошли от него письма: «Где четыре года тому назад господь оскорбил, тут ныне веселыми победителями учинил, ибо сию преславную крепость шпагою в три четверти часа получили»⁶⁸.

Главное на Западе было сделано. Петр не хотел ничего более, сильно желал прекращения войны с удержанием завоеванного; готов был и уступить часть завоеваний, только бы удержать новопостроенный приморский городок. Но согласится ли Карл XII на такой мир? Конечно, нет. Петр успел сделать свое дело потому, что «швед увяз в Польше»⁶⁹. Но швед увяз в Польше для того, чтоб обеспечить себе тыл для действия против России, чтоб свергнуть с престола короля Августа и возвести на его место человека, себе вполне преданного, следовательно, враждебного России. Чтоб воспрепятствовать исполнению этого плана, надобно было деятельно помочь Августу. Но помочь ему было трудно. Русский посланник в Польше князь Григорий Долгорукий писал, что «в короле крепости немного, как у короля, так и в казне Речи Посполитой денег нет, но на польских дам, на оперы и комедии у короля деньги есть, одним оперным певцам дано на зиму 100.000 ефимков». Русского посланника особенно должны были поражать эти издержки, ибо он знал, как просто и бедно жил в России шкипер и капитан Петр Михайлов. Долгорукий чрезвычайнее наглядно изображает это страшное расслабление, овладевшее польским высшим сословием, которое на словах было готово воевать, но не было способно ни к какому движению: «Хотят они на коней сесть, только еще у них стремен нет, не по чему взлезть». «Надейся на бога,— писал Долгорукий Петру,— а на поляков и саксонцев надеяться нельзя». Карлу XII легко было при таком расслаблении объявить Августа лишенным польского престола и провозгласить королем познанского воеводу Станислава Лещинского. Петр не оставил Августа: с помощью русского войска взял у шведов Варшаву. Русские войска заняли Курляндию и Литву. Меншиков шел дальше и поразил шведов при Калише. Петр запиrowал в своем парадизе, Петербурге, узнав, что его любимец одержал победу, «какой еще никогда не бывало»⁷⁰. Но вслед за этим он узнал, что Август, чтоб спасти свою Саксо-

нию от вторгнувшихся в нее шведов, помирился с Карлом, отказавшись от польского престола; следовательно, швед уже не увязнет более в Польше, и все бремя войны надобно будет взять на одни свои плечи. В конце 1707 г. Карл XII двинулся на Петра, грозясь свергнуть его с престола.

Петр распорядился, чтоб в польских владениях не вступать с неприятелем в генеральную битву, а стараться заманить его к своим границам, вредя ему при всяком удобном случае, особенно при переправах через реки. Петр находился в затруднительном положении, потому что Карл подолгу останавливался, и неизвестно было, куда он направит путь. Петр в одно время укреплял и Москву и Петербург. Только в июне 1708 года Карл переправился через Березину. После жаркого дела при Головчине русское войско отступило, и Петр был доволен: «Зело благодарю бога,— писал он,— что наши прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хорошенько, и что всю его армию одна наша треть так выдержала и отошла»⁷¹. Подождав несколько времени в Могилеве своего генерала Левенгаупта и не дождавшись, Карл повернул на юго-восток, к реке Соже, потом на север, к Мстиславлю. У местечка Доброго князь Михаил Голицын напал на первое неприятельское крыло и поразил его; когда же сам король пришел на помощь, то Голицын отступил в порядке. Петр был доволен и писал: «Я, как начал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слышал и не видал, и такого еще в сей войне король шведский ни от кого сам не видал. Боже! Не отыми милость свою от нас впредь!»⁷² В сентябре Карл повернул к Украине; сам царь 28 сентября перехватил спешившего к нему Левенгаупта при деревне Лесной, недалеко от Пропойска, и поразил его наголову, взял всю артиллерию и обоз, на которые так надеялся Карл. «Сия у нас победа,— по словам Петра,— может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому же еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем: тут первая проба солдатская была»⁷³. Карл вошел в Украину. Малороссийский гетман Мазепа перешел на его сторону, перешли на его сторону запорожские казаки; но масса народная в Малороссии осталась верна русскому царю; Петр дал ей нового гетмана; Меншиков в виду шведов взял гетманскую столицу Батурин, которую защищали приверженцы Мазепы. Запорожская Сечь была разорена. Петр, по его словам, «с превеликою радостью услышал о разорении проклятого места, которое корень злу и надежда неприятелю была»⁷⁴. Карл обманулся во всех своих надеждах: после Мазепы и запорожцев он еще надеялся на Турцию, что та воспользуется случаем и поднимется вместе с ним на Россию; но турки и татары не трогались; повсюду кругом было тихо: все соседние народы отказались принять участие в борьбе за ту или другую сторону; все как будто притаило дыхание, дожидаясь, чем разыграется кровавая игра между Петром и Карлом,

чем решится судьба Восточной Европы. Она решилась 27 июня 1709 года под Полтавой. «Доносим вам,— писал Петр своим,— доносим вам о зело превеликой и нечаемой виктории, которую господь бог нам чрез неописанную храбрость наших солдат даровать изволил. Вся неприятельская армия фаетонов концец восприяла. Ныне уже совершенно камень во основание С.-Петербурга положен с помощью божию»⁷⁵.

«Превеликая виктория»! Спустя полтора ста с лишком лет историк имеет право прибавить к словам победителя, что эта виктория была одним из величайших всемирно-исторических событий: могущество Швеции, созданное искусственно посредством завоеваний, было сокрушено; исчезла завеса, скрывавшая Россию от остальной Европы, и пред изумленными народами Запада явилось новое обширное и могущественное государство, умевшее победить вождя и войско, считавшиеся до сих пор непобедимыми. При громе Полтавской битвы родился для Европы, для общей европейской жизни новый великий народ; но и не один народ: при громе этой битвы родилось целое новое племя, племя славянское, нашедшее для себя достойного представителя, при помощи которого могло подняться для сильной и славной исторической жизни. В европейской истории наступила новая эпоха.

Чем славнее, многозначительнее победа, тем выше поднимается победитель. Но Петр поднимается ли высоко для нас как полтавский победитель? Нет, в глазах историка он стоит так высоко, что титул победителя — даже и полтавского — является чем-то малым и односторонним. В этом победителе мы не видим ничего воинского, ничего геройского в тесном смысле военном, никакого пристрастия к войне, никакого стремления к военной славе. Мы видим великого человека, народного героя, сознательно удовлетворяющего известной народной потребности; раз начертал он свой преобразовательный план и выполняет его неуклонно; война, военный успех входят в этот план только как средство. Мы видели это необыкновенное спокойствие и ясность взгляда при оценке каждого военного действия; эти спокойствие и ясность не покидают Петра и при оценке полтавской победы. Война начата как тяжкая необходимость для произведения экономического переворота в народной жизни, для приобретения моря; после долгих, тяжелых трудов и опасностей одержана блестящая, решительная победа, сокрушившая все силы врага, изумившая Европу. Как же победитель смотрит на значение победы? Она, по его взгляду, кладет камень в основание приморского городка, дает средство закрепить для России берег западного моря. Война, победа исчезают в своем самостоятельном значении, исчезает полководец, победитель, но тем выше поднимается великий человек, вождь своего народа в великом движении, обхватившем весь организм народной жизни⁷⁶.

ЧТЕНИЕ ДЕВЯТОЕ ⁷⁷

Война входила в общий план преобразования как средство для достижения ясно сознанных, определенных целей этого преобразования, входила в общий план как школа, дававшая известное приготовление народу, приготовление, необходимое в его новой жизни, новых отношениях к другим народам. Поэтому мы должны ожидать, что война не останавливала преобразовательного движения в других сферах. Мы видели, что еще перед Северной войной, в конце XVII века, Петр высвободил промышленное городское население из-под власти воевод и дал ему самоуправление; и было замечено, что подобные преобразования имели воспитательное значение для общества, приучая его членов к самостоятельной деятельности и деятельности сообща, уничтожая рознь, причину слабости гражданского духа в народе. Упомянутое преобразование в жизни промышленного городского населения не стояло одиноко и бессвязно. Целая система подобных учреждений проводилась неуклонно и сильно преобразователем, и, разумеется, только такая система и может дать историку право говорить о воспитательном значении преобразовательной деятельности. Знакомые уже с характером деятельности Петра, с его постоянным движением из одного угла обширнейшей страны в другой, то в Петербург, то в Воронеж, то в Азов, то в Литву, мы должны ожидать изменений и в высшем управлении. Прежде царь постоянно находился в Москве, и дума, совет, собиравшийся при нем из трех знатнейших чинов — бояр, окольничих и думных дворян — постоянно была под влиянием этого царского присутствия; как угодно было государю вести совещание, так оно и велось, не было никаких форм, которые бы определяли степень участия и ответственности членов думы. Но теперь царь часто и подолгу отсутствует из Москвы, придет на короткое время, укажет на множество необходимых дел и уедет. Члены думы остаются одни с обязанностью обсудить, как что лучше сделать, и непременно сделать, и скоро сделать: царь не такой человек, чтоб хладнокровно смотрел на медленность, на делание кое-как, чтоб принимал какие-нибудь отговорки. И вот старая дума должна усилить свою деятельность: царя нет, нельзя ждать, как он укажет в трудном деле, надобно решить самим трудное дело и исполнить. Тяжело, непривычно. Один кто-нибудь скажет, как надобно сделать, и прекрасно, что долго думать, — сделать так. И вдруг царь разгневался: не так. Что ж делать? Кто виноват? Никто, все так решили. Но царь принимает свои меры, приходит требование, бесцеремонное в выражениях, как все требования петровские, требование, чтоб они всякие дела, о которых советуется, записывали, и каждый бы своею рукою подписывал, и без того никакого дела не решать, «ибо этим дурость всякого будет явна» ⁷⁸. Каждый, следовательно, должен обдумать дело, подать свое мнение и подписать его; согласился с другим —

и это обозначится подписью; каждый должен принять на себя ответственность за свое мнение, ибо уже не скроется, что кто думал; надобно думать да и думать, а то придется объявить свою «дурость». И вот некоторые отзываются с готовностью на призыв к самостоятельной деятельности; другие, более ленивые по натуре, невольно должны становиться на свои ноги, приучаться к самостоятельной деятельности, думать, изучать дело, справляться, советоваться с другими; а сфера все более и более расширяется, беспрестанно слышатся слова: в такой-то стране делается так, в другой иначе, и побуждение к деятельности не ослабевает, не ослабевает царское требование — не сметь своего суждения не иметь. В старину, если посылали кого-нибудь исполнить известное поручение, то давали ему длинный наказ, инструкцию, определявшую с точностью каждое его движение, длинный свивальник, которым пеленали взрослого человека. Действия свивальника оказывались тотчас же, отнимая всякую свободу движения: как скоро исполнитель поручения, спеленатый наказом, встречал какое-нибудь малейшее обстоятельство, непредвиденное в наказе, он останавливался и слал из дальнего места в Москву за новым наказом; между тем благоприятное время уходило невозвратно. Петр не мог равнодушно сносить этой привычки русских людей к пеленкам и требовал, чтоб посланные с поручением ступали по своему рассуждению, смотря на оборот дел, ибо «издали,— писал он,— нельзя так знать, как там (на месте) будучи». И повторял: «Во всяком к вам указе всегда я по окончании письма полагаюсь на ваше по тамошнему состоянию дел рассуждение, что и ныне подтверждаю, ибо нам, так отдаленным, невозможно конечного решения вам дать, понеже случаи ежедневно переменяются».

Более десяти лет старинная дума привыкала к новому положению — управлять во время отсутствия царя, привыкала к самостоятельной деятельности и к необходимо связанной с такой деятельностью ответственности, ответственности пред царем, о котором знали, что не пропустит никакого упущения, не посмотрит ни на что сквозь пальцы. Между тем, новые слова для выражения новых отношений незаметно входят в употребление. Высшее правительственное собрание называется уже *консилиею*, и члены его — министрами. В 1711 году эта консилия министров получила новое название и более определенное значение и устройство: учрежден Правительствующий Сенат, которому каждый обязан был послушанием, как самому царю, и в то же время явилась новая форма присяги государю и государству. Правый суд, наказание несправедливых судей и ябедников, соблюдение строгой бережливости в расходах, умножение доходов, снабжение войска людьми, усиление торговли: вот первые обязанности Сената, предписанные ему учредителем. Дела решались единогласно, каждый указ должны были подписывать все члены собственноручно; если один откажется подписать, то приговор остальных недействителен,

но несогласяющийся сенатор должен изложить причины своего несогласия на письме. За два года перед тем Россия была разделена на 8 больших губерний, подразделявшихся на области, которыми управляли по-прежнему воеводы. Теперь губернаторы стали подчинены Сенату, в канцелярии которого безотлучно находились комиссары из каждой губернии для приема указов и подачи ответов на вопросы по делам, касавшимся их губерний. Считались нужными эти живые посредники, живые и скорые ответчики на запросы правительствующего, ибо губернаторы, по непривычке к своему положению, к разнообразию дел в обширных областях, при недостатке способных, знающих, привычных и благонамеренных людей, отличались медленностью в своих распоряжениях и ответах. Но делать нечего, надобно было и губернаторам проходить свою тяжелую школу, приучаться к быстрой движению, потому что царь не выносил медленности, она его приводила в печаль, а печалить Петра было нельзя без опасных последствий. Так, в начале 1711 года Петр писал Меншикову: «Доныне бог ведает, в какой печали пребываю, ибо губернаторы зело раку последуют в происхождении своих дел, которым последний срок в четверг на первой неделе (поста), а потом буду не словом, но руками с оными поступать»⁷⁹.

Но признак великого человека — приготовленность к удаче и неудаче; неудача ожидается как естественное следствие новости дела, непривычки к нему, человек должен знать, что в деле человеческом нет совершенства, должны непременно обнаружиться темные, нежеланные стороны. Видя эти неудачи, несовершенства, темные стороны нового дела, люди обыкновенные тревожатся, теряют веру в пользу нового дела, кричат, зачем оно, прежде лучше было, или, по крайней мере, оно рановременно, надобно было подождать, пока народ, общество будут к нему готовы, — и вот стремление, если не уничтожить новое дело, то хотя изменить, ограничить его. Но великий человек, сознавши необходимость известного дела, не тревожится первой неудачей, несовершенствами; он может печалиться, оскорбляться неприготовленностью людей, особенно если это нравственная неприготовленность, но не придет в отчаяние, не бросит дела, а усилит только внимание к нему, уход за ним. Мы не приходим в отчаяние оттого, что новорожденный ребенок является таким слабым существом, не может ходить, и спокойно ждем, когда он окрепнет и станет ходить, и тут не приходим в отчаяние, что он еще плохо держится на ногах, часто падает. Мы смотрим спокойно на эти явления, ибо привыкли смотреть на них как на естественные и необходимые; но не все способны привыкнуть к признанию общих законов в явлениях; не все привыкли в каждом новом деле видеть новорожденного ребенка, которому надобно окрепнуть, а для этого нужен самый старательный уход, устранение всех вредных влияний. Новые дела — а их было много при Петре — приносили ему, особенно вна-

чале, много огорчений тем, что шли не так, как бы хотелось; но огорчение не переходило в отчаяние, и после неудач в делах внутренних преобразователь являлся так же велик, как после неудачи первого азовского похода, как после нарвского поражения. Мы видели, что одним из первых внутренних преобразований его было высвобождение городского промышленного народонаселения от власти воевод, самоуправление промышленного сословия. Дело было новое и пошло неудачно. И здесь, как во всех неудачах коллегияльного управления при Петре, была проверка древней Руси, и проверка мнениям о древней Руси. Если бы в древней, допетровской Руси был силен так называемый общинный быт, была сильна привычка к общему действию, к соединению сил — привычка отзываться на общее дело и делать его усердно, уметь видеть в общем интересе охрану интереса частного, привычка сильных для сохранения своей силы, нравственного и политического влияния, сторониться с своим интересом пред интересом слабых поодиночке, но сильных опять тою же привычкою к соединению, — если бы все эти привычки были сильны в древней Руси, то когда Петр, отстраняя существовавшие до него препятствия, призывал русских людей к общему действию, они должны были бы явиться с великой охотой, и дело пошло бы чрезвычайно успешно с самого начала. Но если мы видим явление обратное, то естественно и необходимо должны прийти к заключению, что привычка к общему делу была очень слаба в древней Руси, и в деятельности великого человека, великого государя, который в своих учреждениях завел школы для общего дела, мы должны видеть благодетельный почин народного воспитания. Мы видели, что на выборных для городского самостоятельного управления, или так называемых бурмистров, возложен был сбор казенных доходов и проверка их, и вот оказались сильные беспорядки при этой проверке и казнокрадство в обширных размерах. Обнаружился и другой признак крайней слабости в деле самоуправления: неумение соединенными силами слабых сдерживать сильных, которые стремятся к господству, к удовлетворению своим личным выгодам на счет слабых, порознь и потому не могущих выставить никакого сопротивления. Такое положение есть самое опасное для общества или учреждения, которому дано самоуправление; освобожденное от тяжести внешней власти, получивши свободу управляться само собою, выбирать из своей среды людей, которые должны заведовать его делами, общество или учреждение выбрало себе господ, которые стремятся употребить во зло свое значение и могут делать это тем беззапачнее, тем благовиднее, что они выборные представители свободного общества или учреждения, действуют во имя его. Рождается вопль: что же выиграно? Прежде не было так тяжело, прежде было лучше, надобно возвратиться к прежнему или, по крайней мере, переделать, изменить новое сообразнее существующим средствам; ясно, что люди неспособны к новому делу, нет людей,

надобно их приготовить, воспитать: так вопят люди, не знающие, что известная деятельность и есть необходимое приготовление, воспитание. Но эти вопли способны сильно смутить, ввести в искушение преобразователя. Петр выдержал искушение. Его сильно печалил неудачный ход новых дел; человека с орлиным полетом сильно оскорбляли и раздражали люди, которые, по его выражению, *подобились раку*⁸⁰ в своем движении; но он не потерял веры в свое дело и в свой народ, остался верен мысли о необходимости деятельной школы, которую должен был проходить народ и в которой должен был учиться неудачами, остался верен мысли, что каждое учреждение должно иметь свою Нарву, чтоб иметь Полтаву; остался непоколебим в проведении всюду коллегиального устройства как устройства, имевшего воспитательное значение для народа.

В этой вере в дело и народ преобразователя поддерживал тот живой сильный отклик, который слышался отовсюду, когда вождь кликнул клич по дружину, по смелых, неутомимых работников. Не все были люди, которые вначале раку подобились в новом деле; поднялись и молодые орлята, которые, сгорая нетерпением, стали торопить дело, забегали вперед, требовали мер решительных и крутых, революционных, как мы теперь называем. Сильное движение преобразовательной эпохи, новые предметы и учреждения, расширение сферы, противоположность толков — все это должно было поднять людей живых и способных в разных слоях общества, в самом низшем, возбудить в них надежду на более широкую деятельность. Это движение, новости, обхват целого общества каким-то другим воздухом выразилось еще в 1694 году одним, если угодно, комическим, или трагико-комическим, но любопытным явлением: явился в Москву крестьянин и потребовал у правительства средств сделать крылья, потому что он сумеет полететь, как журавль. Опыт кончился неудачно и очень печально для русского Икара; но скоро движение пошло более серьезным образом. Мы не раз упоминали о том, что преобразование имело экономический характер; вопрос о бедности и богатстве, о бедности России сравнительно с другими государствами, о средствах сделать ее богатой, сделать для нее возможным удовлетворение громадным издержкам преобразования, предпринимаемого для усиления и обогащения России, — этот вопрос был на первом плане для всякого возбужденного движением человека, и вот снизу является ряд людей, способных, бывалых, которые предлагают правительству свои планы относительно увеличения доходов, свои услуги в этом важном деле. Мысли выслушаны, услуги приняты, и некоторые из этих людей, отмеченных в народе названием *прибыльщиков*, стали видными деятелями эпохи преобразования. Взгляд *прибыльщиков*, их учение, их теория высказалась в известном сочинении крестьянина Посошкова: «О скудости и богатстве»⁸¹, которое самым названием своим дает нам знать, что в это время более всего лежало

на сердце у мыслящего русского человека, пробужденного движением преобразовательной эпохи. Обогащение России посредством обеспечения промышленного труда и трудящегося человека от печального положения суда, управления и сословных отношений, завещанного древней Россией, причем Посошков предлагает самые крутые, восточные, турецкие меры, показывающие, что сам автор принадлежит половиной своего нравственного существа древней России; сильное сочувствие преобразователю, жалобы на то, что он в меньшинстве тянет в гору, тогда как большинство стремится под гору — вот основные черты сочинения Посошкова. В практической деятельности из этих людей, поднятых снизу вверх преобразовательным движением, был знаменит прибыльщик Курбатов. В одном из приказов подкинута было письмо. Вместо извета о каком-нибудь злом умысле, государь нашел в письме проект о гербовой, или орленой⁸², бумаге. Гербовая бумага как важный источник дохода была немедленно введена. Сочинителем проекта оказался Курбатов, дворецкий боярина Бор. Петр. Шереметева, человек очень бывалый и не в одной России; вместе с господином своим он путешествовал и за границей. Курбатов был щедро награжден, пожалован в дьяки Оружейной палаты и получил возможность уже не подметными, но явными письмами сообщать царю свои мнения обо всем. Курбатову Петр поручил устроить порядок в Московской ратуше, или бурмистрской палате, в которой, как мы упоминали, дело шло дурно по непривычке к новому делу, по неохоте заниматься общим делом, не приносящим непосредственной выгоды частному человеку, или по стремлению извлечь из общего дела как можно больше частных выгод, покормиться на счет казны.

Петр не пришел в отчаяние от картины тех злоупотреблений и беспорядков по ратушному, т. е. по финансовому, управлению, какую представил ему Курбатов; он не дотронулся до учреждения, поручив только временно надежному человеку уничтожение беспорядков и злоупотреблений. Печальный пример коллегиального управления в ратуше не отнял у него веры в достоинство этой формы, и он немедленно ввел ее в областное управление, велел всякие дела с воеводами ведать дворянам, в больших городах человека по четыре и по три, а в меньших — по два; указы чинить дворянам обще с воеводами, а одному воеводе без дворян никаких дел не делать. Легко понять, как должны были оскорблять и раздражать Петра известия о страшном казнокрадстве в то время, когда при громадном увеличении расходов нужно было изыскивать все средства к увеличению доходов в бедном государстве; когда народ должен был платить тяжелые подати; когда на него наложен был великий труд; когда сам царь, подавая пример, трудился небывалым образом и для уменьшения расходов жил чрезвычайно просто, с отстранением царской обстановки. Не одна продолжительная и тяжелая война, не одно переустройство войска

и заведение флота, построение крепостей требовали больших расходов: Россия должна была войти в систему европейских держав, живших общей жизнью и потому постоянно сносившихся друг с другом, наблюдавших за движением, за внутренней жизнью друг друга. Для этого каждый двор имеет при других дворах постоянных представителей; Россия должна была выполнить это необходимое условие вступления в общую европейскую жизнь. Мы уже видели, как ей трудно было это сделать, и как Петр, с глубокой верой в способности своего народа, решил трудный вопрос, признавши и здесь необходимость практической школы, и назначил на важнейшие дипломатические посты русских людей. Но мало было, чтоб представители России при чужих дворах вели себя искусно и достойно: они должны были поддерживать достоинство своего двора внешней обстановкой, на что нужно было много денег; кроме того, посланники должны были иметь в своем распоряжении значительные суммы для подкупа влиятельных лиц, для узнавания нужных секретов. Для удовлетворения всем этим требованиям прибыльщики изыскивали всевозможные средства, взято было все, что только можно было взять; отдано было на откуп все, что можно было отдать. Отнято было право владельцев мест, где производились торжки, брать пошлину на себя, пошлина стала идти в казну; уничтожены были так называемые тарханы, по которым известные лица освобождались от платежа пошлин. У бедного народа была роскошь — дубовые гробы: и этот предмет роскоши казна взяла себе и продавала против покупной цены вчетверо дороже; наложена была пошлина на бороду и усы: кто не хотел бриться, отплачивался деньгами. Все эти тяжести и труд русский народ должен был поднять временно, чтоб вдвинуть Россию в Европу и приобрести средства усиления и обогащения; а эти средства состояли в искусстве и знании. Петр прямо и для всех понятно указывал своему народу цели его и своей чрезвычайной деятельности — внутреннее спокойствие и внешняя безопасность посредством хорошо устроенного войска и обогащение страны посредством торговли. Так, эти цели прямо были высказаны в знаменитом манифесте 1702 года о вызове иностранцев в Россию: «Мы побуждены были, — говорит царь, — в самом правлении учинить некоторые нужные и к благу земли нашей служащие перемены, дабы наши подданные могли тем более и удобнее научиться поныне им неизвестным познаниям и тем искуснее становиться во всех торговых делах». При таком практическом взгляде легко понять, какого рода школы должны были явиться в Москве; явились школы математическая и навигаторская, где первыми преподавателями были три англичанина. Школы эти находились в ведении Оружейной палаты, т. е. адмирала Головина и дьяка, известного нам Курбатова. Скоро после заведения школ знаменитый прибыльщик уже радовался, что многие всякого звания и зажиточные люди познали сладость науки и отдадут в те школы детей своих,

а иные молодые люди сами приходят с немалой охотой. Мы уже упоминали о правиле Петра, которого держались и все его сотрудники,— брать иностранцев, но строго наблюдать за ними, чтоб они не теснили русских, и как можно скорее выдвигать последних, чтоб они могли заменить наемников. Так и Курбатов немедленно к трем учителям англичанам приставил помощника русского Леонтия Магницкого, и заметив, что иностранцы «обязали себя к нему ненавистию», по выражению Курбатова, за отличное исполнение им своих обязанностей, Курбатов всеми силами поддерживал Магницкого, вследствие чего англичане должны были только усерднее исполнять свои обязанности. Этот Магницкий был автором знаменитой «Арифметики, сиречь науки числительной», изданной в 1703 году.

Для школ и для распространения сведений между любознательными взрослыми людьми нужны были книги на русском языке, прежде всего учебники. Понятно, что нужно было переводить их с иностранных языков; понятно, что дело перевода книг было одним из самых важных и самых трудных дел. Кроме страшной трудности передачи научных понятий на языке народа, у которого до сих пор не было науки, была еще трудность, происходившая от существования двух языков, резко различавшихся друг от друга,— книжного, или так называемого церковно-славянского, и народного. Естественно, наука должна была избрать для себя последний язык; но ученые люди, знающие иностранные языки, переводчики привыкли к книжному языку, и живой язык народный был в их глазах языком подлых людей. Перевод книг, сказал я, был одним из самых важных и трудных дел, и мы уже должны ждать, что Петр усердно займется им: он не только указывал, какие книги надобно переводить, но и требовал переводы к себе, сам исправлял их, учил, как надобно переводить; учил, что не надобно держать мертвого перевода слово в слово, но, выразумевши смысл, передавать живым образом этот смысл совершенно удобопонятно для русского человека, т. е. совершенно соответственно складу русской речи, тогда как подстрочный перевод необходимо искажал русскую речь, давал ей чужие обороты. Так, он писал одному из переводчиков: «Книгу о фортификации, которую вы перевели, мы прочли: разговоры зело хорошо и внятно переведены; но как учить фортификации делать, то зело темно и непонятно переведено; не надлежит речь от речи хранить в переводе; но точною его выразумев, на свой язык уже так писать, как внятнее может быть!» В 1707 году типографские мастера привезли из Голландии три азбуки «новоизобретенных русских литер». Этими литерами, или так называемым гражданским шрифтом, начали печататься книги с 1708 года, и первой книгой, напечатанной таким образом, была «Геометрия, словенски землемерие». Но как везде в деятельности Петра, так и здесь не было односторонности: царь поручил известному тогда ученому Поликарпову написать русскую историю

и в то же время приказывал переводить книги о событиях всеобщей истории, которые по господству древней истории и литературы в Европе были у всех в устах: книгу о Троянской войне, Квинта Курция о деяниях Александра Македонского.

Могущественное средство развития человека состоит в расширении сферы; человек развивается, когда переносится из бедной простой обстановки жизни, из круга немногих и постоянно повторяющихся явлений, в жизнь, обставленную богаче, представляющую больше разнообразия предметов и явлений; сельчанин поэтому развивается, когда переносится в город, еще сильнее развивает путешествие, бывалость. Но человек новой Европы приобрел еще средство развития, возможность участия в жизни всего современного человечества: это ведомости обо всем совершающемся в современности, ведомости, которые распространяются с такой быстротой посредством печати. Петр, разумеется, не мог обойти и этого средства развития своего народа. До него знание того, что делалось у себя и в чужих странах, было привилегией правительства; извлечения из иностранных газет (куранты) составлялись для царя и немногих приближенных особ и бережно хранились как тайна государственная. Петр хотел, чтоб все русские люди знали, что делается на свете, и с 1703 г. начали издаваться в Москве «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах», и на первом же листке ведомости объявили, что московские школы умножаются, сорок пять человек слушают философию, а в математической штурманской школе больше 300 человек учатся и добре науки приемлют. Не забыто было и четвертое средство для народного развития. Как до Петра куранты составлялись только для царского употребления, так и сценические представления давались только для потехи великого государя: Петр и то, и другое ввел в народное употребление. На Красной площади построена была деревянная комедийная хранина — для всех; как при царе Алексее, так и теперь набрали подьячих из разных приказов и отдали их учиться немцу Куншту, который обязался учить их всяким комедиям. В репертуаре этого первого всенародного театра после пьес исторического содержания видим и пьесу «Доктор принужденный», это Мольеров «Лекарь поневоле»; играли также пьесы, нарочно сочиненные по поводу какого-нибудь важного события, торжества, напр[имер] в 1703 г. по случаю взятия Орешка. Кроме этого всенародного театра, театральные представления давались еще учениками Славяно-Латинской академии (новосияющих славяно-латинских Афин); здесь пьесы имели религиозное содержание, но иногда с примесью политических намеков.

Все эти средства развития, воспитания народного — и школы, и книги, и ведомости, и театр — представляли, разумеется, еще слабые начатки; чтоб сказалось их влияние, нужно было еще дол-

го ждать, а между тем нельзя было не обратить внимания на некоторые печальные явления, которые были следствием крайне недостаточного народного воспитания в древней России: так, был обычай убивать младенцев, родившихся с физическими недостатками; Петр вооружился против этого варварского обычая, не признававшего в человеке человека и христианина: смертная казнь грозила людям, уличенным в его исполнении. После указа против убийства младенцев, родившихся с физическими недостатками, видим ряд указов о сохранении жизни и здоровья человека: запрещено хоронить мертвых ранее трех дней; учреждено было 8 аптек в Москве и закрыты зелейные лавки, где продавались так называемые лекарственные травы, от которых люди, как оказалось, умирали скорою смертию. Любопытна прибавка в указе, чтоб в новоучрежденных аптеках не продавали вина. Страсть к вину русские люди вынесли из своей древней жизни в ужасающих размерах; смертные случаи в драках от пьянства были обыкновенным явлением; правительству нужно было смотреть за взрослыми, как за детьми, смотреть, чтоб они не имели при себе острых ножей,— порежутся! И вот Петр запрещает носить остроконечные ножи потому что многие люди в ссорах и драках и в пьянстве такими ножами друг друга режут до смерти. Известно, в какой степени наши деревянные города терпели от пожаров: как начнется весна, так начнет в Москве, по выражению тогдашних образованных людей, Вулканус свирепствовать⁸³, пожаров по шесть в сутки. Образованные люди к царю с просьбой укротить свирепство Вулкануса, и вот: начинают делать черепичные крыши вместо тесовых; выписываются заливные трубы из-за границы; издается указ строить в Москве, в Кремле и Китае-городе, каменные дома и располагать их по улицам и переулкам, а не внутри дворов, т. е. по европейскому, а не по азиатскому обычаю. Принимались меры, чтобы русский человек в городах мог спать спокойно, не боясь Вулкануса; но вот предстоит беда, нужда требует выехать за город, отправиться за несколько верст в другой город, в деревню: пишется духовное завещание, в семье плач, прощаются, как с человеком, идущим на войну, потому что дороги наполнены разбойниками. Правительству мало шведской войны, оно должно посылать роты с капитанами для сыску разбойников; капитану удалось поймать 10 знаменитых разбойников, кто ж они? Люди из низших слоев общества? Нет, это все помещики, которые разбойничали с своими людьми, нападали на чужие деревни, били и жгли⁸⁴.

Эти явления показывают нам, с каким обществом имело дело преобразование. В подобном обществе нет безопасности для слабого, и мы видели, как, вследствие этого, женщине надобно было спрятать в терем. Но это удаление женщины, бывшее необходимым следствием грубости нравов и отсутствия безопасности, в свою очередь, производило еще большее огрубение нравов, ибо

мужчина не привыкал сдерживаться присутствием существа, которому христианская цивилизация Европы дала нравственное величие, окружила уважением, противопоставляя материальным стремлениям в отношениях человеческих, заставляя сильного слушать слабого, и ум не забываться перед чувством. Христианская цивилизация Европы признала в разделении человека по полам, на два пола,— первый, основной акт развития, т. е. разделения занятий. Это разделение занятий, предоставляющее мужчине внешнюю общественную деятельность и женщине — внутреннюю, домашнюю, лежит в основе цивилизации, сущность которой состоит в разделении занятий вообще, или в том, что мы называем развитием. В состоянии варварства человек делает все или большую часть нужного ему сам, и потому одинок, потому дик; в состоянии цивилизации человек делает одно что-нибудь и потому может делать хорошо, совершенствовать свое дело, в отношении к другим необходимым предметам находится в зависимости от деятельности других и потому связывается с другими тесной органической связью, и люди необходимо становятся ближними друг другу. В словах «Не добро быти человеку единому» выразилось благословение развития, благословение цивилизации, которые и начались с разделением человека, а появлением жены подле мужа, Евы подле Адама, ибо здесь началось разделение занятий. Женщине предоставлена была внутренняя, домашняя жизнь, которой главное дело — воспитание человека, требующего для своего нравственного развития и крепости продолжительного согревания теплотою женского материнского чувства. Но человек воспитывается для жизни общественной; отсюда необходимое требование от воспитывающего — требование знания этой жизни; а знание общественной жизни невозможно без участия в ней. Таким образом, отчуждение женщины от участия в общественной жизни и от того, чем возвышается и украшается общественная жизнь, противоречит ее значению, значению воспитательницы человека, представительницы и охранительницы наряда (порядка) внутренней, семейной, домашней жизни, ибо здесь, в этой жизни, муж, сын и брат должны находить обновление сил для деятельности общественной. Нельзя отнять у женщины участия в общественной жизни точно так, как преступно втягивать ее в общественную деятельность и нарушать основное в человечестве разделение занятий, разрушать основу цивилизации⁸⁵. Естественно было стремление нашего древнего общества удалить женщину из общества, не представлявшего для нее ни физической, ни нравственной безопасности. Но мера была отчаянная; сильное лекарство, свидетельствуя о силе болезни, не могло, в свою очередь, не оставить вредных следов в общественном организме. Общественная жизнь от удаления женщины еще более бледнела и грубела, а мужчина, не находя дома «помощи, приличной ему», беднел и грубел нравственно. Не исполнялась воля бога, создавшего женщину, чтоб человек

имел помощь, приличную ему, как говорит писание, и женщина теряла свое значение: запертая и припрятанная, она становилась вещью, товаром; человек терял данное ему творцом право искать себе помощь, приличную ему, и брак нисходил на степень торговой сделки. Петр прекратил затворничество женщин, приказав приглашать их в общественные собрания; запретил рядовые стоговорные записи, составившиеся в приказе крепостных дел; велел прежде венчания быть обручению за шесть недель, чтоб дать время жениху и невесте узнать друг друга, причем, в случае если не понравятся друг другу, получали свободу отказываться от вступления в брак. Русский человек перестал быть одинок в обществе и получил возможность иметь помощь, приличную ему. Но, уничтожая затворничество женщины, возвышая ее достоинства, Петр возвышал и достоинство человека вообще: запрещено было подпisyваться уменьшительными именами, падать пред царем на колени, зимою снимать шапки пред дворцом. Петр говорил: «Какое же будет различие между богом и царем, когда воздается равное обоим почтение? Менее низости, более усердия к службе и верности ко мне и государству — вот почесть, принадлежащая царю»⁸⁶. После этого не в праве ли историк сказать, что он избражает дела великого народного воспитателя?⁸⁷

ЧТЕНИЕ ДЕСЯТОЕ⁸⁸

В предыдущих беседах наших мы не раз указывали на воспитательное значение деятельности Петра Великого; естественно, что при этом он нуждался в помощи церкви⁸⁹; но церковь, чтоб дать желанную помощь в народном воспитании, нуждалась сама в помощи преобразователя, ибо требовала преобразований. Жалобы на печальное нравственное состояние духовенства, на печальное состояние нравственности в монастырях, которые прежде имели такое важное значение в нравственном воспитании народа, на невежество духовенства, лишавшее его учительской способности в то время, когда оно более всего нуждалось в этой способности, когда нравственными, научными средствами нужно было защищать православие от своих и от чужих, от раскольников и западных иноверцев, жалобы на злоупотребления материальными средствами в монастырях и архиерейских домах — все эти жалобы раздавались давно и громко, между мирянами и самим духовенством, на соборах церковных. Петр, по своей природе, делавшей из него преобразователя, не мог равнодушно слышать жалоб на какое-нибудь зло и отвечать на эти жалобы, на эти слова словами же: он немедленно отвечал на них делом, исправлением зла. Поднять русское духовенство, давши ему могущество — науку, снабдивши его средствами восстановить свое учительское значение, свое нравственное влияние согласно с новыми потребностями, с новыми

условиями, давши ему крепкое оружие для борьбы с враждебными влияниями; восстановить значение монастырей, противодействуя вовсе немонашеским побуждениям к монашеской жизни, прекративши злоупотребления материальными средствами, обращением излишка этих средств на дела милосердия и просвещения; поднять белое духовенство, давши ему науку, учительскую способность и большие средства материальные, недостаток которых мешал успешному и достойному исполнению его обязанностей — вот преобразовательная программа Петра относительно церкви. Но кто станет приводить в исполнение эту программу? До XVIII века в русской церкви был единый верховный пастырь, сначала с титулом митрополита, потом патриарха, и мы видели, как тяжело было положение патриарха, когда Россия всколебалась и стала двигаться по новой дороге. Патриарх стоял между нескольких огней, между раскольниками с одной стороны, между иноверными учителями и русскими учениками их — с другой, без способности обличения, без нравственных средств противодействия тем и другим, без науки, которая должна была внушать уважение и сдерживать людей, служивших науке, разуму, говоривших и действовавших во имя их: положение вредное, невозможное для церкви и государства при слабости характера, при страдательном положении патриарха, вредное и при энергии, ревности в ту или другую сторону, ибо без просвещения могла ли быть ревность по разуму. Сюда присоединялись еще новые трудности: патриарх должен был приступить к экономическим преобразованиям, следовательно, должен был вооружить против себя значительную часть духовенства; энергические меры для водворения должной дисциплины в монастыре, для истребления тунеядства, находившего здесь себе прибежище, увеличивали число врагов, усиливали вопли. Одним словом, чтоб патриарх был в уровень своему положению, чтоб явился патриарх-преобразователь, ему следовало своими способностями, своей энергией, силой воли приближаться к великому преобразователю-царю. Но где было взять такого человека, где было взять двоих Петров Великих! Нужно было пощадить русскую церковь от печального явления иметь подле царя Петра патриарха Адриана. Скажут: зачем же непременно Адриана? Но если не Адриана, то надобно было пощадить Россию от соболезна столкновения царя с патриархом, который бы, при силе воли, отличался узким взглядом на трудное и опасное положение церкви; патриарх, не сочувствующий преобразованиям, необходимо становился опорой недовольных, средоточием и вождем их, давал благословение их делу. В противном случае надобно было пощадить главного пастыря церкви, единого и потому принимающего на себя всю ответственность, пощадить от враждебных ударов, расточавшихся противниками преобразования, пощадить его от названия антихриста. Все эти удары принимал на себя человек силы, способный их вынести; духовная власть отстранялась от

преобразований, слишком для нее тяжелых, и передавала их власти светской; единичное управление церковное упразднилось естественно за неимением человека, способного стать в уровень с своим положением, поднять бремя, слишком тяжелое для плеч одного человека, естественно пролагался путь к разделению этой тяжести между многими, к коллегиальному управлению.

Петр говорил патриарху Адриану: «Священники ставятся малограмотные, надобно их прежде учить, а потом уже ставить в этот чин. Надобно озаботиться, чтоб и православные христиане, и иноверцы познали бога и закон его: послал бы для этого хотя несколько десятков человек в Киев в школы. И здесь, в Москве, есть школа, можно бы и здесь было об этом порадовать; но мало учатся, потому что никто не смотрит за школой как надобно. Многие желают детей своих учить свободным наукам, и отдают их здесь иноземцам; другие в домах своих держат учителей иностранных, которые на славянском нашем языке не умеют правильно говорить. Кроме того, иноверцы и малых детей ересям своим учат, отчего детям вред и церкви может быть ущерб великий, и языку нашему повреждение, тогда как в нашей бы школе, при искусном обучении, всякому добру учились». Царские слова были сказаны понапрасну: мог ли заботиться о школе и приготавливать священников к их званию человек, не имевший сам образования! Чтоб поднять русские школы и образовать ученых священников, надобны были ученые архиереи; в Великой России их взять было неоткуда, надобно было обратиться к Малороссии, вызвать оттуда ученых монахов и поставить их на архиерейские кафедры в Великой России⁹⁰. Петр так и сделал; а что выбор людей как везде, так и тут был хорош, был петровский выбор, доказательством служат имена всем известные, имена Стефана Яворского, св. Димитрия Ростовского, Филофея Лещинского, Феофана Прокоповича, Феофилакта Лопатинского.

Осенью 1700 года умер патриарх Адриан, и преемника ему не было. Рязанский митрополит Стефан Яворский назначен был только экзархом св. патриаршего престола, блюстителем и администратором, что показывало меру временную, переходную; можно было считать ее приготовлением к уничтожению патриаршества; можно было ждать также, что патриарх будет, когда царь найдет способного человека, и действительно, трудно сказать, был ли в это время уже решен Петром вопрос об уничтожении патриаршества. Можно рассуждать так: если бы Петр хотел сохранить патриаршество, то что ему мешало остановить выбор на том же Стефане Яворском или каком-нибудь другом архиерее из ученых малороссиян? Первая потребность была в распространении образования между духовенством, в надзоре за главной школой московской, академией; патриарх из великороссиян не был способен к этому по неимению школьного образования; но патриарх из малороссиян удовлетворял этой главной потребности. Но мы долж-

ны перенестись в то время, когда на малороссиян в Великой России смотрели как на чужих; занятие малороссиянами архиерейских кафедр возбудило сильное неудовольствие, разумеется, прежде всего между людьми, которые сами надеялись занимать эти кафедры и были отстранены пришельцами; но эти недовольные были свои, и потому их неудовольствие легко заражало массу. Сильные следы этого неудовольствия у великороссийского духовенства на малороссийских архиереев мы находим даже 50 лет спустя, когда архиереи из великороссиян с ненавистью отзывались о своих предшественниках малороссиянах, об этих, по их словам, черкасишках никуда негодных, и от людей переносили свое нерасположение к делу, к школам, заведенным архиереями-малороссиянами. Петр ввиду необходимости не счел позволительным уступить этому чувству, призвал малороссиян на архиерейские кафедры; но поставить патриарха из малороссиян было бы слишком. Притом, кроме неудовольствия своих, Петр должен был обращать внимание на внушения константинопольского патриарха не ставить в патриархи малороссиян как подозрительных в неправославии, и особенно Стефана Яворского. Таким образом, все соединилось для того, чтоб затруднить дело и заставить Петра отложить его.

За назначением Яворского блюстителем патриаршего престола немедленно последовали преобразования. Дело суда и управления церковными имуществами сосредоточены были в монастырском приказе, отданном в ведение светскому лицу, боярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину. Для прекращения жалоб на беспорядки монастырской жизни, на тунеядство и соблазнительное бродяжничество монахов и монахинь из одного монастыря в другой, монахи и монахини были переписаны, и переход их из одного монастыря в другой запрещен, кроме важных законных причин. Стража стала у ворот монастырских: монахи и монахиня не могли выходить, кроме крайней необходимости, и то на короткое время; мирские люди могли входить только в церкви монастырские во время богослужения; жить в монастырях не могли; писать монахи и монахини могли только в трапезе, с позволения начальства, ибо оказывалось, что в кельях писались вовсе не душевспасительные вещи. Нельзя было никого вновь постричь без царского указа. Прежние монахи, говорил указ, содержали себя своими трудами и еще питали нищих; нынешние же нищих не питают, но сами чужие труды поедают, и потому монастырский приказ, где сосредоточивались доходы с монастырских имений, выдавал монахам на содержание известное количество денег и хлеба, остальное должно было идти на пропитание нищих, в богадельни и в бедные монастыри, у которых не было вотчин. На монастырские доходы был построен в 1707 году в Москве за Яузой госпиталь, который служил вместе и медицинской школой, в заведовании доктора-иностранца Бидлоо и русского лекаря Рыбкина. Через пять лет Бидлоо хвалился, что в госпитале вылечено более тысячи

больных, хвалился и быстрыми успехами своих русских учеников, которые в количестве 33 человек ежедневно имели дело со 100, а иногда и 200 больными. Москва очень нуждалась в медицине: по указу Петра за 1703 год подана была священниками первая ведомость о числе родившихся и умерших; оказалось, что число смертных случаев с лишком 2000 превышало число рождений.

Деньги из монастырского приказа, т. е. собираемые с монастырских имений, шли также на печатание книг и на школы для духовенства, которые должны были заводиться и в других епархиях, кроме московской. Указ 1708 года запрещал посвящать в священники и дьяконы, принимать в подьячие и никуда священнослужительских детей, которые не хотят учиться в школах. Разумеется, этот указ мог служить только побуждением к начатую школьного дела. «Что человека вразумляет, как не учение?» — писал св. Димитрий Ростовский. Он имел печальную возможность доказывать справедливость своих слов примером священников, каких он нашел в своей епархии и какие, разумеется, были во всех других епархиях: священнические сыновья приходили к нему ставиться на отцовские места: митрополит спрашивал их, давно ли причащались, и получал в ответ, что и не помнят, когда причащались. Св. Димитрий завел школу при своем доме; но сам должен был исполнять должность учителя, ибо где же было взять хороших учителей? При таком состоянии духовенства, разумеется, расколу было легко расширяться. «С трудом, — говорит св. Димитрий, — можно было найти истинного сына церкви: почти в каждом городе изобретается особая вера, простые мужики и бабы догматизуют и учат о вере». Такое положение церкви заставило св. Димитрия не ограничиваться устной проповедью, но вооружиться против раскольничьих учителей особой книгой, знаменитым «Розыском о раскольничьей вере». И люди, не принадлежавшие к расколу, обривши бороды по указу, сомневались в своем спасении, думая, что потеряли образ божий и подобие; священники не умели их успокоить, они обратились к митрополиту, и тот должен был писать рассуждение «Об образе божии и подобии в человеке». Относительно школ для духовенства, разумеется, надобно было ограничиваться самым существенным, во-первых, потому, что учителей не было: новгородский митрополит Иов завел было в своей школе преподавание греческого языка, но скоро учителей взяла в Москву. С другой стороны, не было денег. Тобольский митрополит Филофей Лещинский писал, что надобно в его школе ввести преподавание латинского языка и принуждать учиться детей всякого звания. Петр велел ему ответить, что он должен обратить особенное внимание на преподавание славянского языка и того, что необходимо знать священнику и дьякону, катехизиса православной веры, чтоб могли учить мирских людей.

Из деятельности Дмитрия Ростовского можно видеть, какую пользу приносили русской церкви архиереи из ученых малороссиян, вызванных Петром для распространения образования в духовенстве. Ученый ростовский митрополит, завещавший постлать свой гроб черновыми бумагами своих сочинений, отличался не одною ученостью: церковь причла его к лику святых. Но в лике святых Дмитрий не один из числа современных Петру архипастырей и сотрудников его. Церковь прославила также епископа воронежского Митрофана, знаменитого не школьной ученостью, но святостью жизни и усердным радением о благе России, России преобразовывавшейся. Митрофан прославлял намерение Петра относительно заведения флота и убеждал народ всеми силами помогать своему царю в великом деле. Но одними словами воронежский епископ не ограничивался: он привез Петру последние оставшиеся в архиерейской казне 6000 рублей на войну против неверных и постоянно потом отсылал накопившиеся у него деньги к государю или в адмиралтейское казначейство с надписью: «на ратных». Петр горько оплакивал кончину святого старца и, разумеется, не раз потом должен был вспомнить о воронежском епископе, когда слышал о неудовольствиях и жалобах на тяжкий труд, лишения, пожертвования, наложенные на русских людей трудным делом преобразования. Некоторые архиереи не могли переносить ограничения своих доходов вследствие учреждения монастырского приказа; они не хотели понять, что если бы они более или менее подражали Митрофану воронежскому и Дмитрию Ростовскому, то не было бы монастырского приказа и ненавистный им начальник этого приказа Мусин-Пушкин не нападал бы, по их выражению, на церкви божии. «Какое мое архиерейство, что мое у меня отнимают? Как хотят другие архиереи, а я за свое умру, а не отдам, шведы бьют, а все за наши слезы», — говорил нижегородский митрополит Исая. Такие выходки со стороны пастырей, разумеется, должны были действовать на мирян, которые также вопили против тяжких поборов людьми и деньгами, против того, что не знают покоя от сильных движений преобразования, от этих новизн, от этих беспрестанных новых требований правительства. До нас дошли заявления этих неудовольствий; историк не может отвергнуть их, историк должен был бы предположить их, если б даже его источники и ничего о них не говорили. Неудовольствие было и выражалось иногда резкими словами; преобразователя называли антихристом, царем ненастоящим, подмененным или при самом рождении, или во время заграничного путешествия; но собственно в Великой России далее слов не шло. То была страна земских людей, тех сильных людей, которые в начале XVII века выдержали смуту и низложили ее и которые теперь, в начале XVIII века, выдерживали тяжести преобразования. Здесь неудовольствие не могло обнаружиться на деле, восстанием против правительства сильного, разумного, бла-

гонамеренного, народного, в смысле охранения высших народных интересов, а не долгополых кафтанов. Здесь неудовольствие не могло обнаружиться восстанием против правительства, умевшего извлечь лучшие силы из народа и сосредоточить их около себя, около преобразователя: следовательно, на стороне преобразования были лучшие, сильнейшие нравственно люди; отсюда-то сильное, всеобъемлющее движение, которое увлекало одних и не давало укореняться враждебным замыслам других; машина была на всем ходу; можно было кричать, жаловаться, браниться, но остановить машину было нельзя. И вот в Москве, около Москвы, во всей Великой России спокойно, несмотря на то, что царь редко живет в Москве; царя нет по-видимому, но чувствуется всюду присутствие нравственной силы, нравственного величия. Неудовольствие обнаруживается на деле, восстаниями только на окраинах, в степях. В то время, как Россия устремилась за новой жизнью к западному морю, степь, оттягивавшая столько веков Россию к Азии, степь подала протест. Степь, казаки — одно прибежище, одна надежда для недовольных, которых покой был нарушен тряской, разнообразием нововводимой европейской жизни и которые хотели восстановить прежнее азиатское, степное однообразие.

В половине 1705 года, когда царь был с войском на Западе, восстание за старину вспыхнуло в самом отдаленном застенном углу, окруженном казаками, в Астрахани. Место было выбрано самое удобное, и выбрано оно было недовольными из разных городов; между заводчиками бунта встречаем и ярославца, и москвича, и симбирян, и нижегородцев; тут действуют раскольники, тут же действуют и стрельцы. В то время, когда преобразователь старался поднять и укрепить русского человека наукой и самостоятельным упражнением своих сил, поставить его прямо перед каждым явлением с способностью допрашивать каждое явление о его смысле, заводчики восстания в Астрахани спешили пользоваться младенческим доверием застенного русского народонаселения и поднимали его слухами, что будет запрещено русским людям жениться, а всех русских девиц выдадут за немцев. Восстание вспыхнуло. Зачинщики полагали главную надежду на казаков: с их помощью они думали усилить смуту и провести ее в сердце государства, до самой Москвы. Но зачинщики обманулись в своей надежде: бунт не пошел далее Красного и Черного Яра, потому что на Дону казаки остались в бездействии: здесь было много недовольных, но они не были еще готовы, были застигнуты врасплох приглашением астраханцев стать вместе с ними за «брадобритие»; главное, у них не было вождя. Астраханские зачинщики сделали большую ошибку, не снесшись предварительно с недовольными на Дону, сделали большую ошибку, отправив возмутительные письма прямо в Черкасск к правительству донскому, тогда как атаманы и старые казаки никогда не начинали восстаний, бунты вспыхивали не в Черкасске, а в дальних казачьих

городках, наполненных недавними беглецами, так называемую голытьбою, искавшею случая побуйствовать и добыть себе зипун, по казацкому выражению. Петр был в Москве, когда получил известие об астраханском бунте, и сначала сильно встревожился, предполагая, что казаки пристанут к бунту. Какое важное значение придал он событию, видно из того, что сейчас же отправил против Астрахани фельдмаршала Шереметева. Весть, что казаки не приняли участия в бунте, сильно обрадовала Петра, который приписал это счастливое обстоятельство особенной милости божией: «Господь,— писал он,— изволил не в конце гнев свой пролить и чудесным образом огонь огнем затушил, дабы мы могли видеть, что все не в человеческой, но в его воле». Астрахань одна не могла держаться, Шереметев взял ее — и волнение прекратилось.

Одна опасность прошла; но в 1708 году, когда Карл XII был в русских пределах, когда Петр должен был сосредоточить все свои силы для борьбы с Западом, с Европой, поднялась против него Азия: на восточной окраине вспыхнул башкирский бунт, и одновременно заволновались донские казаки, вспыхнул булавинский бунт. Мы уже упоминали, что распространение русских владений на Востоке, по Волге, Каме и за Уральскими горами было быстро, легко и собственно носит характер колонизации, а не завоевания. Но жившие здесь народцы, обложенные данью, равнодушно сносили зависимость от России и возмущались при первом удобном случае в продолжение XVI и XVII веков. Особенно были опасны те из них, которые, будучи магометанами, смотрели на турецкого султана как на естественного главу своего и ждали от него избавления от ига христианского. Теперь был случай удобный: русский царь занят на Западе тяжелой борьбой; и нельзя допускать его до горьчества в этой борьбе; этот царь сильнее всех прежних царей, он уже взял Азов у султана; победит своих врагов на Западе — Востоку, магометанству будет беда. И вот магометанство поднимается: уфимский башкирец, выдавая себя за султана башкирского и святого, ездит в Константинополь, в Крым, волнует горские народы Кавказа, волнует кочевников в степях подкавказских. Русские раскольниковы, переселившиеся в эти страны, пристали к магометанскому пророку, который в начале 1708 года осадил русскую пограничную крепость на Тереке. Терский воевода отсиделся в осаде: подоспевшее из Астрахани войско разбило и вяло в плен пророка; но дело этим не кончилось: пророк уже успел переслаться со своими башкирцами, которые и поднялись все; к ним пристали и татары Казанского уезда; с лишком 300 сел и деревень и с лишком 12 000 людей погибло от этого бунта; но дикари¹¹ не могли стоять против русских, хотя и небольших отрядов, которым и удалось сдержать башкирцев, не допустить их до соединения с донскими бунтовщиками. Мы уже говорили об отношениях казаков к земским

людям и государству, отношениях, враждебных изначала. Легко понять, что при Петре отношения эти должны измениться и измениться в пользу государства; преобразователь был рад службе донцов; но не хотел, чтоб государство слишком дорого платило за эту службу. Мы знаем, что он призвал свой народ к великому и тяжкому труду, и ничто не могло его так раздражить, как тунеядство, стремление избежать труда. Народонаселение и без того было мало, ничтожно сравнительно с пространством государственной области, а потребность в людях, в их труде, в их деньгах, приобретаемых трудом, и часть которых должна была идти на государственные нужды,—эта потребность увеличилась. Легко понять, что при таких условиях Петр не мог сочувствовать людям, которые бежали от труда, и людям, которые принимали беглецов и поставляли свое главное право в невыдаче их. Такое право приписывали себе казаки: «С Дону выдачи нет,—отвечали они постоянно государству на его требования выдачи. Петр не мог признать этого права. Землевладельцы жаловались, что они разоряются от побегов, платя за беглых всякие подати *спуста*, правительство берет с 20 дворов человека в солдаты, с десяти дворов — работника, а беглые крестьяне, живя в казачьих городах, службы не служат и податей не платят. Царь указом 1705 года велел свести казачьи городки, построенные не по указу, не на больших дорогах, и жителей их поселить по большим дорогам, и никаких беглецов не принимать, за укрывательство — вечная каторга, а главным заводчикам — смерть; всех пришлых людей, которые пришли после 1695 года, т. е. таких, которым не вышла десятилетняя давность, отослать в русские города, откуда кто пришел, потому что, говорит указ, работники, будучи наняты на казенные работы, забрали вперед большие деньги и, не желая работать, бегали и бегают в эти казачьи городки. Указ не исполнялся, был повторен — и опять не исполнялся. Тогда в 1707 году Петр отправил на Дон полковника князя Юрия Долгорукого с отрядом войска для отыскания беглых и высылки их на прежние места жительства. Внезапно ночью на Долгорукого напали казаки и истребили весь отряд вместе с предводителем. Вождем казаков в этом деле был бахмутский атаман Кондратий Булавин. Другие казаки говорили Булавину: «Заколыхали вы всем государством: что вам делать, если придут войска из России, тогда и сами пропадете, и нам придется пропадать». «Не бойтесь,—отвечал Булавин,— начал я это дело не просто; был я в Астрахани, в Запорожье, на Тереке; астраханцы, запорожцы и терчане все мне присягу дали, что скоро придут к нам на помощь: пойдем по казачьим городкам, приворотим их к себе, потом пойдем дальше, наполнимся конями, оружием, платьем; пойдем на Азов и Таганрог, освободим ссылочных и каторжных, и с этими верными товарищами пойдем на Воронеж и потом до самой Москвы». Таким образом, в Москву в одно время собирались два гостя: Карл XII

с образцовым западноевропейским войском и Кондратий Булавин с ссыльными и каторжными. Булавин разослал призывные грамоты: «Атаманы-молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с атаманом Кондратьем Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте в горные вершины Самарские»⁹². Так против призыва Петра к великому и тяжелому труду, чтоб посредством него войти в европейскую жизнь, овладеть европейской наукой, цивилизацией, поднять родную страну, поднять родные народы, дать новых деятелей в историю человечества,— против этого призыва раздался призыв Булавина: «Кто хочет погулять, сладко попить да поесть,— приезжайте к нам!» И призыв Булавина отличался откровенностью, призывались прямо воры и разбойники⁹³. На Запорожье решили: позволить Булавиному прибирать вольницу, а пойти с ним явно на великороссийские города тогда, когда он призовет к себе татар, черкес и калмыков. Характер явления высказывался ясно: поднималась степь, поднималась Азия, Скифия на великорусские города, против европейской России, которая, несмотря на все препятствия, создала из себя крепкое государство и теперь с величайшим трудом, с страшным напряжением сил стремилась дать ему решительный европейский характер. Скифия была побеждена, несмотря на то, что Великая Россия, Москва, должна была воевать в то же время и с Западной Европой. Булавин, имевший сначала большой успех, провозглашенный атаманом всего Донского войска, после истребления прежнего атамана и старшины, в июле 1708 г. застрелился вследствие неудач своих под Азовом. Бунт не прекратился со смертью Булавина, ибо мы видели, интерес каких людей был затронут стремлением государства наложить свою руку на вольную реку Дон, запретить прием беглых; таких людей накопилось много. Бунт был усмирен только в ноябре истреблением и уходом товарищей Булавина; почти в один день Меншиков сжег Батулин, гнездо Мазепы, а князь Вас. Влад. Долгорукий сжег Решетову станицу, последнее убежище булавинских товарищей; через шесть месяцев была разорена Запорожская Сечь, и месяц с чем-нибудь спустя прогремела Полтавская битва. Петр не пустил к Москве гостей, ни шведского короля с Мазепой, гетманом войска запорожского, ни Булавина с его ворами и разбойниками.

Петр торжествовал в Москве неслыханные победы и не складывал рук, занимаясь делом внутренним и внешним, спеша кончить шведскую войну, чтоб, добившись заветной цели, не иметь более препятствий для внутренних преобразований. В Польше был прогнан король, посаженный Карлом XII, Станислав Лещинский, и восстановлен старый союзник Август II. Дания опять пристала к союзу. В июне 1710 г. взят Выборг, «крепкая подушка Петербургу», по выражению Петра⁹⁴; в июле сдалась Рига, и зна-

менитый прибыльщик Курбатов писал царю: «Торжествуй радостно, преславный обогатитель славяно-русского народа»⁹⁵; в сентябре сдался Ревель, и Курбатов писал, что при заключении мира все эти приморские места надобно оставить за Россией. Но среди этих успехов Петр должен был испытать невыгоды успехов, невыгоды величия и славы. Полтавская победа вводила в систему европейских государств новое могущественное государство, и для Европы рождался вопрос первой важности: какое место займет это новое государство, в каких отношениях будет находиться к другим государствам; каким началам следовать в своей политике, чем руководствоваться в дружбе и вражде. Одновременно с великой Северной войной на северо-востоке, в Западной Европе шла великая война за наследство испанского престола, собственно направленная против властолюбивых стремлений Франции, ее короля Людовика XIV. Петр очень хорошо понимал выгоду этой западной войны для себя, ибо она не давала возможности важнейшим державам Европы вмешиваться в Северную войну, мешать России в ее деле, ибо он не мог рассчитывать на сочувствие этих держав к себе, особенно на сочувствие Франции; он прямо говорил, что надобно спешить окончанием Северной войны прежде окончания западной. Но Полтавская победа, сокрушение сил Швеции, жалкое бегство в Турцию Карла XII, считавшегося до сих пор непобедимым, все это было так многозначительно, как громко, что не могло не взволновать Европы, несмотря на то, что она еще была занята войной за Испанию. Прежде всего, разумеется, дело коснулось Турции, единственного соседнего государства, которое могло помешать России в ее торжествах, отвлечь ее силы. Карл XII после Полтавы бежал в ее пределы и употреблял все старания поднять Порту против России, представляя, что если дать Петру пользоваться несчастьем Швеции, то от этого потерпит прежде всего Турция, которая поэтому обязана помочь Швеции, дать ей поправиться, дать ей возможность сдерживать властолюбивые замыслы России. Подобные же внушения и настаивания приходили в Константинополь и от другой европейской державы, которая была всегда в союзе с Портой, от Франции. Франция издавна стремилась играть первенствующую роль в Европе и особенно была близка к достижению своей цели во второй половине XVII века при Людовике XIV. Но сильный союз других держав, образовавшийся по поводу вопроса об испанском наследстве, остановил эти стремления французского короля. Тем более теперь, при неудаче дела, Франция должна была заботливо следить за европейскими отношениями, обратить особенное внимание на новую силу, явившуюся на континенте: что эта сила, будет ли дружественна Франции или умножит число врагов ее, будет помехой ее стремлениям? Франция должна была решить этот вопрос во втором смысле.

Россия — естественный враг Турции. Башкирец, который хочет взбунтовать своих против России, поднимает знамя магометанства и отправляется в Константинополь, где властвует естественный покровитель магометан; но во владениях этого покровителя магометанства много христиан, которые давно уже ждут избавления от единоверной и единоплеменной России, видят в ее царе естественного покровителя восточных христиан. России, которой сила так явственно высказалась под Полтавой, легко будет одолеть Турцию и тем нанести страшный ущерб французским интересам на Востоке, не говоря уже о том, что Турция издавна союзница Франции, что Турция необходима для Франции как средство для отвлечения сил Австрии. По одинаково враждебным отношениям к Турции Россия должна быть естественной союзницей Австрии, следовательно, должна быть враждебна Франции; сильная Россия, естественно, должна иметь преобладающее влияние в Польше, не допускать здесь французского влияния, и таким образом и с этой стороны будет охранять австрийские интересы. Сокрушение шведского могущества под Полтавой и появление России в виде первенствующей на Севере державы было тяжелым ударом для Франции; этот удар прибавился к поражениям войны за испанское наследство. Дать Карлу XII средства оправиться и сдерживать Россию посредством вмешательства Турции было необходимо для Франции. Вследствие Полтавы и нового могущества России Восточный вопрос принимает новый вид: Турция для собственной безопасности должна поддержать Швецию и не допустить Россию утвердить свое влияние в Польше. Из трех соседних России государств, Швеции, Польши и Турции, делается цепь, которой западноевропейская политика будет с тех пор стараться сдерживать Россию, и Франция теперь при этом играет главную роль, начертывает программу действий против России. Напуганная Турция объявила войну России, с крайним огорчением Петр должен был отказаться от надежды скоро окончить шведскую войну, должен был остановить свои действия на севере и перенести оружие на юг; тратить время и силы на войну, в его глазах теперь бесцельную. Полтавский победитель должен был испытать немедленно же следствия своего торжества, своего нового значения, следствия того движения европейских интересов, какое было возбуждено Полтавой; должен был вести народ свой в борьбу, которой надобно было оплатить цивилизацию, взятую у Европы, участие в общей жизни Европы. Петру принадлежит почин в этой борьбе; его в начале борьбы ждала жестокая неудача; но мы знаем, что неудача есть проба гения; знаем, как великий человек умел выдерживать неудачи, оставив пример, которому должен подражать народ, если хочет быть достойным своего вождя, если хочет быть великим народом⁹⁶.

ЧТЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ ⁹⁷

25 февраля 1711 года в Москве, в Успенском соборе, в присутствии царя объявлено было народу о войне с турками. Мы уже говорили, как не нравилась Петру эта война; он находился в мрачном расположении духа, печальные предчувствия томили его; сюда присоединилась еще болезнь, застигшая его на дороге, в Луцке. В одном письме его от этого времени находим слова: «Нам предстоит безвестный и токмо единому богу сведомый путь»⁹⁸. В другом читаем: «Что удобнее где, то чините, ибо мне так отдаленному и почитай *во отчаянии существу*, к тому ж от болезни чуть ожил, невозможно рассуждать»⁹⁹. Положение было крайне затруднительное, не говоря уже о том, что царь отвлечен от Северной войны, которую спешил кончить выгодным миром до окончания западной войны за испанское наследство, вести две войны на севере и юге с такими небольшими средствами, какими тогда могла располагать Россия, и в то время, когда народ жаждал облегчения и отдыха, к чему Полтавская победа подавала такую большую надежду,—вести при таких условиях две войны было очень тяжело. Петр не мог сосредоточить большого войска на юге; надежда на помощь союзника, короля польского Августа, была плохая; одна надежда на успех состояла в поднятии христианского народонаселения Турции. Сербский полковник Милорадович отправлен был поднимать черногорцев и других славян и писал об успешном ходе дела; молдавский господарь Кантемир поддавался России. Но чтоб получить помощь от своих одноверцев и единоплеменников, чтоб предупредить турок, нужно было спешить вступлением во владения Порты; от турецких христиан получались беспрепятственные просьбы, чтоб царь шел как можно скорее; господари молдавский и валахский писали, что как скоро русские войска вступят в их земли, то они сейчас же с ними соединятся, а это поднимет сербов и болгар. Петр послал Шереметева к Дунаю — нельзя ли предупредить турок и разорить мост. Но турки предупредили, перешли Дунай. Предстоял вопрос: двигаться ли царю с главным войском вперед или оставаться? На военном совете было решено идти вперед, и Петр пошел, тем более что Молдавия уже объявила себя за русских, и остановиться значило отдать ее в беззащитную жертву туркам. Следствием была встреча с турками у Прута (9 июля): у турок было 200 000 войска, а у русских только около 40 000. Несмотря на то, напавший неприятель был отбит с жестоким уроном. Но все же положение русского войска было отчаянное: оно было истомлено битвою и зноем, съестных припасов оставалось очень немного, помощи нигде. Визирю предложены были мирные условия и богатые подарки. Визирь принял предложение, потому что сам находился в затруднительном положении: янычары, испуганные отчаянным сопротивлением русских, потерявши 7 000 своих, отказались во

зобновить нападение и кричали, чтоб визирь скорее заключил мир; кроме того, получено было известие, что отправленный прежде царем отряд под начальством генерала Ренне взял Браилов. Главные условия мира были: отдача туркам Азова, разорение Таганрога и других новопостроенных с русской стороны городов; невмешательство царя в польские дела. Русское войско, не знавшее, что делалось в турецком лагере, изумленное снисходительностью мирных условий, с великой радостью выступило из западни к своим границам. Но с каким чувством вел его царь? Он в письмах к своим утешал их, что хотя мир заключен и с большою потерей, но зато все же война кончилась на юге, и это даст возможность усиленно продолжать войну на севере и скоро кончить ее выгодным миром. Но при этом он проводил бессонные ночи, тем более что долго не мог быть уверен, состоится ли мир с турками, ибо Карл XII, крымский хан, Франция, изменившие России казаки побуждали султана не мириться, особенно потому, что пункт о невмешательстве России в польские дела подавал повод к сильным спорам: Петр не мог разорвать союза с польским королем, не мог не проводить своих войск через польские владения. Турецкие министры прямо говорили английскому послу, что им не так важна отдача Азова, как то, чтоб царь не вступал в дела Польши, не вводил в нее своих войск, ибо если дать ему в том волю, то он легко сокрушит Швецию, и потом не только может отобрать Азов, но через Польшу опять вступит внутрь турецких владений. Петр не хотел возобновления войны с Турцией, хотя в письмах к своим признавался, что плакал, помышляя о необходимости отказаться от берегов Азовского моря, что как бы не своею рукою писал указ об отдаче Азова и срытии Таганрога. «Но рассудить надлежит,— писал он,— что с двумя неприятелями такими не весьма ль отчаянно войну вести и упустить сию шведскую войну, которой конец уже близок является; сохрани боже, ежели б в обеих войнах пребывая, дождались французского мира (т. е. окончания войны за испанское наследство), то б везде потеряли; правда, зело скорбно, но лучше из двух зол легчайшее выбрать»¹⁰⁰. Наконец мир с турками был заключен в 1713 году. Война, оконченная этим миром, имеет то значение в истории, что в ней Восточный вопрос впервые стал славянским вопросом: Петр спешил к Дунаю, чтоб помочь христианскому народонаселению Турции и взаимно получить от него помощь. Черногорцы поднялись, но, по отдаленности места их действий, не могли, разумеется, оказать помощи русскому войску. Известие о заключении мира при Пруте прекратило черногорскую войну. Терпя постоянно большой недостаток в деньгах при громадных издержках, Петр велел выдать Милорадовичу 500 червонных для раздачи его сподвижникам. В 1715 г. приехал в Россию черногорекий владыка Даниил и получил 10 000 рублей, полное архиерейское облачение, книги; начальные черногорцы получили 160 медалей на 1 000 чер-

вонных. В царской грамоте говорилось, что эти награды не по достоинству, не по заслугам, но больше дать нельзя, потому что война с еретиком королем шведским поглощает все доходы. С этих пор начинается прием славян и других христиан восточного исповедания в русскую службу. Так вступил в русскую службу Милорадович и сделан был гадяцким полковником в Малороссии; кроме него вступили в русскую службу другие сербские, молдавские и валахские офицеры и рядовые, турецкие и австрийские подданные. Их разместили в Киевской и Азовской губерниях, полковникам дано по местечку или по знатному селу, прочим офицерам по несколько дворов, на хозяйственное обзаведение даны деньги и хлеб; им дано право перезывать к себе еще людей своих народов и обещаны другие земли. Петр так сознавал важность связи своего народа с народами племенными, что счел свою обязанностью делиться с ними последним куском, как говорится. Сербский архиепископ Моисей Петрович приехал в Россию и привез от своего народа просьбу, в которой сербы, величая Петра новым Птоломеем, умоляли прислать двоих учителей латинского и славянского языка, также книг церковных: «Будь нам второй апостол, просвети и нас, как просветил своих людей, да не скажут враги наши: „где их бог?“». Петр велел отправить богослужебных книг на 20 церквей, 400 букварей, сто грамматик. Отправлены были и учителя с большим по тогдашнему времени жалованьем, отправлены были русские учителя, когда сама Россия имела их так мало.

Но если Петр считал своей обязанностью помогать и отдаленным соплеменникам, то понятно, что не мог не обратить внимания на горькую судьбу русских людей, которые за свою русскую народность, за свою русскую веру, терпели притеснения в соседнем государстве, хотя и славянском, но католическом. Петр был в союзе с польским королем Августом II. Август изменил союзу, когда, несмотря на сильную помощь, несмотря на Калишскую победу, тайком от царя заключил мир с Карлом XII и отказался от польского престола. Несмотря на то, после Полтавы Петр восстановил его на польском престоле. Казалось, можно бы ожидать благодарности; но на благодарность в политике нельзя рассчитывать. Август был немецкий государь, саксонский курфюрст, который смотрел на Польшу как на средство усиления для своего дома. Смотрел и на русского царя как на орудие для этого усиления. Но как скоро оказалось, что Петру никак уже не приходится служить орудием в руках какого-нибудь Августа; как скоро оказалось, что могущественная Россия и ее великий царь никак не позволят саксонскому курфюрсту усиливаться на счет Польши, так тесно связанной с восточной Россией роковой связью России западной; как скоро оказалось, что Петр, завоевавший Ливонию без помощи Августа, не отдаст ее ему, то Август счел полезным для себя отстать от России, сблизиться с

враждебными ей державами, с Францией, Турцией, показать им, что он вовсе не союзник русского царя, готов сделаться врагом его, и потому согласно с их интересом поддерживать его на польском престоле; а между тем, под шумок, пока еще Петр занят шведской войной, Август хотел достигнуть своей цели в Польше, подчинив себе Речь Посполитую посредством саксонского войска. Два года сряду — 713 и 714 — был в Польше большой неурожай, а между тем голодная страна должна была содержать саксонское войско, которого король не выводил, несмотря на все просьбы поляков, несмотря на требования России. Поляки на сеймиках кричали, что их вольность уже кончается, что им остается одно спасение — просить обороны у российского орла. Наконец восстание вспыхнуло: образовалась конфедерация, и конфедераты начали биться с саксонцами. Литовский гетман Потей обратился к Петру с вопросом, что ему делать? В Польше конфедерация, которая требует, чтоб и Литва соединилась с нею: одно средство успокоить страну, это защита и посредничество царского величества. Петр отвечал: «Пусть будет прислано ко мне прошение от всей Речи Посполитой, и тогда я вступлю в посредничество для ее облегчения и примирения с королем»¹⁰¹. В марте 1716 года приехали к Петру послы конфедерации с просьбой вступить в дело; король волею-неволею должен был согласиться на посредничество русского государя. Это новое положение России относительно Польши возбудило сильное движение в соседних державах: и Австрия, и Пруссия стали хлопотать, чтоб поляки приняли и их посредничество; но дело обошлось и без них: благодаря движению русских войск, саксонские войска в 14 дней должны были очистить Польшу.

Но избавив поляков от саксонцев, Петр должен был избавить православных жителей западной России от польских притеснений. В XVI и XVII веках религиозное гонение, поднятое на русское народонаселение в польских областях, повело к сильному движению среди него, физическому и нравственному, вследствие чего значительная часть русских земель отторгнулась от Польши и присоединилась к России восточной или Великой. Это событие еще более раздражило поляков, заставило их хлопотать о том, как бы уменьшить во владениях Речи Посполитой число русских, как бы заставлять их ополячиваться, т. е. обращаться в католицизм или сначала в унию. Хотели таким образом уменьшить число людей, которые тянули к России, ждали от нее помощи и покровительства; особенно старались окатоличить, ополячить как можно скорее православную шляхту, ибо шляхтич как член сейма был членом правительства, а на сеймах боялись людей, которые могли бы поддерживать русские интересы, русские требования. Отсюда после окончания борьбы у Польши с Россией Андрусовским перемирием, а потом и Вечным московским миром гонение на православных в Польше, отнятие архиерейских кафедр у православных и

отдача их униатам не ослабевают, но усиливаются. Православные обращаются с жалобами к русскому правительству, и Петр для прекращения этих жалоб решается употребить сильные меры. В 1722 году приезжает в Москву белорусский епископ Сильвестр, князь Четвертинский, представляет длинный список обид и притеснений, какие терпит православное духовенство от католиков, показывает знаки ран, полученных им самим за то, что вступался за своих священников, палками обрашаемых в унию. Петр написал королю, что единственное средство прекратить жалобы православных — это составить комиссию для исследования обид и получения за них удовлетворения. Но эту комиссию нельзя составить из одних поляков-католиков, в ней непременно должен быть русский и царский подданный. «Если же паче чаяния,— писал Петр королю,— удовлетворения не последует, то мы будем принуждены сами искать себе удовлетворения». Не дожидаясь ответа, Петр уже назначил своего комиссара, переводчика при русском посольстве в Варшаве, западнорусского же уроженца Рудаковского, которому немедленно же велел ехать в Могилев, осведомиться подлинно обо всех обидах людям греческого исповедания, приготовить все доказательства для комиссии, и стараться, чтоб впредь не было гонения на православных. Протестанты в польских владениях также обратились к Петру с просьбой о покровительстве; видя это, прусский двор спешил также присоединиться к делу, обратился к русскому государю с просьбой заступиться за евангеликов, гонимых в Польше. Так поднимался знаменитый диссидентский вопрос¹⁰², который ровно через 50 лет после описываемых событий, в 1772 году, решился первым разделом Польши, когда знаменитая собирательница русских земель Екатерина II присоединением Белоруссии отпраздновала столетний юбилей Петра I-го. Рудаковский писал Петру, что епископ белорусский все доносил справедливо о гонениях на церковь восточную, разве что еще забыл написать. Комиссар начал свою деятельность: по жалобе пинских монахов на захват православных монастырей и церквей в унию поведено было дело в суде и состоялся приговор о возвращении отнятых монастырей и церквей православных. Рудаковский с мужеством привел в исполнение королевский декрет об этом возвращении. Тщетно ксендзы и униаты вопили, как бесноватые: «Нам беда! Нам грозит смерть! Лучше бы нам было видеть в этих церквах турок или жидов, чем проклятых схизматиков!» Ожесточение вызывало ожесточение и с другой стороны: значительнейшие из русского духовенства в Белоруссии предлагали Рудаковскому поднять простой народ и перебить всех католиков и униатов, потому что, говорили они, простой народ весь пойдет за нами. Рудаковский отвечал им, чтоб позабыли и думать об этом и дожидались бы покровительства русского государя, который уже прислал его, Рудаковского, для защиты восточной церкви. Ненависть поляков к небывалому у них комиссару дока-

ывала, что он был прислан не понапрасну. Польские министры требовали, чтоб Рудаковский был отозван, «ибо не помним,— писали они,— чтоб когда-либо прежде подобные комиссары жили в землях наших и вмешивались в дела духовные». Но комиссар не был отозван и продолжал свою деятельность. С другой стороны, Петр шел наперекор королю Августу в его стремлениях сделать Польшу наследственной в своей фамилии, удержать польское войско под начальством саксонского фельдмаршала, в замыслах разделить Польшу. Таким образом, союз, заключенный с целью сделать Россию орудием для выполнения саксонских замыслов, рушился, когда русский царь, не могший по своей природе служить орудием для чужих замыслов, оправдал опасения Паткуля¹⁰³, один усилился в Северной войне, ибо один без союзников сокрушил шведскую силу при Полтаве, и не считал полезным для России усиливать Саксонию на счет Польши.

Также рушились и другие союзы. Овладев прибалтийскими областями, Петр для скорейшего окончания войны решился действовать против германских владений Швеции и с помощью датского флота произвести высадку и в самую Швецию. Он пригласил Данию, Ганновер, Пруссию участвовать в этой войне; они бросились на легкую добычу, на шведские владения в Германии, также на владения родственного и союзного Швеции Голштинского дома; но скоро Дания и Ганновер были напуганы внушениями о завоевательных замыслах русского царя относительно Германии. Внушения пошли от мекленбургского дворянства, которое было в ссоре с своим герцогом, а Петр держал сторону герцога, женатого на его племяннице, цесаревне Екатерине Ивановне. Дания и курфюрст ганноверский Георг, сделавшийся королем английским, сочли своею обязанностью мешать Петру в окончании Северной войны, в заключении выгодного мира с Швецией. Но Петр достиг своей цели и без союзников. В 1713 году почти вся Финляндия была уже в русских руках: «Эта страна нам вовсе не нужна,— писал Петр,— но надобно занять ее для того, чтоб при мире было что уступить шведам»¹⁰⁴. В 1714 году одержана была знаменитая морская Гангутская победа. Карл XII, возвратясь из Турции, нашел шведские дела в таком положении, что, по внушению министра своего, голштинца Герца, решился в 1718 году вступить в переговоры с Петром, сделать ему большие уступки, чтоб с его содействием вознаграждать Швецию на счет других врагов ее. Аландский конгресс¹⁰⁵, на который с этой целью съехались русские и шведские уполномоченные, рушился вследствие смерти Карла XII. Сестра его Ульрика-Элеонора, ставшая королевой шведской, и вельможи, захватившие власть в свои руки, понадеялись на обещания английского короля Георга и решились продолжать войну с Россией. Английский флот действительно явился в Балтийское море, чтоб испугать Петра и сделать его уступчивее; но Петра испугать было нельзя: в глазах англичан русские выса-

живались на шведские берега и опустошали их. В Швеции наконец поняли, что никто не подает им помощи против Петра, начали снова мирные переговоры, и 30 августа 1721 года в Ништадте заключен был мир, по которому с шведской стороны уступались царскому величеству и его преемникам в полное, неотрицаемое, вечное владение и собственность завоеванные царского величества оружием провинции: Лифляндия, Эстляндия, Ингрия, часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, со всеми аппартиненциями и депенденциями, юрисдикцией, правами и доходами.

4 сентября в Петербурге сильное волнение: царь, огправившийся в Выборг, неожиданно возвращается из своей поездки, плывет и каждую минуту стреляет из трех пушек на своей бригаantine; трубач трубит: что это значит?... Наконец слышится радостное, желанное слово: «Мир!» Толпы собираются к Троицкой пристани; съезжается знать духовная и светская. Встреченный торжественными кликами, Петр едет в Троицкий собор к молебну. Приближенные знают, чем подарить его, просят принять чин адмирала. А между тем на Троицкой площади уже приготовлены кадки с вином и пивом для угощения народа, устроено возвышенное место. После молебна на это возвышенное место всходит царь и говорит окружающему народу: «Здравствуйте и благодарите бога, православные! Что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 год, всеильный бог прекратил и даровал нам со Швецией счастливый вечный мир». Сказавши это, Петр берет ковш с вином и пьет за здоровье народа, который плачет и кричит: «Да здравствует государь!» 10 числа начался большой маскарад из 1000 масок и продолжался целую неделю. Сильная, свежая, вечно юная природа Петра, сказывавшаяся всегда, разумеется, сказала и тут: он веселился, как ребенок¹⁰⁶. Радость была общая; особенно радовались сотрудники, более других понимавшие в чем дело, более других потрудившиеся. Им представлялось то, что было 20 лет назад и что теперь, им представлялось то унижение, в котором была Россия после Нарвы, и то уважение, с которым расступились перед ней теперь европейские державы, чтоб дать ей почетное место среди себя. Они живо чувствовали, как в двадцать лет расширилась их умственная сфера, как они много узнали, как изменились вследствие того их понятия и взгляды; они чувствовали себя совершенно другими людьми, и на языке их невольно появлялись слова, что они перешли из небытия в бытие, и что обязаны этим своему вождю, начальнику их компании. Они поднесли Петру титул Отца Отечества, Великого императора Всероссийского за то, что «его неусыпными трудами и руководством они из тьмы неведения на театр * славы всего света и, тако рещи, из небытия в бытие произведены и в общество политических народов присово-

* В оригинале: феатр.

куплены»¹⁰⁷. Петр отвечал им простыми словами, ибо простота всегдашняя спутница величия: «Желаю весьма народу российскому узнать истинное действие божие к пользе нашей в прошедшей войне и в заключении настоящего мира; должно всеми силами благодарить бога; но, надеясь на мир, не ослабевать в военном деле, дабы не иметь жребия монархии греческой; надлежит стараться о пользе общей, являемой богом нам очевидно внутри и вне, отчего народ получит облегчение». Петр и по окончании знаменитой войны остался верен представлению о ней как о школе; он писал: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно; но наша школа трехкратное время (21 год) была, однакож, слава богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно». С 22 октября 1721 года, когда Петру поднесен был названный титул, Россия стала империей. До тех пор в Европе был один император, император Священной Римской империи; но в Европе давно уже толковали, что Петр стремился стать восточным римским императором. Петр действительно стал императором, но не восточным римским, а всероссийским; ему не было никакого дела до Рима, и он отвергнул эту бессмысленную для России, для ее истории ветхость. Он трудился для России и с Россией, для нее и с ней он добыл императорский титул, и не отлучил родной страны от собственной славы. Только в XIX веке остальная Европа покончила с трупом Римской империи, решилась похоронить его; только в XIX веке вместо Римской явились империи Французская, Австрийская, Германская. Но Петр целым веком предупредил это явление, первый в своем титуле указал начало народности. Великая благодарность великому человеку за то, что он неразрывно связал имя свое и своих преемников с именем своего народа, с именем родной страны¹⁰⁸.

18 декабря новый император торжественно вступил в древнюю столицу царей и в Успенском соборе благодарил бога за мир, который дал России море и окончательно определил ее новые исторические пути. И в Москве началось празднество, маскарады, фейерверки, иллюминации, езда по улицам на морских судах, поставленных на сани. Но от этих праздников в честь мира обратимся ко внутренней деятельности Петра во время Северной войны и после ее.

Мы видели первых главных сотрудников Петра, видели, что самым видным лицом, первым министром в глазах иностранцев был боярин, адмирал Фед[ор] Алексеевич Головин, который заведовал иностранными делами. Здесь мы видим естественную в первое время неразвитость, т. е. отсутствие разделения занятий, несколько должностей сосредоточиваются в руках одного человека. Головин — и адмирал, и министр иностранных дел, он заведует Оружейной палатой и новоучрежденными школами. С течением времени, когда проницательный взгляд преобразователя открывал все более и более способных людей, происходит разви-

тие, разделение занятий, различные должности передаются отдельным лицам. Петр лишился Головина в 1706 году и сильно горевал о потере «друга», ибо имел способность привязываться к достойным людям, как имел способность привязывать к себе достойных людей. По смерти Головина его должности уже разделяются: адмиралом становится Апраксин, заведование иностранными делами поручается Головкину с титулом канцлера; но еще Головин выдвинул из переводчиков посольского приказа даровитого Шафировва, который потом, при Головкине, сделался вице-канцлером. Быстро выдвигается и чрезвычайно даровитый Ягужинский, которого мы видим при разных дворах с важными дипломатическими поручениями; мы уже упомянули, как благодаря правилу Петра учить своих на практике на дипломатическом поприще понятливые ученики сделали скоро мастерами. Двое Долгоруких, Григорий Фед[орович] и Василий Лукич, Матвеев, кн. Куракин, Петр Андр[еевич] Толстой усердно помогали Петру в дипломатической борьбе с Европой от Лондона до Константинополя; в хорошей школе не может быть недостатка в подростках; и эти подростки обозначились и окрепли при Петре; они, по завещанию Петра, имея постоянно в уме и на языке имя великого преобразователя, вели русскую политику чрез первую половину XVIII века и передали ее в достойные руки, руки Екатерины II. Эти подростки обозначились в двоих братьях Бестужевых, уже занимавших при Петре очень значительные дипломатические посты; обозначился и знаменитый иностранец, который в печальные для русской народности времена внутри России искусно поддерживал русские интересы в Европе,— обозначился знаменитый Остерман. Однажды на корабле, где находился государь, произошла драка между царским денщиком и молодым немцем, ведшим дневник у вице-адмирала: немец прямо пришел к царю с жалобой и просьбой о сатисфакции; Петр сатисфакции ему не дал, сказавши: «Пьяное дело!» Но наружность немца остановила его внимание; по своему обычаю он поднял у него со лба волосы, посмотрел в глаза и взял к себе для иностранной переписки. Немца звали Остерманом, он вел переговоры и заключил Ништадтский мир. Сохранились рассказы современников о том, как поддерживалась школа, воспитывались подростки, выбирались люди. Молодые дворяне, посланные учиться за границу, возвратились — и сейчас к государю на экзамен зимой в 6 часов утра: Петр со свечой в руках ползал по карте, расспрашивал их, остался доволен. Один из возвратившихся из-за границы, известный Неплюев, был определен Петром в смотрители над постройкой галер, должность, в которой он почти ежедневно видал государя, Петр заметил, что в малом будет путь, и начальствующие лица начали воспитывать молодого офицера, учить его, как служить и как сохранить расположение царя: «Будь исправен, будь проворен и говори правду; сохрани тебя боже солгать, хотя бы что и худо было: он больше

рассердится, если солжешь». Скоро Неплюев подвергся экзамену в этом искусстве. Однажды он пришел на работу, а Петр уже тут: Неплюев сильно перепугался, и первой мыслью было бежать домой и сказатьсь больным; но потом вспомнились наставления и он пошел к тому месту, где находился государь. «А я уже, мой друг, здесь!» — сказал ему Петр. — «Винovat, государь, — отвечал Неплюев, — вчера я был в гостях, долго засиделся, оттого и опоздал». — «Спасибо, что говоришь правду, — сказал Петр, — бог простит! Кто бабе не внук». После того Неплюев получил место резидента в Константинополе таким образом, который показывает всю простоту отношений Петра к своим приближенным: у государя был обед для всей знати, также для офицеров гвардейских и морских, почему был приглашен и Неплюев. Отобедав с товарищами прежде, он встал из-за стола и отправился в ту сторону, где государь сидел еще за столом и вел такой разговор с Головкиным и Апраксиным: «Надобен мне человек, который бы знал итальянский язык, для посылки в Константинополь резидентом». Головкин отвечал, что такого не знает. «А я знаю, — сказал Фед[ор] Матв[еевич] Апраксин, — очень дельный человек, да та беда, что очень беден». — «Бедность не беда, — отвечал Петр, — этому помочь можно скоро; но кто это такой?» — «Да вот он за тобой стоит», — сказал Апраксин. — «За мной стоят много», — возразил Петр. — «Да твой хваленый, что у галерного строения», — отвечал Апраксин. Петр оборотился, взглянул на Неплюева и сказал: «Это правда, Федор Матвеевич, что он хорош, да мне бы хотелось его у себя иметь». Но потом, подумавши, государь приказал назначить Неплюева резидентом в Константинополь¹⁰⁹.

Способных людей было набрано много; но цель преобразователя состояла в том, чтоб приучить этих способных людей к деятельности сообща, в которой бы они развивали силы друг друга и сдерживали друг друга¹¹⁰. У нас часто говорят о дубинке Петра Великого, даже иногда слышится желание, чтоб она снова явилась с своею, будто бы очень полезной деятельностью. При воспитании человека в детском возрасте допускаются известные внушения, наказания, телесные наказания; но в более зрелом возрасте подобные воспитательные средства не допускаются, да и с самого начала опытные воспитатели стараются развивать в воспитанниках высшие, нравственные побуждения к добру. Петр употреблял дубинку для взрослых детей, но в то же время целая система учреждений, имевших воспитательное значение для народа, показывает, что преобразователь употреблял другие, более действительные средства к тому, чтоб вывести русских людей из детского возраста относительно общественной жизни и упразднить внешние, детские побуждения, упразднить дубинку. И мы думаем, что воспоминание об этих учреждениях и о борьбе, которую из-за них выдерживал преобразователь, будет гораздо пита-

тельнее для общества, чем воспоминание о дубинке. Мы видели, что Петр учредил Сенат, который облек большой властью. Воспитание этого высшего правительственного учреждения, разумеется, было главной заботой Петра. «Теперь все у вас в руках», — говорил он сенаторам и этими словами напоминал им о важности их значения и соединенных с нею обязанностях и ответственности. Люди собрались для общего дела, и первое сильное искушение — потратить время в слишком долгих рассуждениях о деле и в разговорах не о деле: Петр требует от сенаторов, чтоб они не теряли времени, «понеже пропущение времени смерти невозвратной подобно. Никому в Сенате не позволено разговаривать о посторонних делах, которые не касаются службы, тем менее заниматься бездельными разговорами или шутками, а главное — сенаторы должны иметь в памяти должность свою и царские указы; и дел до завтра не откладывать; как может государство быть управляемо, когда указы не будут действительны? Презрение указов равно измене и еще хуже ее, ибо, заслышав об измене, всяк остережется, а этого зла никто вскоре не почувствует, но мало-помалу все разорится... В управлении государством важнее всего хранение прав гражданских, понеже всуе законы писать, когда их не хранить, или ими играть в карты, прибирая масть к масти, чего нигде в свете так нет, как у нас было, а отчасти и еще есть и zelo тщаться всякие мины чинить под фортецию правды»¹¹¹. Для ослабления этого зла Петр в начале 1722 года учредил при Сенате должность генерал-прокурора, которого он называл оком своим и стряпчим о делах государственных. Во всех низших местах должны были находиться прокуроры, надзор над которыми поручен генерал-прокурору. Одна из главных забот Сената состояла в удовлетворении требованиям государства относительно людей, нужных для службы военной и гражданской; для облегчения Сената в этом деле учреждена была должность герольд-мейстера, который имел списки всем дворянам и детям их и по первому требованию представлял людей способных к той или другой должности. Я употребил выражения: «служба военная и гражданская»; это разделение есть новость, появившаяся с Петра; древняя Россия представляла первобытное государство с резким признаком неразвитости: служба военная не была отделена от гражданской; при Петре явилось разделение должностей гражданских от военных, что и выразилось в знаменитой табели о рангах. Мы несколько раз упоминали о целой системе учреждений, имевших воспитательное значение для народа через приучение его к деятельности общества. Система эта приводилась в исполнение постепенно, и только к 1720 г. образовались для отдельных ведомств коллегии, заменившие прежние приказы. Коллегия состояла из президента, вице-президента, советников и ассессоров. Если и в Сенате, куда были выбраны самые способные люди, дело, по его новости, шло далеко не так, как бы желалось, то тем

более нельзя было надеяться вначале большого успеха в коллегиях. Тяжело было приниматься за новое дело: ежеминутно вопросы, как делать? И кто будет отвечать на эти вопросы? В Сенат Петр решительно не допускал иностранцев, но в коллегии допускал. Президент необходимо был русский, но вице-президент мог быть иностранец; также из иностранцев был один советник, или ассессор, один секретарь. Спросят, зачем это? Неопытность русских требовала указания, как вести дело; способ ведения дел был новый, как напр[имер], в берг- и мануфактур-коллегии. Петр велел отправить в Кенигсберг 30 или 40 человек молодых подьячих, но до их возвращения надобно было допустить иностранцев; по незнанию русского языка иностранцы должны были вести дела через переводчиков — неудобство страшное! Чтоб избавить от этого неудобства, Петр велел своему резиденту в Вене пригласить из австрийских коллегий в русскую службу чиновников славянского происхождения, чехов, моравов, которые могли бы скорее немцев выучиться русскому языку; велел пригласить в службу при коллегиях шведских пленников, выучившихся по-русски, а между тем при первой возможности старался отделаться от иностранцев при коллегиях: в 1722 году, сидя в Сенате, Петр велел президентам коллегий разобрать иноземцев коллежских чинов и указать тех, которые годны, а негодных отпустить. Легко понять, какое препятствие все эти учреждения встречали в недостатке способных людей при общем малолюдстве; в 1722 году генерал-прокурор жаловался, что еще 100 мест в управлении остаются незамещенными. Поручая герольдмейстеру готовить молодых дворян для гражданской службы, Петр, однако, внушал ему, чтоб он не слишком много пускал в гражданскую службу, иначе армия и флот истощатся; после этого внушения нельзя сказать, чтоб должность петровского герольдмейстера была легка. Высшие учреждения, коллегии еще как-нибудь наполнялись людьми; но в областном управлении преобразователь вследствие недостатка людей должен был отказаться от своих любимых планов относительно коллегияльной формы и отделения суда от управления¹¹²; его планы остались программой для будущего. Но Петр не хотел отказаться от другого воспитательного для народа средства, от выборов, которые он устроил повсюду в обширных размерах в гражданской и военной службе. Сверху выборы начинались с президентов коллегий, и сам Петр присутствовал при этих выборах, учил, как производить их правильно и беспристрастно: выбирал Сенат с участием генералитета, членов коллегий и 100 человек выборных из дворянства. В другие высшие чины Сенат избирал баллотировкой; в низшие назначал просто. Петр непременно хотел, чтоб выборы распространили жизнь, самостоятельное движение, общую деятельность и в областях. Как обыкновенно и везде бывает, право выбора явилось тяжелой обязанностью, от которой старались избавиться. Петр велел выбирать

дворянам сборщиков податей, или земских комиссаров; дворяне начали вместо себя посылать на выборы приказчиков. Петр запретил это, предписал помещикам, а в поморских (северных) городах и в других подобных местах, где дворян нет, обывателям съезжаться к Новому году для выбора земского комиссара. Если на прежнего комиссара будут просьбы, то помещики или обыватели судят его по вине, штрафуют и по экзекуции доносят губернаторам и воеводам. Преобразователь отстаивал свои воспитательные средства, несмотря на страшные препятствия. Нам еще предстает печальная обязанность рассказать о тех застарелых в русском общественном теле болезнях, которые вскрыл преобразователь и неумолимо и неутомимо преследовал. Борьба была тяжелой. «На душу Петру Алексеевичу,— рассказывают современники,— по временам находила такая черная туча, что он запирался и никого не допускал к себе». Но труды и страдания не пропали даром. Современники же Петра свидетельствуют, что они учились у него «благородному бесстрашию и правде»¹¹³. Значит, была хорошая школа, хороший учитель и хорошие ученики¹¹⁴.

ЧТЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ¹¹⁵

В конце прошедшей беседы нашей я упомянул о внутренней ожесточенной борьбе, которую должен был вести преобразователь и которая, по выражению современников, наводила на него черные тучи, борьба не с стрельцами, не с казаками, не с башкирцами, не с вооруженной силой, которая прямо поднималась, прямо заявляла свои требования и с которой легко было бороться в борьбе открытой: борьба гораздо более тяжкая, более изнурительная шла с людьми, которых Петр призвал для новой, сильной и славной деятельности, и которые по своим способностям откликнулись на призыв, принесли помощь преобразователю, но которые не поняли главного смысла призыва, значения той помощи, какой особенно требовал от них Петр. Они принесли свое мужество для борьбы со внешними врагами, способность к тяжелому труду, способность быстро приобрести знание, искусство в том или другом деле, нужном для России; но многие не принесли другого высшего, гражданского мужества, не принесли способности отказаться от частной корысти для общего дела, способности отвыкнуть от жизни врознь, способности отвыкнуть от взгляда на службу государственную как на кормление, на подчиненных как на людей, обязанных кормить, на казну как на общее достояние в том смысле, что всякий, добравшийся до нее, имеет право ею пользоваться. Преобразователь твердил о государстве, заставлял присягать ему: твердил, что надобно стараться о пользе общей, ибо от этого старания народ получит облегчение; эти слова для многих были только словами, словами языка чуждого, непонятного. Борьба

была тяжелая, тяжелее Северной войны; не мог преобразователь быть поощрен в ней Полтавой, не мог окончить ее Ништадтским миром. Борьба не кончилась; но мы должны почтить труды первого учителя, благоговейно отнестись к его скорби о тяжелой борьбе с укоренившимися противообщественными привычками. Призывая народ к тяжкому труду, к лишениям и жертвованиям, сберегая сам каждую копейку, Петр слышал общие глухие жалобы, что деньги, собираемые с народа, идут не на общее дело, а по частным карманам; что народу недостает одной из главных потребностей общественной жизни — суда правого и скорого. Загремели указы, что государю известно умножение великих неправд и грабительств государственной казны, отчего многие всяких чинов люди, особенно крестьяне, приходят в разорение и бедность. Указы грозили смертной казнью плутам, которые стараются только о том, как бы подводить эти мины под всякое доброе дело и несытость свою наполнять. В указах были выставлены средства, какими обыкновенно подводились эти мины, вследствие чего никто не мог отговариваться: прежде это делалось, позволялось, я не знал, что это не хорошо, запрещено теперь. Но все указы писать, если их не исполнять; тех, которые в их неисполнении находили выгоду, было очень много; общество не выработало нравственных средств для наблюдения за этими людьми и для их сдерживания; государство должно было взять это на себя, действовать своими средствами, единственно для него доступными при бессилии общества, при беспомощности государства с этой стороны. Учредив Сенат и поручая ему прежде всего суд иметь нелицемерный, преследовать судей неправедных и ябедников, Петр велел ему выбрать обер-фискала, человека умного и доброго, из какого бы чина ни было, который над всеми делами должен был тайно надсматривать и провеживать про неправый суд, про сбор казны и, узнавши про неправое дело, звать виновного пред Сенат, какого бы важного места преступник ни занимал. В ведении обер-фискала должны быть провинциальные фискалы и фискалы при каждой отрасли управления. И здесь, как везде, Петр поступал по своему правилу: у Сената все в руках, пусть же он выбирает обер-фискала, и выбор не стеснен, пусть выбирают из всех состояний, изо всего народа, лишь был бы человек умный и добрый; Сенат отвечал, если бы человек, получивший такую важную обязанность, оказался не умным и не добрым. Сенат не мог жаловаться, если обер-фискал обвинял самих сенаторов и обвинял, по их мнению, несправедливо: сами они его выбрали из целого народа как человека умного и доброго. Фискалы начинают действовать, подают в Сенат свои доношения; сенаторы встречают их бранью, обзывают антихристами и плутами; на их доношения не обращается никакого внимания. Тогда фискалы обращаются к царю, вскрывают злоупотребления самих сенаторов. Особенной деятельностью становится знаменит обер-фискал Нестеров. Издав-

на чрезвычайной разнузданностью отличались правители отдаленных областей, именно Сибири; теперь фискал начал дело, по которому вскрылись злоупотребления сибирского губернатора, князя Гагарина, и Гагарин был казнен. Вскрылись злоупотребления по всем окраинам, в Астрахани и в новозавоеванном Ревеле; вскрылись повсюду и внутри государственной области мины, подводимые под добрые дела. Тяжелые минуты переживал Петр, когда, возвращаясь из заграничных походов в Россию, вместо отдохновения, т. е. спокойного труда по внутренним делам в кругу людей близких, доверенных, любимых, должен был испытывать сильное раздражение, получая известия о противозаконных поступках этих самых людей. Тяжелые минуты переживал Петр, когда он узнавал о незаконных поступках самого близкого к себе человека, того, кого он возвысил и обогатил больше всех, кто, следовательно, не имел уже ни в чьих глазах ни малейшего оправдания в своей алчности к обогащению; когда он узнавал о противозаконных поступках знаменитого Данилыча, Меншикова.

Меншиков, по своим способностям, бесспорно занимал первое место между сотрудниками Петра; особенно был он дорог преобразователю своей энергией, своей находчивостью в затруднительных обстоятельствах, исполнительностью там, где другие колебались, тратили время в рассуждениях и перебранках или посылали за указом. Но сила развивается, не встречая препятствий, и известно, что может позволить себе человек, сильный в обществе, которое не выработало сдержек для всякой силы. Необыкновенное и быстрое возвышение, любовь и доверие царя разнуздали Меншикова: он не знал пределов своим честолюбивым помыслам и своим захватам. Общество не выработало сдержек для сильного человека; он мог найти эти сдержки только в царе, и отсюда печальные столкновения Петра с человеком, которого он называл дитятей своего сердца. Первое столкновение произошло в 1711 году вследствие жалоб на поведение Меншикова в Польше во время прохода его с войском через эту страну. Петр проезжал через Польшу, отправляясь в турецкий поход, печальный и больной, и тут-то к усилению печали и болезни узнал о злоупотреблениях своего любимца; он писал к Меншикову: «Зело прошу, чтоб вы такими малыми прибытками не потеряли своей славы и кредиту. Прошу вас не оскорбиться о том, ибо первая брань лучше последней; а мне будучи в таких печалях уже пришло до себя, и не буду жалеть никого». Светлейший князь позволил себе возразить, что не велика важность, если какая безделица и взята у поляков. Петр отвечал: «Что ваша милость пишете о сих грабежах, что безделица, и то не есть безделица, ибо интерес тем теряется в озлоблении жителей»¹¹⁶. Петр указал своему любимцу и на другой страшный вред: от привычки к грабежу исчезла дисциплина в русском войске и надобно было восстанавливать ее строгостями. Первая брань, к несчастью, не была последней. Она, как видно,

переменила уже взгляд Петра на Меншикова, царь был осторожнее, внимательнее относительно его: возвратясь из Прутского похода, во время которого Меншиков оставался в Петербурге в звании губернатора, Петр нашел злоупотребления и, отправляя потом Меншикова против шведов в Померанию, говорил ему: «Ты мне представляешь плутов честными людьми, а честных людей плутами. Говорю тебе последний раз: перемени поведение, если не хочешь большей беды. Теперь ты пойдешь в Померанию, не мечтай, что ты будешь там вести себя, как в Польше; ты мне ответишь головой при малейшей жалобе на тебя»¹¹⁷. Меншиков не ответил головой за Померанию; но злоупотребления его по внутреннему управлению вскрывались все более и более, и прежние дружеские отношения между ним и царем исчезли навсегда; прежний шуточный, свободный, товарищеский тон писем Данилыча сменился униженным тоном провинившегося подданного пред грозным государем. Меншиков должен был выплатить огромный начет.

Но делом Меншикова не ограничивались скорбные для Петра дела, выказывавшие такое неудовлетворительное состояние народной нравственности. Один из самых даровитых и видных сотрудников преобразователя, вице-канцлер и сенатор Шафиров был осужден на смерть, снят с плахи и сослан в ссылку за то, что в Сенате позволил себе неприличные поступки, брань с товарищами и обер-прокурором, нарушение указов, старание, чтоб брату его было выдано лишнее жалованье. По поводу этого дела Петр опять высказался в указе, что подобное поведение хуже измены, потому что ведет к уничтожению всякой дисциплины в подчиненных, к разорению людей, к падению государства. Определены были наказания за нарушение приличия в присутственных местах, за неучитивое обращение с челобитчиками. Знаменитый прибыльщик Курбатов обвинен был в злоупотреблениях и умер под судом; знаменитый фискал Нестеров, открывший столько чужих злоупотреблений, сам попался в злоупотреблениях и был казнен смертью. Не перечисляем дел, ведшихся по злоупотреблениям других, менее известных лиц, или дел по менее значительным злоупотреблениям очень известных лиц. Эту тяжелую борьбу Петра с страшной болезнью взяточничества и казнокрадства очень хорошо характеризует следующий анекдот: историк не поручится, чтоб действительно был такой разговор между означенными в анекдоте лицами, но анекдот все же остается важен как выражение сознания современников о величине зла. Петр, слушая в Сенате дела о казнокрадстве, сильно рассердился и сказал генерал-прокурору Ягужинскому: «Напиши указ, что если кто и настолько украдет, что можно купить веревку, то будет повешен». — «Государь, — отвечал Ягужинский, — неужели вы хотите остаться императором без служителей и подданных? Мы все ворует, с тем только различием, что один больше и приметнее, чем другой»¹¹⁸.

Ничто так не раздражает, не выводит из себя человека сильного, как сознание, что всякая сила бессильна против тупой силы закоренелого зла. Пример кровавой борьбы Петра со взяточничеством и казнокрадством, с неуважением к обязательной одинаково для всех силе закона показывает все затруднительное положение правительства, не встречающего пособия в обществе, когда правительство, самое сильное и благонамеренное, связано какою-нибудь неправильностью в общественном развитии, встречает около себя немой заговор, все по-видимому слушается, преклоняется, трепещет, а на деле делается свое: наставления, угрозы, наказания пропадают даром. Для силы нет ничего тягостнее, как сознание бессилия, что никакими средствами нельзя ничего сделать, надобно ждать, предоставить времени лечение болезни. Понятно, что на Петра находили черные тучи; но самая черная туча нашла на него по семейному делу, по делу царевича Алексея. Время, с которым мы имеем дело, есть время тяжкой борьбы, какая обыкновенно знаменует великие перевороты в жизни народов. Во время этих переворотов рушатся самые крепкие связи; борьба не ограничивается жизнью общественной, она проникает в заповедную внутренность домов, вносит вражду в семейства. Божественный основатель религии любви и мира объявил, что пришел не водворить мир на земле, но ввергнуть нож среди людей, внести разделение в семьи, поднять сына на отца и дочь на мать. То же явление представляет нам и гражданская история. Неудивительно, что страшный переворот, который испытывала Россия в первую четверть XVIII века, внес разделение и вражду в семью преобразователя и повел к печальной судьбе, постигшей сына его, царевича Алексея. Мы ежедневно встречаемся с явлением, что дети не бывают умственно и нравственно похожи на родителей. Сильные столкновения часто происходят от этого и в частных семьях; но подобные столкновения в семьях владельческих ведут иногда к кровавым последствиям. Св. Константин Великий казнил сына своего Криспа. В XVIII веке прусский король Фридрих-Вильгельм I едва не казнил сына, знаменитого впоследствии Фридриха II. В семьях владельческих несходство между отцом и сыном условливает несходство настоящего с будущим для многих людей, иногда для целого народа; особенно это несходство может быть обильно последствиями, грозить реакциями во времена сильных переворотов. Понятно, следовательно, почему в царствование Петра вопрос: сын и наследник преобразователя похож ли на отца? был вопросом первой важности. Переворот, движение, при котором родился и воспитался Петр, который не был начат, создан Петром, но к которому совершенно пришлась его огненная, не знающая покоя природа; переворот повредил его семейным отношениям в первом браке. Жена пришлась не по мужу; Петр испытал на себе ту невыгоду старого обычая, от которой хотел потом освободить своих подданных, назначив время

для ознакомления между женихом и невестой. В древней России следствием такого отсутствия предварительного ознакомления было заключение жен в монастыри; то же случилось и с царицей Евдокией. Петр женился на Екатерине Алексеевне Скавронской, которая совершенно приходилась по нем, которая могла не отставать от мужа, а муж не умел ходить, а только бегать. Но от первого брака остался сын и наследник, царевич Алексей. Россия волнуется бурями преобразования, все истомлено и ждут пристать к тому или другому берегу; для всех одинаково важен и страшен вопрос, сын похож ли на отца? Царевич был умен; об этом свидетельствует сам Петр, который писал ему: «Бог разума тебя не лишил». Царевич был охотник приобретать познания, если это не стоило большого труда; был охотник читать и пользоваться прочитанным, признавал необходимость преобразования. Но мы знаем, что в России и до Петра чувствовалась необходимость образования и преобразования: до Петра были люди, которые обратились за наукой к западным соседям, учили детей своих иностранным языкам, выписывая учителей из польских областей. Но это направление, обнаружившееся при царе Алексее, Феодоре и во время правления Софьи, явилось недостаточным для Петра: с учеными западнорусскими монахами, с учителями из польских шляхтичей, которые могли выучить по-латыни и по-польски и внушить интерес к спорам о хлебопоклонной ереси, с помощью одних этих людей, нельзя было сделать Россию одной из главных держав Европы, побороть шведа, добиться моря, создать войско и флот, вскрыть естественные богатства России, развить промышленность и торговлю. Для этого нужны были другие люди, другие средства; для этого нужна была не одна школьная и кабинетная работа, для этого нужна была страшная напряженная деятельность, незнание покоя, для этого сам Петр идет в плотники, шкиперы и солдаты; для этого призывает всех русских людей забыть на время выгоды, удобства, покой и дружными усилиями вытянуть родную страну на новую, необходимую дорогу. Многим этот призыв показался тяжким, и тяжким он показался не раскольникам каким-нибудь, ибо эти люди также из-за своих убеждений готовы были на лишения и подвиги, этот призыв показался тяжким людям образованным, которые были вовсе не прочь попользоваться европейской цивилизацией для выгоды и удобства житейских, но, чтоб эта цивилизация не так дорого стоила, пришла бы сама собой, без большого напряжения сил с их стороны. Представителем этих-то людей был царевич Алексей. Он был тяжел на подъем, неспособен к напряженной деятельности, к сильному труду, чем отличался отец его; он был ленив физически и потому домосед, любивший узнавать любопытные вещи из книги, из разговора только. Сын по природе своей жаждал покоя и ненавидел все то, что требовало движения, выхода из привычного положения и окружения. Отец, которому по природе его были более

всего противны домоседство и лежебокость, во имя настоящего и будущего России требовал от сына внимания к тем средствам, которые могли обеспечить России приобретенное ею могущество. Отец работал без усталы, видел уже, как зрели плоды им насажденного, но вместе чувствовал упадок физических сил и слышал зловещие голоса: «Умрет — и все погибнет с ним, Россия возвратится к прежнему варварству». Эти зловещие голоса не могли бы смутить его, если б он оставлял по себе наследника, могшего продолжать его дело. Понятно, что Петр не мог позволить себе странного требования, чтоб сын его и наследник обладал всеми теми личными средствами, какими обладал он сам; но он считал совершенно законным для себя требование, чтоб сын и наследник имел охоту к продолжению его дела, имел убеждение в необходимости продолжать его; недостаток сильных способностей восполнялся относительной легкостью дела, ибо начальная, самая трудная его часть уже была совершена; дело было легко и потому, что преемнику приходилось работать в кругу хороших работников, приготовленных отцом. Для успеха при таких условиях нужна была только охота, сочувствие к делу. «Не трудов, но охоты желаю», — писал Петр сыну. Петр при своей работе в сонме сотрудников недосчитывался одного — родного сына и наследника! При переключке русских людей, имевших право и обязанность непосредственно помогать преобразователю в его деле, царевич, наследник, один не откликался. Когда его звали на любимый отцовский праздник, на спуск корабля, Алексей говорил: «Лучше б мне на каторге быть или в лихорадке лежать, чем там быть». Отец требует от сына, чтоб тот переменял свою природу, — сын считает отца мучителем; только тогда и спокоен, когда находится вдали от отца, и вот в его сердце закрадывается страшная мысль, как было бы хорошо, если б навсегда освободиться от присутствия отца; как было бы хорошо, если б отец умер. Алексей кается в грешной мысли духовнику; духовник, имевший сильное влияние на духовного сына, отвечал: «Бог простит, мы и все того желаем». Итак, все того же желают, все ненавидят отца, все сочувствуют сыну, который становится представителем, любимцем народа¹¹⁹ именно потому, что не похож на отца. Зачем же после того меняться, исполнять отцовские требования? Сын считает своей обязанностью удалиться от дел отцовских; отец считает своей обязанностью спасти будущее России, пожертвовав сыном: «Я, — пишет к нему Петр, — за свое отечество и за людей жизни не жалел и не жалею, то как могу тебя негодного пожалеть?»¹²⁰ Петр потребовал решительно, чтобы царевич или переменял свое поведение, или отрекся от престола; но простого отречения было мало, ибо его можно было выставить невольным и разрешить всякие клятвы, потому царевич должен был постричься. Алексей бежит за границу, отдается под покровительство германского императора, призывает чуждого государя в судьи между собой и

отцом. Алексея возвращают и по его показаниям вскрывается обширное дело, в котором участвует и старица Елена (постриженная царица Евдокия) и сестра Петра, царевна Марья, много людей духовных и светских, начиная с высших; вскрывается целый арсенал суеверий; опять пытки, казни и опалы. Алексей умер. Тайна его смерти не открыта историей; но открыта тайна отцовских страданий: «Страдаю,—говорил Петр,—а все за отечество, желая ему пользы; враги делают мне пакости демонские; труден разбор невинности моей тому, кому это дело неизвестно. Бог видит правду».

Все эти черные тучи, и преимущественно дело сына, расстраивали здоровье Петра, сокращали его жизнь. Но были и утешения, были успехи даже и в той тяжелой и, по-видимому, бесплодной борьбе с закоренелым злом, со взяточничеством и казнокрадством. Внушения действовали; дела, на которые прежде смотрели так легко, считали обыкновенными и позволенными, явились преступлениями. Человек, лежа на смертном одре, терзается совестью, боится предстать пред суд божий и посылает царю просьбу простить его за злоупотребления, которые он себе позволил при рекрутском наборе. В такой просьбе Петр именно мог видеть результат своих внушений, своего учения. Не могли не радовать Петра и успехи относительно материального благосостояния. Несмотря на все препятствия, неопытность в ведении дела и расход денег по частным карманам, государственные доходы увеличивались. Для устранения злоупотреблений при переписи дворов введена была подушная подать, шедшая на содержание постоянного войска. Крестьяне дворцовые, монастырские и помещичьи платили по 74 коп. с души, государственные 1,14 коп. и освобождались от всех прежних денежных и хлебных податей и подвод; купцы и цеховые платили по 1,20 коп. По расчету, сделанному в 1710 году, доходы простирались до 3 134 000 рублей; но в 1725 году их было 10 186 707 рублей. Заведена была ревизия; по первой ревизии 1722 года податного состояния оказалось 5 969 313 человек, в том числе 172 385 купечества; городов в империи было 340. В конце царствования число регулярного войска простиралось до 210 000, в том числе в гвардии 2616 человек. Флот состоял из 48 линейных кораблей и 787 галер и других судов. Несмотря на огромные издержки по делам внутреннего преобразования, на долговременную тяжелую войну, на новые дипломатические издержки, государство пробавилось своими доходами и не сделало ни копейки долгу. Усиление торговли и промышленности должно было главным образом увеличить народное благосостояние и доходы государственные. Мы видели, что первым делом Петра было уничтожить жалобы торговых и промышленных людей на притеснения, давши им особое управление, основанное на коллегиальном и выборном начале, и мы видели, как с самого начала дело пошло дурно по неразвитости общества, по непри-

вычке к общему действию, так что Петр должен был поручить Курбатову надзор над московскою ратушей и уничтожение злоупотреблений по ее управлению. После того как Курбатов был переведен вице-губернатором в Архангельск, Петр продолжал получать известия о беспорядках нового управления, известия, что купечество в Москве и городах само себе повредило и повреждает: богатые на бедных налагают несносные поборы, больше чем на себя, а иные себя и совершенно обходят; стремление избежать от платежа податей продолжалось: жили в защите и в закладе у разных людей будто бы за долги, а сами торговали, имели заводы; люди, имевшие достаточное состояние, помещались в богадельнях, выставляя бедность и болезни. В это время страшного труда для тех, которые откликнулись на призыв царя, в работе пребывающего, лень других доходила до такой степени, что некоторые горожане, жившие своими домами, собирали милостыню; а иные, сковавшись, ходили будто тюремные сидельцы, чтоб собрать больше милостыни. «Чтоб собрать эту рассеянную храмину» купечества, по выражению Петра, он учредил в Петербурге Главный магистрат, имевший коллегиальное устройство и состоявший из членов петербургского городского магистрата; президентом царь назначил князя Трубецкого, вице-президентом — московского купца Исаева, переведши его из Риги, где он был инспектором тамошнего магистрата, ибо Петру нужен был в Риге свой русский человек. Главный магистрат должен был прежде всего устроить городские магистраты; он утверждал их членов, избранных горожанами, утверждал смертные приговоры, произносимые городскими магистратами; к нему переносились и гражданские дела недовольными их решением в городских магистратах. Горожане разделены на три части, из которых две первых носят название гильдий; гильдии выбирают старшин, которые во всех гражданских советах должны помогать магистру; магистраты стараются размножать мануфактуры и мастерства, ленивых и гуляк понуждают к работе, заводят первоначальные школы, старых и дряхлых пристраивают в богадельни, блюдут за опекою сирот, за безопасностью городов от пожара, защищают граждан от обид посторонних людей. Магистраты исполняли эту обязанность, подавали списки обидам в Главный магистрат, тот препровождал их в Сенат. Из этих списков мы видим, что обиды были сильные и частые, иногда вопиющие. Несмотря на это, торговля усиливалась благодаря особенно приобретению морских берегов; в 1724 году к Петербургу уже пришло 240 иностранных кораблей; русские корабли являлись в иностранные порты; первыми русскими кораблехозяевами были Божениновы и Барсуков.

Торговлю сильно затрудняло плохое состояние путей сообщения в бедной стране с редко разбросанным на огромных пространствах народонаселением: осенью 1722 года голландский резидент ехал из Москвы в Петербург около пяти недель вследствие грязи

и поломанных мостов. В древней России реки служили естественными и самыми удобными путями; новая Россия, взявшая у Западной Европы искусство и знание, должна была немедленно употребить это искусство и знание на соединение рек каналами. Смотри постоянно на Россию как на посредницу в торговом отношении между Европой и Азией, Петр уже давно задумал соединить Каспийское море с Балтийским, Астрахань с Петербургом, в 1706 году соединена была река Цна каналом с Тверцою; кроме того, Петр сильно хлопотал о Ладожском канале, необходимом для петербургской торговли: «Нужда челобитчик неотступный,— писал он в Сенат в 1718 году,— а Ладожский канал последняя главная нужда сего места (т. е. Петербурга)»¹²¹. Работы шли успешно благодаря знаменитому Миниху, принятому в русскую службу; Петр уже мечтал, как поедет водой из Петербурга безостановочно до самой Москвы и сойдет здесь на берег Яузы, в Головинском саду. Мы упоминали, что Петр еще в начале преобразовательной деятельности, видя недостаток капиталов у русских людей, велел им соединять свои капиталы, торговать компаниями; в Голландии сильно обеспокоились этой мерой, понимая все ее значение для развития русской торговли; но голландский резидент утешил своих соотечественников, написавши им, что указ останется в бумаге, ибо у русских нет никакой привычки к таким общим действиям.

Те же препятствия, какие существовали для торговли,— недостаток капиталов, непривычка к их соединению, вред, который, по беспристрастному свидетельству Посошкова, само купечество себе наносило неуменем воспользоваться правами, полученными от Петра; вред, наносимый старинными отношениями между вооруженным сословием к невосруженному, причем первое считало себя вправе смотреть на членов последнего как на своих естественных работников и холопов*; взяточничество, казнокрадство, плохое состояние путей сообщения и небезопасность их от разбойников — все эти препятствия, существовавшие для торговли, существовали в одинаковой степени и для мануфактурной промышленности. Несмотря на то, дело было начато, ведено неумоимо и в конце царствования Петра число фабрик и заводов в России простиралось до 233¹²². Неуменее техническое и неуменее соединять свои капиталы, разумеется, полагали главное препятствие в самом начале, почему Петр должен был начать дело, учреждать казенные фабрики и заводы. Но при этом с самого же начала он стал хлопотать о том, как бы поскорее передать эти фабрики и заводы в частные руки, с двойной целью: освободить казну от издержек и побудить русских людей к мануфактурной деятельности, причем давались начинателям производства значительные денежные ссуды, льготы и работники через приписку населенных

* В оригинале: холопей.

имений к фабрике или заводу. Вследствие этой-то передачи казенных заводов в частные руки при Петре некоторые, как напр[имер] Демидовы, приобрели огромное состояние. Мы уже упоминали о начале горнозаводской промышленности при Петре, о заслугах Виниуса; к этому имени надобно присоединить еще два имени: Геннина и Татищева. Металлические заводы явились не в одной приуральской стране, но во многих других местностях благодаря стараниям Петра, «чтоб божие благословение под землю втуне не оставалось»¹²³. Первая мысль о значении каменного угля для России принадлежит также Петру; но при видах на будущее топливо Петр распорядился о сохранении старого: ему принадлежат меры для сбережения старых лесов и для разведения новых. Вообще преобразователь обратил внимание на охранение и усиление промыслов, уже существовавших в России и произведения которых составляли предмет заграничного отпуска: так, он распорядился усилением льняного и пенькового промысла «для всенародной пользы и прибыли крестьянам». Сюда относятся его хлопоты об улучшении кожевенного производства; кожевенные промышленники по несколько человек от каждого города должны были ехать в Москву на два года учиться лучшей выделке кож; в отдаленные губернии отправлены были иностранные мастера для этого обучения. В 1712 [году] велено было сенату завести конские заводы в Казанской, Азовской и Киевской губерниях. При учреждении постоянного войска Петра тяготила необходимость выписывать из-за границы сукно для обмундирования, и потому он завел суконные фабрики, для чего обратил внимание на улучшение овцеводства. В 1705 году Петр писал: «Сукны делают и умножается сие дело zelo изрядно, и плод дает бог изрядный, из которых и я сделал себе кафтан к празднику»¹²⁴. В 1716 году послано было за границу нанять овчаров и суконников. Разосланы были по областям правила, как содержать овец по шленскому обычаю, и Петр для понуждения следовать этим правилам указывал, что помещики, которые следуют правилам, продают шерсть по два рубля по 2 гривны и дороже, а те, которые содержат овец по старому обычаю, продают только по полтине и по 20 алтын пуд. Заведение флота требовало заведения парусных фабрик, и они были заведены в Москве в 1702 году. Москва вообще стала центром мануфактурной деятельности; здесь в конце царствования замечательна была полотняная фабрика Тамеса и компании; все работники были русские, были русские мастера, и Тамес надеялся, что они скоро заменят ему иностранцев; на фабрике было 150 станков и приготавливались все сорта полотна — от грубого до самого тонкого — прекрасные, по свидетельству иностранцев, скатерти и салфетки, тик, канифасы, цветные носовые платки. До Петра все потреблявшееся в России количество писчей бумаги привозилось из-за границы; Петр завел свои фабрики, и в 1723 году во всех коллегиях и канцеляриях уже употреблялась

бумага русского дела. Мануфактурное дело принялось, и в числе имен главных фабрикантов и заводчиков петровского времени мы встречаем почти все русские имена.

Вводились новые отрасли деятельности, а Россия страдала старым недостатком, отстранение которого не было в средствах преобразователя,—недостатком рабочих рук, да еще привычками, сильными одинаково вверху и внизу и заставлявшими одних предпочитать труду легкое наживание денег грабежом казны, а других сковываться и ходить в виде колодников, лишь бы только не работать,—привычками, которые для своего оправдания вводили в народ гнусную, развращающую поговорку: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». Недостаток в рабочих руках, экономическая неразвитость заставили древнюю Россию прикрепить крестьян к земле. Переворот, известный под именем петровых преобразований, был именно тот переворот, которого необходимым следствием должно было быть освобождение села чрез поднятие города. Экономическое развитие, просвещение и жизнь в среде цивилизованных народов—вот средства, которые были даны преобразователем для постепенного уврачевания старых зол Русской земли, а в том числе и зла крепостного состояния, постепенного уврачевания¹²⁵, и потому бессмысленно было бы требовать чтоб то, что должно было быть только отдаленным следствием известной деятельности, появилось в самом начале этой деятельности. Видевшим конец дела предстоит обязанность почтить память начавшего, положившего основание. Всякий, кто внимательно взглянет в состояние России при Петре, посмеется более чем детской мысли, что Петр мог освободить крестьян; но Петр не мог равнодушно смотреть на злоупотребления, которые отягчали земледельческий труд. Средств к облегчению участи крестьян Петр искал и в улучшении экономического быта землевладельцев, в отнятии у них побуждений к угнетению крестьян. Так, учреждая майорат, он объяснил цель учреждения: «Разделением недвижимых имений наносится большой вред интересам государственным и падение самим фамилиям: если кто имел 1000 дворов и пять сыновей, то жил в изобилии; когда же по смерти его дети разделились, то им досталось только по 200 дворов; но так как они не желают жить хуже прежнего, то с бедных крестьян будет пять столов, а не один: таким образом, от этого разделения казне государственной вред, а крестьянам разорение»¹²⁶. В 1719 году был издан указ смотреть, чтоб помещики не разоряли крестьян своих; разорителей отрешать от управления имениями, которые отдаются в управление родственникам. Петр не любил, чтоб указы оставались только на бумаге; в 1721 г. один помещик был сослан на 10 лет на каторгу за то, что прибил человека своего и тот от побоев умер. В 1721 году указ, запрещавший розничную продажу крестьян и дворовых, детей от родителей; такой продажи, говорит указ, во всем свете не водится,

и этими словами указывает уже на могущественное средство общественных улучшений: народ, живущий общей жизнью с другими образованными народами, не может допускать у себя таких явлений, которые эти народы признают не нравственными. Слабоумных помещиков, негодных ни в науку, ни в службу, могущих только мучить своих крестьян, велено по освидетельствовании в Сенате отстранять от управления имениями и не позволять им жениться. Запрещено прикрепление половников на севере. По свидетельству крестьянина Посошкова, крестьяне больше всего терпели от пожаров вследствие тесноты жилищ и от разбойников вследствие неразвитости общественной жизни, непривычки к общему делу—доказательство, что нигде, ни наверху ни внизу, от древней России не осталось признаков силы того, что некоторым угодно называть общинным бытом: в иной деревне, говорит Посошков, много дворов, разбойников придет немного к крестьянину, станут его мучить, жечь, пожитки его на возы класть, соседи все слышат и видят, но из дворов своих не выйдут и соседа от разбойников не выручат.

По мнению Посошкова, вредно для крестьян было еще то, что у них грамотных людей не было; по его мнению, не худо бы было крестьян и поневоле, чтоб детей своих учили грамоте. Но Сенат принужден был отказаться неволе к этому и горожан, потому что дети их в эти годы начинают заниматься торговлей и от приневоливания к учению может быть ущерб податям. Много было воплей и укрывательств и со стороны дворян; но Петр настоял на обязательности образования для них: дворянин неграмотный и не изучивший арифметику и геометрию объявлен был несовершеннолетним и потому не имел права жениться. Ученики, кончившие курс в московских школах, посылались учителями в области. Отсылка молодых людей за границу для науки продолжалась безостановочно. Специальные школы продолжали возникать вследствие сознания той или другой потребности. В начале 1724 года издан был указ об основании Академии. По плану Петра, это учреждение должно было соответствовать тогдашнему состоянию образования в России, должно было заключать в себе Академию наук и университет, педагогический институт и гимназию. Та же Академия должна была заниматься и переводом книг. Мы уже видели, как это дело было важно и как оно занимало Петра; до самой кончины своей он продолжает обращать на него свое внимание, указывать на книги, которые должно было переводить, и учить, как переводить. Мы видели, как он учил не переводить слово в слово, что искажало склад русской речи и затемняло смысл, но, уразумевши этот смысл, передавать его читателю на понятном для него разговорном языке. Теперь он учит переводчиков не переводить книги во всей полноте, но переделывать, сокращать, отбрасывая ненужное: «Понеже,— писал Петр,— немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои напол-

нять только для того, чтоб велики казались, чего ради и о хлебопашестве трактат выправить, вычерня негодное и для примеру посылаю, дабы по сему книги переложены были без лишних рассказов, которые время только тратят и у чужих охоту отъемлют»¹²⁷. Но познаний о России нельзя было взять из иностранных книг и перевести. Мы видели, что Петр поручил Поликарпову написать краткую русскую историю; но дело было крайне трудное при отсутствии всякого приготовления к нему; понятно, что Петр остался недоволен трудом Поликарпова и решился начать сначала, т. е. готовить материалы: он приказал из всех епархий и монастырей взять в Москву все рукописи, заключающие в себе исторические источники, списать их, а подлинники отослать в прежние места, откуда взяты. Точно так же нельзя было заимствовать у иностранцев и сведений о русской географии: Петр отправил учеников петербургских школ для сочинения ландкарт и два раза отправлял экспедиции для решения вопроса, сошлась ли Америка с Азией. Петр же начал собирание естественных предметов, редкостей и древностей.

Враг всякой роскоши, обращая внимание только на одно полезное и необходимое, Петр не считал роскошью искусство, не жалел издержек на покупку произведений искусства и на вызов иностранных художников. В Петербурге «для общенародной во всяких искусствах пользы, по обычаю государств европейских, учреждена была небольшая академия для правильного обучения иконному, живописному и прочим искусствам»¹²⁸.

Академия наук, на обязанности которой, между прочим, лежал и перевод необходимых книг, была еще только в проекте, и Петр за переводом необходимых книг обращался к духовенству. Мы видели меры Петра относительно черного духовенства; с 1711 года начинаются заботы относительно белого. Здесь, кроме поднятия нравственности, нужно было позаботиться и о материальном благосостоянии людей, обязанных иметь семейство. Тогда как Россия страдала сильным недостатком в людях, в белом духовенстве было больше людей, чем дела: вознаграждение за дело поэтому делалось между слишком многими, отчего происходила бедность со всеми ее печальными последствиями для человека, обязанного кормить семейство. Это излишество людей в белом духовенстве поддерживалось также господствовавшим в древней России стремлением жить особняком. Каждый, сколько-нибудь достаточный человек, хотел иметь свою церковь, и это желание нельзя объяснять одним благочестием, потому что был обычай и в общине приходские церкви приносить свои образа и перед ними только молиться. Желание каждого, сколько-нибудь достаточного человека, иметь свою церковь объяснялось еще затворничеством женщин, которым было неловко ходить в общине церкви, и потому, не имея домашних церквей, они ходили в церковь редко или и вовсе не ходили. Обилие частных церквей обедняло приходское духовенство.

во; притом не все, имевшие свои церкви, были в состоянии прилично содержать при них священника и прибегали к найму священников на площадях (крестцах), что представляло соблазнительное зрелище. Новоучрежденный Сенат в соединении с церковным собором придумали меры для поднятия нравственного и материального благосостояния белого духовенства: не ставить в дьяконы моложе 25-ти лет, в священники — моложе 30 лет; не посвящать лишних; не верить тем, которые придут проситься на место под предлогом, что священник, его занимающий, болен или стар; в бедные приходы дьяконов не посвящать; заручные челобитные осторожно рассматривать, не ложные ли; поповские старосты должны были допрашивать крестьян, хотят ли они иметь просителя своим священником или дьяконом. В 1718 году было постановлено, чтоб священники своих домов не имели, ибо отягощались их покупкой, жили бы в домах, купленных на сборные церковные деньги, для чего быть у всякой церкви старостам, которые сдают дома священникам и вновь строят на церковные деньги. После эта мера была распространена на дьяконов и причетников. Запретили строить новые церкви без указа; запрещено иметь домовые церкви, а кто хочет иметь, должен содержать священника и, кроме того, должен давать равное содержание и приходскому духовенству. Последние меры были положены уже при новом церковном управлении: в 1721 году Петр объявил, что, восприяв попечение о исправлении чина духовного, не видит лучшего к тому способа кроме соборного правительства, вследствие чего и учреждалась духовная коллегия (Синод), вместе с тем заведование церковных имений взято было из светских рук в монастырском приказе и отдано Синоду. Сенат и Синод нередко собирались вместе для совещаний; иногда при этих общих заседаниях присутствовал и государь. В одном из этих заседаний было постановлено: родителей жениха и невесты приводить к присяге, что брак заключается по согласию их детей. Тут же поставлен был вопрос о мерах, какие должно было принять против притеснения православных в польских областях, и Петр отвечал, что надобно сделать уже известное нам распоряжение, послать комиссара. Главными обязанностями новоучрежденного Синода были: устройство духовенства, преимущественно черного, противодействие расколу, преследование суеверий и распространение религиозно-нравственного просвещения в народе. После долгих дум относительно монашества Петр определил для него две цели: 1) служение страждущему человечеству; 2) образование из себя просвещенных властей церковных; мужские монастыри становятся инвалидными домами; монахини также должны служить престарелым и больным своего пола, кроме того, заниматься воспитанием сирот, для какой цели отделяется несколько монастырей, в других монахини занимаются рукоделием, а монахи — хлебопашеством.

Нечто подобное ходу преобразований в высшем церковном управлении мы видим в ходе преобразований относительно Малороссии. Эта страна, с переворота, произведенного в ней Богданом Хмельницким, находилась в долгом межеумочном, переходном состоянии, усложнявшемся, как обыкновенно бывает, сильными смуты. Не могли быть самостоятельной, она хотела поддержать свою полусамостоятельность; но эти полусостояния, ни то ни се, приводят всегда к печальным явлениям. Малороссия представляла хаос, борьбу элементов (*discordia semina gerum*): гетман, ставши из войсковых, казацких начальников правителем целой страны, стремился к усилению своей власти; старшина и полковники хотели быть также полновластными господами, жаловать и казнить, кого хотят; стремились стать богатыми землевладельцами и земли свои населить крепостными крестьянами, в которых обращали вольных казаков; последние волновались, особенно подушаемые из Запорожья; города жаловались на притеснения полковников. Все были недовольны, все слали жалобы, доносили друг на друга в Москву; а когда государь, вняв этим жалобам, предпринимал какие-нибудь меры, то поднимались опять вопли, зачем Москва вмешивается. Особенно вопли усиливались, когда Москва поднимала вопрос о финансах малороссийских, ибо все сильные люди в Малороссии хотели доходы страны брать себе, не давая ничего государству, которое таким образом получало только обязанность тратиться людьми и деньгами на защиту Малороссии. Все были недовольны и действительно имели причины на то, но не умели сознать, что эти причины были внутри, во внутреннем хаосе, в кулачном праве; искали улучшения во внешних условиях; поддавшись русскому государю, бросались то к полякам, то к туркам; это колебание, *шатость*, межеумочность вредно действовали на характер народонаселения, особенно высших слоев. После Богдана Хмельницкого не было гетмана, который бы не изменил или не был обвинен в измене своими же — интригам, доносам не было конца. Гетман Мазепа, облеченный полной доверенностью Петра, изменил ему в самую решительную, тяжкую минуту. Сносить далее такое положение дел было невозможно для государства, потому что смута продолжалась, злоупотребления знатных относительно массы народонаселения становились все сильнее, а Петр знал, что эта масса не изменила ему при измене Мазепы, и потому считал своей обязанностью поддерживать, защищать эту массу от насилий старшины, привыкшей к шатости. По смерти гетмана Скоропадского Петр остановил выборы нового гетмана, объявил, что не знает надежного человека, и ввел свое любимое коллегиальное управление; члены коллегии наполовину были малороссияне и наполовину великороссияне.

И после Ништадтского мира Петр не мог посвятить всего своего времени внутренним преобразованиям. Деятельность Петра была чужда односторонности. Ведя упорную борьбу на Западе,

изучая Запад для внутренних преобразований, Петр не спускал глаз с Востока, понимая ясно близкие отношения его к России, понимая те средства, которые должен доставить России Восток в ее новой жизни, при том экономическом перевороте, который он совершал. Еще до окончания Северной войны он получил неприятное известие, что чрезвычайно важное для русской торговли и по турецким отношениям азиатское государство Персия разлагается от внутренней слабости, и хищные соседи уже делят добычу. Немедленно после Ништадтского мира Петр предпринимает поход к Каспийскому морю, чтоб предупредить турок и не дать им утвердиться на западном берегу этого моря, связь которого с Балтийским морем Петр ясно понимал. Поход Петра и дальнейшие действия русских отрядов достигли цели: договором с Персией, заключенным в Петербурге в 1723 году, Россия получила западный берег Каспийского моря. Это был последний подвиг.

Мы видели, в каком настроении духа сотрудники Петра после Ништадтского мира поднесли ему титул императора, Великого и Отца Отечества; они считали себя людьми новыми, воззванными от небития к бытию, причтенными в сонм образованных народов и причтенными с честью и славой. Понятно, в каком настроении духа через три года с чем-нибудь они увидали Петра в гробе и услышали знаменитые слова Феофана Прокоповича: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне! Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!» Проповедь была краткая, но продолжалась около часа, потому что прерывалась плачем и воплем слушателей, особенно после первых слов. В утешение оратор решился сказать: «Не весьма же, россияне! Изнемогаем от печали и жалости: не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих; безмерное богатство силы и славы его, которое его делами означилось, при нас есть. Оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам»¹²⁹.

Да исполнится пророчество; да не оставит нас дух Петра. Результаты деятельности великих людей, богатство силы и славы утрачиваются, когда в народе перестает жить дух этих великих людей. Учреждения Петра могли и должны были измениться, но перемена могла произойти к добру только при условии присутствия его духа. То нетленное наследство, которое оставил он нам, есть пример небывалого в истории труда, силы воли в борьбе с препятствиями, в борьбе со злом; пример любви к своему народу, пример непоколебимой веры в свой народ, в его способности, в его значение; пример преодоления искушений сделать что-нибудь скорее и успешнее с чужой помощью, без труда приготовления к делу своих; пример искусства словом и делом. книгами, законами и учреждениями, духом этих учреждений воспитывать народ свой, поднимать его на ноги; пример заимствования чужого в благо и

в плод своему, ибо заимствование чужого было чуждо принижения народного духа пред чужим; пример верного взгляда, верного чувства, по которому Петр указал нам естественных союзников в народах соплеменных; пример страсти к знанию и преданности вере, что обещает народам долголетие, как написано на скрижалях истории.

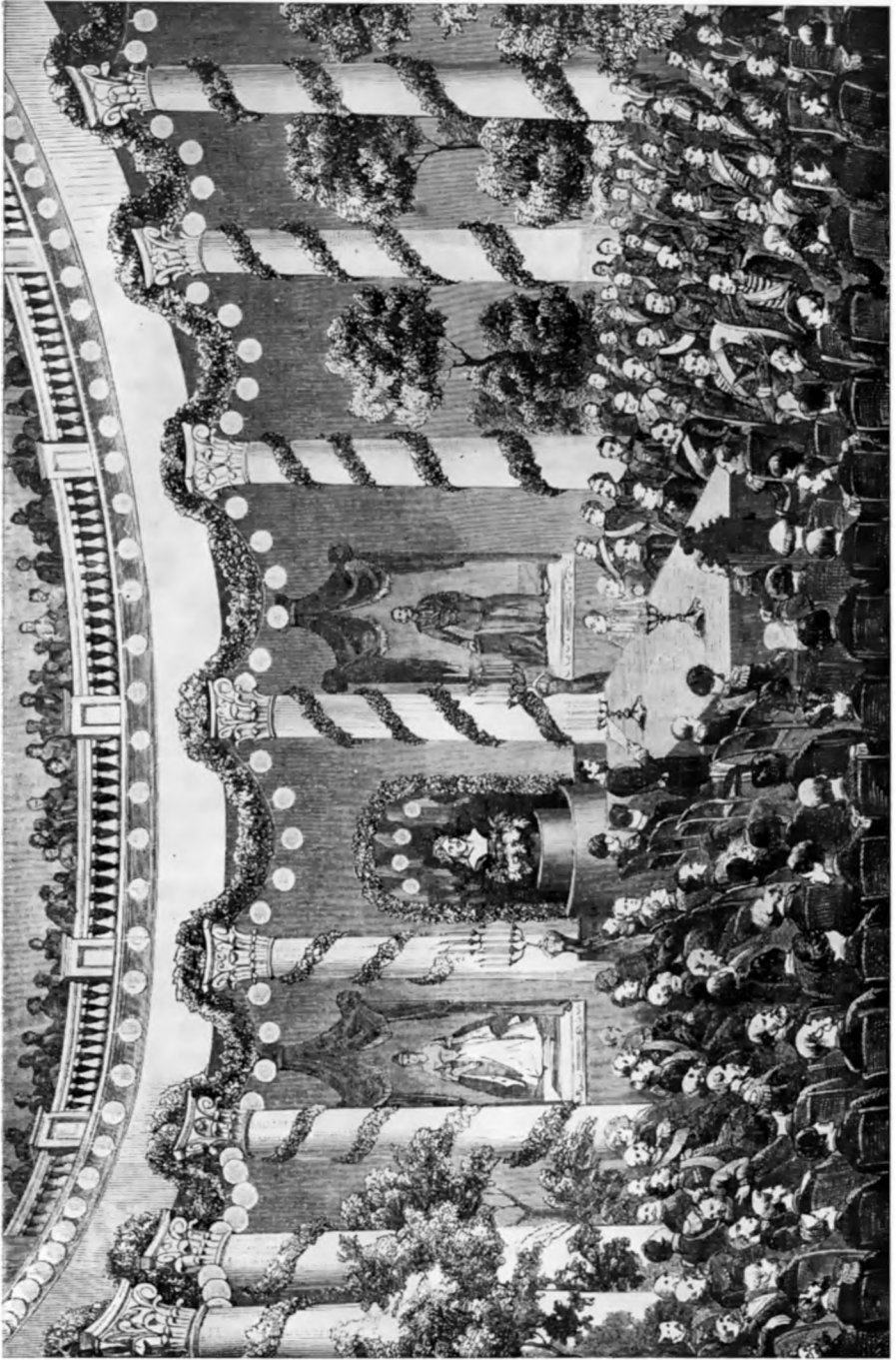
Отпразднуем наш праздник достойным образом, сознанием и укреплением в себе духа Петрова. Да не будет наш праздник чем-то внешним, формальным; да не навлечем на себя евангельского обличения, обращенного к людям, которые строили гробы пророческие и красили раки праведных. Да не будет праздник наш только воспоминанием прошедшего; вспомнив, будем исполнять завещание Петра: «И впредь надлежит трудиться и все заранее изготавливать, понеже пропущение времени смерти невозвратной подобно». Правило век живи — век учишь справедливо не в отношении только к одному человеку, но и в отношении к целым народам. Да проходит же народ наш школу жизни, как Петр Великий проходил свою многотрудную школу, и народ наш долголетен будет на земле ¹³⁰.

РЕЧЬ С. М. СОЛОВЬЕВА,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ
ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
30 МАЯ 1872 ГОДА

Мы видели Политехническую выставку; мы видели разнообразные результаты человеческого труда, человеческого творчества, видели средства, которыми человек исполняет божие повеление, средства, которыми он обладает землею. Посреди зданий, наполненных произведениями человеческого труда, искусства, знания, мы видели здание, наполненное памятью о труде одного человека. С мыслию о труде ученом, промышленном, о труде, клонящемся к поднятию общественного благосостояния, для русского человека необходимо соединяется мысль об одном человеке: этот человек — Петр Великий. Если бы мы были язычники, то Петр стал бы для нас божеством — покровителем труда. Мы — христиане, мы не можем делать из человека божество, мы видим и в великих людях существа слабые, несовершенные: но чрез это мы не освобождаемся от обязанности чтить в них орудия промысла, изучать их деятельность для уяснения себе путей нашей исторической жизни, изучением прошедшего уяснять себе наше настоящее, уяснять себе более имеет значения в истории, чем непосредственное, ближе относится к труду целого народа, известной семьи народов, целого человечества: какое же отношение имеет труд Петра к труду русского народа, какое значение имеет он в истории человечества?

С деятельностью Петра мы привыкли соединять понятие о преобразовании; одни современники говорили, что мы благодаря деятельности Петра стали народом новым, что мы были вызваны ею из небытия в бытие; другие современники враждебно относились к этой деятельности за ее новизну, отрицая всякую перемену как греховную: «Предано отцами — лежи во веки веков неподвижно»¹³¹, не хотим ничего нового, чужого, греховного! Тут дело решалось исключительно на основании чувства. С самого же начала были, однако, люди, которые неблагосклонно отзывались о деятельности Петра, но выставляли другие основания своих пререканий: то были иностранцы образованные, умственно развитые; они в своих пререканиях побуждались также чувством, чувством вражды к России, но старались прикрыть чувство соображениями ума: деятельность Петра объявили они бесплодною для его народа, потому что народ не был к ней приготовлен, ей не сочувствует, новые формы жизни наданы * насильственно, по произволу одного человека, и дело насилия погибнет с человеком силы. Петр умер, а дело осталось: власть из рук сильных переходила в руки слабые, а дело шло вперед. Досадно; но все же нечего отчаиваться: случайные обстоятельства благоприятствовали тому, что дело еще остается; стоит только отстранить эти случайные обстоятельства, и дело рухнет, народ русский отшатнется от Европы, уй-

* Так в оригинале.

дет к Азии и погрузится в прежнее варварство. Случайные обстоятельства отстранились, но дело все осталось. Тогда западные мудрецы уже перестали толковать о случайных обстоятельствах, взглянули на дело глубже, не покидая, однако, своей точки зрения. Дело остается, но какое это дело, какая это цивилизация, которую дал России Петр? Это цивилизация гнилая, поверхностная, она вредит только народу, к ней неспособному, растлеивает его; новая Россия, созданная Петром, — это плод, одна половина которого представляет красивый, свежий вид, а другая уже гниет. А в каком отношении к Западной Европе, к европейской цивилизации находится дело Петра, по мнению западных мудрецов? Тоже страшно вредно для них. Петр посредством цивилизации создал из варварского народа, оставшегося внутренне варварским, грозную, разрушительную силу для Европы и ее цивилизации. Выдуманно было даже и завещание Петра в этом смысле. Но нам от Петра осталась другое, невыдуманное завещание: он завещал нам науку и труд; он завещал нам тяжелый и долгий труд изучить свой народ в его истории, познать в ней самих себя. Западные мудрецы толковали вкось и вкривь о Петре, об отношениях его деятельности к русскому народу, не зная истории этого народа; оставим им и оставим их, не ведали бо, что творили.

Каковы бы ни были толки о деятельности Петра, эта деятельность резко делит нашу историю на две половины. В жизни всех народов развивающихся, исторических мы встречаем перевороты, сильные движения, производящие большие или меньшие изменения в этой жизни; но нигде не встречаем мы, чтобы при подобных переворотах на долю одного человека выпадал такой труд, такая громадная и всесторонняя деятельность, какая в самую важную эпоху нашей исторической жизни принадлежит Петру; это, однако, не должно вводить нас в заблуждение, что такая сильная деятельность одного человека могла идти в разлад с народной жизнью, с ее потребностями. Наука запрещает нам так презрительно относиться к народам, давать в их истории такое место произволу одного человека. Наука велит нам смотреть на каждое явление в народной жизни как на необходимое следствие всего предшествовавшего развития, велит нам смотреть таким образом и на деятельность людей, которых мы называем великими; они — дети своего народа, они — плоть от плоти его и кость от костей его, их деятельность служит удовлетворением известной потребности народа, причем они пользуются содействием, сотрудничеством лучших сил народа. Великий человек не может делать ничего против народа, против его прошедшего, не может сделать ничего не по мере сил и потребностей народных; если увлечется как человек, сделает иначе, погибнет дело его; если перейдет меру сил народ-

ных — дело в это время не устоит, или отстранится, или подвергнется ограничениям, но если оно согласно с дальнейшим развитием народа и с его пользой, то служит примером для будущего, и неисполненные предначертания великого человека служат программой для потомства. Великий человек не может ничего сделать без своего народа; он дает труд, а народ дает капитал, накопленный вековым развитием средств, и из этого соединения труда с капиталом¹³² идет усиленное производство исторической жизни. Деятельность великого человека немыслима без деятельности народа, без всего прошлого этой деятельности; народ в великом человеке находит своего полного представителя; только великие народы могут иметь великих людей; народы любят ставить памятники своим великим людям; но дело великого человека есть памятник, воздвигнутый им своему народу, вечный, нерукотворный памятник в истории человечества.

Таким образом, когда мы хотим говорить о деятельности великого человека, мы прежде всего ставим вопросы: в какое время народной жизни явился великий человек? В чем в это время нуждался народ? Чего искал, для какого движения, по какому новому пути ждал себе вожда? И в какой степени, и какими средствами человек, ставший этим вождем, удовлетворил народным потребностям?

На границе между XVII и XVIII веками нашей эры русский народ совершал переход, неизбежный в истории каждого исторического развивающегося народа, переход из возраста, где преобладает чувство, в возраст, где преобладает мысль, тот переход, который в жизни отдельного человека в обществе образованном знаменует усиленным умственным образованием и вступлением в общественную жизнь, в общественное служение. Пути для этого перехода для всех народов одинаковые, общие: сильное движение, отдаленные предприятия, расширяющие умственный горизонт, сближение с другими более образованными народами, заимствование у них наук, искусств или знакомство с произведениями духа древних, отживших образованных народов. Так совершили этот переход народы Западной Европы на границе так называемой средней и новой истории¹³³, в XV и XVI веках одновременно с ними начало в том же направлении совершаться движение и на Востоке Европы, в нашей России. К этому времени она оканчивала свою черную работу, тяжелую борьбу с азиатскими варварами победою над ними, земля собралась, государство окрепло, и немедленно Россия обращается от Востока на Запад с целью войти в общую жизнь европейских народов, воспользоваться ее плодами, приобрести морские пристанища на берегу северного Средиземного немецко-Балтийского моря, около которого сосредоточивалась сильная торговля и промышленная деятельность. С Иоанна IV, завоевателя Казани и Астрахани, вышедшего, следовательно, победителем из борьбы с татарским Востоком, начинается явствен-

ный поворот к Западу, стремление овладеть берегами Балтийского моря. Но неблагоприятные условия отдалили достижение цели на полтора года и произвели то, что Россия совершила свой переход из одного возраста народной жизни в другой гораздо уже позднее, чем западноевропейские народы. Но эти неблагоприятные условия нисколько не потемнили сознания русских людей о необходимости выйти на новую дорогу, напротив, усиливали желание выхода, ибо они всего яснее показывали невозможность оставаться при старом. Победитель Востока, покоритель Казани Иоанн IV был побежден на Западе, когда обратился туда, ища моря. С тех пор война на Западе грозила неминуемой неудачей вследствие неискусства русских в деле ратном. Но с этим вопросом о войне, то есть о внешней безопасности России, о ее месте в кругу других держав, о ее чести, силе, влиянии — с этим вопросом о войне в стране обширной, континентальной, окруженной врагами и не защищенной природою, следовательно, требующей искусства для защиты, с этим вопросом находился в тесной связи вопрос о средствах содержания войска, ибо обширная страна была крайне бедна, бедна народонаселением, бедна промышленным трудом, скудна доходами; государство не могло содержать войска, которое падало непосредственно тяжестью на остальное народонаселение и давило его: для содержания войска закрепили крестьянина и заставили горожанина кормить воеводу; жертвовали всем, а пользы было мало. Государству нужно было во что бы то ни стало улучшить свои финансы; но как это сделать? Разумеется, как это обыкновенно делается, по общему закону, как это сделалось у других народов. У других народов это сделалось посредством промышленного и торгового труда, вследствие освобождения государства от односторонности земледельческого характера, ибо односторонность губит и ведет к застою, исключительное земледелие уславливает бедность и свою собственную неразвитость; земледелие усиливается, процветает при условии других промыслов; город, поднимаясь, богатея, поднимает, богатит село, освобождает его; а промыслам, торговле всего больше помогает море: поморские государства — самые богатые государства: англичанин, голландец, немец ганзейский являлся для русских XVII века человеком богатым и ловким, умеющим вести дела, умеющим наживать, умеющим заставить других служить своим интересам, он вынуждал у русских людей тяжелое сознание, что им с ним не стянуть. Отсюда море как источник богатства, как средство выхода из настоящего печального положения, море стало заветною мыслью русских людей XVII века. Но тут заколдованный круг: чтобы добыть море, нужно большое искусное войско; искусства воинского нет, денег для содержания войска нет, для приобретения образования, искусства, денег нужно море. Внутри затрагиваются высшие интересы нравственные: нельзя исправить церковной книги для напечатания, чтобы не вскрылись печальные следствия невежества,

чтобы не раздались вопли о последних временах, об антихристе; с другой стороны, русские люди рвутся в Киев и Польшу, в тамошние школы, возвратясь оттуда, смеются над невежеством своих отцов духовных, толкуют о вере; дома и на улицах мужчины и женщины спорят о времени пресуществления, упрекают друг друга в хлебопоклонной ереси, а под шумок идет католическая пропаганда. Один способ вывести церковь из этих смут и опасностей: просвещение, школы; но где средства, но где люди? А между тем Польша уже разлагается, а в Польше столько русских людей: кто соберет их и кто отгонит хищников? И Турция впервые терпит тяжкие удары от держав европейских, и она впервые должна уступить свои земли; а в Турции столько славян, столько христиан восточного исповедания, они требуют помощи у соплеменников и единоверцев, они говорят, что им лучше оставаться под владычеством турок, чем католиков. Столько важных вопросов, в решении которых Россия необходимо должна принять участие, а Россия с отчаянием бьется в заколдованном кругу, сама требует великой помощи; царь Алексей Михайлович просит у герцога курляндского позволения строить русские корабли в его поморских местах: что лучше выразит тогдашнее положение России? В такие времена великим народам, имеющим жить и делать в человечестве, посылаются на помощь великие люди, и России был послан Петр Великий.

Необходимость движения, перехода из одной обстановки жизни в другую, из одного возраста в другой, необходимость вступления в общую жизнь образованных народов и необходимость приобретения образования для этого были сознаны; но как это сделать? Как пойти в ученье к другим народам, не подчинившись учителям, сохранив свое народное достоинство, не принизив своей народности пред народностями чуждыми? Как с сознанием своего невежества, своей неумелости явиться в общество народов, превосходящих знанием и искусством, и потребовать вдруг почетного места между ними? Как вдруг приобрести возможность сделать подобное требование, вдруг приобрести право на почетное место? Его даром не дадут, надобно взять силою, а сила здесь есть искусство и знание? Не приобретши почетного места между народами, нечего входить с ними и в общую жизнь, ибо тогда будут одни унижительные отношения учеников к учителям, одно нравственное тяжкое иго, которое не усилит, но ослабит еще более и поведет к игу материальному. Как опасно было положение народа, идущего в ученье к другому или другим народам, показывал пример этих народов-учителей, этих образованных народов Западной Европы: двумя веками прежде эти народы совершили свой переход из одного возраста в другой, из своей древней истории в новую, совершили посредством знакомства с произведениями духа древних народов — греков и римлян, и в какое рабское подражание впали они относительно своих учителей! Древние языки яви-

лись для них не как орудие для достижения известных целей образования, но посредством слов они страстно впивали в себя все представления древних; в разговорах христиан только и слышались, например, имена языческих божеств; о своем прошлом, откуда истекало их настоящее, эти народы забыли, относились к нему с ненавистью и презрением как ко времени невежества; сознание их до такой степени отуманилось, что они не знали, куда девать эту свою древнюю историю; желая примкнуть непосредственно к жизни греков и римлян, ведя от них свое духовное происхождение, они взглянули на свою древнюю историю как на что-то межеумочное, ни то ни се, и выразили это словами: «средняя история». Но западные европейцы имели, однако, большие выгоды: они совершили свой переход из древней истории в новую посредством произведений древней греко-римской мысли, увлеклись, ударились в рабское подражание; но все же они имели дело с книгами, оставшимися от умерших народов, а не с живыми и сильными народностями; они имели дело с цивилизацией закончившеюся: вобрав в себя и переварив ее плоды, они могли свободно идти далее уже по своему национальному пути. Но мы, пришедши к делу позднее, начавши свой переход из древней истории в новую в конце XVII века, должны были идти в ученье к живым и сильным народностям, которые для своих целей могли воспользоваться нашим ученическим подчинением; хорошо было западным народам преклоняться пред греком и римлянином. Мильтиады и Сципионы не вставали из могил, чтобы воспользоваться этим преклоненным положением и дать им почувствовать силу своего меча, как давали ее чувствовать современникам. Притом мы должны были иметь дело с народностями живыми и сильными, которые, взяв себе пред нами много времени вперед, постепенно стремились далее по пути развития и таким образом, увлекая нас постоянно, не давая спустить с себя глаз, держа нас в постоянном раздражении, необходимо должны были затруднять наше самостоятельное развитие, не давая нам спокойно обращать внимание на самих себя. Пред народом-богатырем дорога и на ней роковая надпись: здесь грозит беда! Одни говорят, что лучше остаться, другие утверждают, что необходимо идти. Где же вождь, что же вождь? Как поведет он народ свой по опасной дороге?

Ввиду страшных трудностей, вождь призывает народ свой к небывалому в истории народов труду, к тяжелым пожертвованиям и лишениям. Но одного призыва мало в таком деле и при такой степени развития, на какой находился народ наш в описываемое время: тут необходим самый действительный способ внушения, научения, что делать, способ наглядный, пример; мало было сказать, что надобно трудиться, надобно было показать пример труда. При каждом тяжелом деле первая мысль в человеке, которого зовут к труду: зовет, велит, а сам что? И вот зовущий является работником неутомимым, первые слова, от него к нам дошедшие,

первое определение, им самому себе сделанное, это: «в работе пребывающий»¹³⁴. Царь-работник, царь с мозольными руками — вот представитель России в эпоху тяжкого труда, в эпоху первоначальной черной работы преобразования. «Надобно трудиться! — говорит Петр своему народу, — надобно проходить трудную школу»; учиться необходимо у иностранцев; иностранные учителя, мастера вызываются в Россию, русские люди посылаются за границу учиться; но опасно учиться у иностранного учителя, поработит он русский ум своему уму, заставит подражать во всем себе и своему, оставит вечно в ученичестве. Для воспрепятствования-то этому и понадобилась эта неутомимая работа, это самостоятельное, деятельное, практическое учение; нельзя было долго смотреть из рук учителей, но сейчас же делать самому, не давать укореняться в себе мысли: только учитель может это делать, я не могу, где мне? Сейчас же к делу; будет ошибка, неудача — нет нужды: вначале это необходимо: без ошибок и неудач выучиться нельзя, только не надобно отчаиваться! Вот учебный способ великого учителя, который был послан русскому народу в тяжелое время преобразования; только этим способом можно было дать успех в школе и предотвратить опасность принижения ученика пред учителем, русской народности пред народностью чуждою, ибо только этим способом в ученике поддерживалось сознание своей самостоятельности и силы. Великий человек вышел победителем из всех искушений. Ему внушали, что он может иметь успех в борьбе с образцовым европейским войском, только дав главное начальство над русским войском опытным, искусным иностранцам; но он смотрел на войну как на школу, хотел выучить своих сражаться и побеждать, — и выучил; в столкновениях Меншикова с наемным фельдмаршалом Огильви он не выдал Меншикова, и Данилыч отблагодарил его за это Калишскою победою. Но величие человека познается не в успехах, а в неудачах, в умении выдержать беду, не пасть духом, выказать все свои силы в создании новых средств, остаться верным раз предположенной цели, раз усвоенному взгляду и правилу, в умении поддержать других словом и делом. Таков был Петр в неудачах, таков он был после первого Азовского похода, после Нарвы; тому же учил и других. Фельдмаршал Шереметев разбит, и Петр пишет ему: «Не извольте о бывшем несчастье печальны быть, понеже всегдашняя удача многим людям ввела в пагубу, но извольте забывать и паче людей ободрять»¹³⁵. Правило Петра — заставить проходить своих практическую школу, поручать важнейшие должности только русским, как бы ни казались они вначале мало искусны, мало приготовлены; это правило Петра встретило особенно сильное искушение на дипломатическом поприще. Россия вошла в общую жизнь европейских народов, вошла в лабиринт незнакомых ей прежде отношений; при дворах европейских должны были явиться представители России, чтобы блюсти ее интересы, вести трудную борьбу с беспрестанно переплетавши-

мися интересами чуждыми. Петру внушают: нельзя поручить это русским, они не приготовлены, не образованы, не знают прошлого Европы, не знают и настоящих отношений, надобно употребить искусных и сведущих иностранцев. Но Петр не поддался искушению: на все важнейшие посты назначал русских людей: пусть проходят и здесь практическую школу; и школа была пройдена быстро и блистательно; образовался ряд знаменитых дипломатов, которые при Петре и после него умели заставлять Европу держать русское имя честно и грозно, по старинному выражению. Так великий человек был оправдан в своей непоколебимой вере в народ свой; только этою верой творились чудеса, совершалось это изумительно быстрое прохождение школы, быстрое превращение учеников в учителей. Современники указывали на необыкновенный дар Петра узнавать способного человека по одному внимательному взгляду в лицо; но мало было выбрать, нужно было наставить, руководить, поддержать, и этим даром обладал Петр.

Практичностью школы не ограничивались педагогические приемы великого воспитателя своего народа. Смысл эпохи, которую переживал русский народ в силу естественного и необходимого роста, развития своего, состоял в усилении того, что мы называем гражданственностью, цивилизацией, а сущность цивилизации состоит в разделении занятий и соединении сил. Человек, окруженный и вспомоществуемый близкими людьми, связанными с ним кровной связью, доставляет сам себе все нужное и живет особняком; но эта особная жизнь условливает неразвитость; человек развивается только в обществе себе подобных; чужая мысль, чужое слово, чужое дело возбуждают его деятельность, и эта деятельность, в свою очередь, возбуждает деятельность других. Начинается мена духовная и материальная; человек делает какое-нибудь одно дело, соответствующее его способностям, произведениями своего труда удовлетворяет известной потребности других, а свои потребности удовлетворяет произведениями чужого труда, и это разделение занятий, ведя людей к зависимости друг от друга, ведет их необходимо к соединению сил в общей деятельности; видя, что произведения его труда составляют только малую часть в общей массе необходимых произведений, человек привыкает считать и себя только частицей целого, сознает себя членом общества, сознательно подчиняется требованиям общества, требованиям общего добра, привыкает волею-неволею сторониться со своими частными интересами пред этими требованиями: является гражданственность. Легко понять, что гражданственность скорее и сильнее развивается там, где на небольших пространствах сталкивается много людей, которые сейчас же должны начать упомянутую мену друг с другом, развивать, воспитывать друг друга и определять отношения друг к другу; отсюда гражданственность является скорее и развивается сильнее у народов, у которых на небольших пространствах многочисленное народонаселение, в небольшом рас-

стоянии друг от друга много больших городов, у народов, которые живут, так сказать, на больших дорогах, на морских берегах, на берегах больших рек, беспрестанно поэтому могут сообщаться с другими народами. Развитие гражданственности замедляется, следовательно, условиями противоположными: редким населением на обширных пространствах, малочисленностью городов, отсутствием больших городов, господством сельского, земледельческого характера, удалением от морей, от общения с народами цивилизованными при постоянном общении с народами нецивилизованными; гражданственность здесь замедляется, ибо разбросанные части народонаселения при дурном состоянии путей сообщения поневоле привыкают к жизни особой, в них слабо сознание об общем, о своих обязанностях к общему, частный интерес на первом плане. Иногда, при великой беде, когда затронется высший интерес, интерес религиозный, разбросанные части великого народа, несмотря на все препятствия, соединяются; но пройдет беда, пройдет нужда в чрезвычайном напряжении сил, и снова начинается жизнь особняком со всеми ее печальными последствиями; гражданственность замедляется, когда народ, окруженный хищными соседями, должен уходить весь в тяжелую и постоянную борьбу с ними, когда начальное разделение на вооруженных и невооруженных при бедности, земледельческом, сельском характере государства ведет к тому, что вооруженный смотрит на невооруженного как на своего работника, вследствие чего исчезает правильность общественных отношений, вооруженный приходит к такому убеждению, что всякий труд и всякий результат труда для него, для его содержания, для его кормления, и сознание общего, сознание святости и неприкосновенности этого общего исчезает, исчезает сознание о святости и неприкосновенности казны государственной; слабый, невооруженный при таком положении дел также теряет сознание общего, ибо это общее, государство, не в состоянии давать ему себя чувствовать как нечто покровительствующее, обеспечивающее; каждый чувствует только отдельные силы и, разумеется, ищет обеспечения в покровительстве одной из этих сил, стремится войти в частную зависимость. Правительство, стараясь собрать разрозненные силы и направить их к общему действию и не встречая при этом содействия от общества, является бессильным, несмотря на всю видимую силу свою.

Несмотря на все препятствия, народ вырос, потребовал знания и участия в общей жизни образованных народов; но, чтоб получить среди последних почетное место, нужно было приобрести силу, силу нравственную, привычки гражданственности; нужно было отвыкать от прежней жизни, получить сознание об общем и своих отношениях к нему, нужно было приучаться к разделению занятий и соединению сил, к сознательному, твердому и самостоятельному действию, при котором соединение сил только и идет впрок. Для этого надобно было проходить особую школу; отзо-

вется ли на это требование вождь, поведет ли школу гражданственности, явится ли народным воспитателем? Он вводит разделение труда в сфере государственной: отделение службы военной от гражданской представляет основное развитие, которого недоставало древней России; вводит отделение управления от суда, вводит лучший распорядок в государственном домостроительстве учреждением коллегий, отстраняя старое смешение приказное. В сфере народного труда распространение знания, искусства, усиление промышленности, введение новых отраслей ее вело к сильному развитию, то есть к разделению занятий, к выделению способностей к тому или другому делу. Разделение занятий должно было вести к соединению сил. Люди сходятся в общем действии: как же они отнесутся друг к другу? Разумеется, сначала очень неловко, косо поглядят друг на друга, пойдут враждебные столкновения, счёты при самой печальной обстановке, ибо нет общечеловечности, людскости, уважения друг к другу, уважения к человеку, уважения к общему делу. Кто считает себя выше, тот не хочет видеть в низшем товарища в общем деле, допустить равенство и свободу мнения. Надобно приучить к этому товариществу, к дружному действию; преобразователь употребляет для этого коллегиальное устройство, любимую свою форму, которую стремится ввести всюду. Но мало ввести форму; надобно ввести в эту форму дух, надобно воспитать людей, выучить их, как вести себя при новой форме; и Петр не уклоняется от тяжелого дела. Он постоянно отсутствует из столицы, в постоянном движении, в постоянном путешествии; чтобы дела не замедлялись от этого отсутствия главы государства, Петр учреждает Правительствующий Сенат с обширною властью по всем делам, его указам должно повиноваться, как указам царским. Это высшая коллегия. С ней-то преимущественно имеет дело царь, в отношении к ней преимущественно высказывается его воспитательная деятельность. Здесь-то внушается, что чем выше значение, тем более ответственности, тем более требуется труда и внимания, обдумывания дел. Дела новые, дела важные, высшего царского указания нет, царь в отсутствии, надобно решить, тяжело, а царь строг, взыскателен, и вот первая мысль: как бы уклониться от участия в решении и вместе уклониться от ответственности; пусть кто побойчее подаст свое мнение, так и решить, все решили, на ком спрашивать? Царь не допускает такого рода действий; он для того и вводит коллегиальное устройство, чтобы приучить к деятельности сообща, с равным участием, приучить к самостоятельной деятельности; но требует, чтобы каждый подавал свое мнение и отвечал за него, чтобы никто не мог сметь своего суждения не иметь. Решили — слава богу! Можно и отдохнуть: «Нет! — внушает строгий воспитатель, — отдыхать нельзя; решение не может оставаться только на бумаге, надобно немедленно привести его в исполнение, не успокаиваться прежде пока дело будет сделано. Нельзя терять времени, потому что по-

теря времени смерти невозвратной подобна». Воспитатель должен был вызвать уважение к месту присутствия коллеги, приучать к серьезному взгляду на ведение государственного дела. Школа была тяжела, надобно было начинать с азбуки. Ничто так не омрачало жизнь Петру, как борьба с противообщественными привычками, вкоренившимися в древней России вследствие розни, отсутствия ясного сознания обязанностей к обществу, отечеству, государству; борьба была тем тягостнее, что эта болезнь не поддается одним внешним средствам, которыми может располагать глава государства, требует средств внутренних, действующих чрезвычайно медленно. Но Петр не ослабевал в борьбе. Славного победителя врагов внешних, счастливого сокрушителя внутренних врагов, восставших против государства прямо с оружием в руках, осаждали вопиющие жалобы на страшные злоупотребления людей сильных, начиная с людей самых близких к нему, сотрудников даровитых, которых он привык любить и уважать и которых принужден был перестать любить и уважать, жалобы на страшное взяточничество, казнокрадство и насилия везде, где только сильные сталкивались с слабыми. Ценил так высоко значение торгового и промышленного труда, стремясь поднять значение города, чтоб уничтожить односторонность земледельческого характера государства, Петр прежде всего хотел уничтожить столь громкие в древней России жалобы на притеснения промышленных людей воеводами и приказными людьми, он дал промышленным людям свой суд и самоуправление; но вследствие непривычки к общему делу, вследствие розни, невыработанности слабым обществом сдержек для всякой силы, выборные самими горожанами правители и судьи явились злоупотребителями своей власти, сильные, богатые притесняли менее богатых. Так было и повсюду. Виновные несли головы на плахи, шли в ссылки; в указах своих царь гремел против нарушения законов сильными, против неуважения к общему интересу, выставляя здесь измену и более чем измену, ибо такими злоупотреблениями незаметно подламываются основы государства, и оно приближается к падению. Но одними внушениями и наказаниями Петр не ограничивался; его величие выразилось в том, что препятствия не утомили его, не заставили его отказаться от тех средств, которые он признал необходимыми для народного воспитания: он остался верен коллегиальному началу и на помощь ему призвал еще другое начало, выборное, им также старался истребить народную спячку, неряшество в общем деле, им старался заставить русского человека думать, внимательно смотреть на человека-согражданина, взвешивать его способности и недостатки, пригодность к общему делу, и старался заставить подавать голос осторожно, ибо от этой подачи зависело общее и частное добро, заставить русского человека создавать общественное мнение, соиздавать другим имя, славу и делать это осмотрительно, зная, что другие создают ему это имя, эту славу. Петр учредил выборы в

самых обширных размерах, в военной и гражданской службе; люди правительственные, начиная с президентов коллегий, назначались по выборам; Петр сам присутствовал на выборах значительнейших правительственных лиц, наблюдая за правильностью выборов, за их беспристрастием.

Так преобразователь сознавал свою обязанность народного воспитателя, имея постоянно в виду возбуждение самостоятельной, сознательной деятельности, имея в виду то, чтобы благословение божие, по его словам, втуне не пропадало, начиная от человека. Человек, благословенный от бога способностями, был отыскан, и дан ему труд и значение по способностям, дано ему воспитание, главной целью которого было сделать из него гражданина; внушалось: если хочешь заслужить милость царя, говори всегда правду, не бойся сказать что-нибудь неприятное, только чтобы была правда. Среди сильного движения, произведенного переходом народа из одного исторического пути на другой, люди с природою наиболее возбужденною поняли в чем дело, в чем наиболее нуждается Россия, подали свои голоса, свои мнения о том, как лучше делать дело; эти мнения были выслушаны человеком, одаренным самою чуткою внимательностью к тому, чтобы божие благословение втуне не пропадало, мнения были выслушаны, разобраны, и люди, их высказавшие, должны были перевести мысли в дело. Народ чувствовал необходимость знания; великий человек должен был указать ему средства к его приобретению; молодые люди были отправлены учиться за границу, в России заведены школы по разным необходимым специальностям, школы латинские, немецкие, математические, инженерные, навигаторские, медицинские; но для школы нужна была книга, книга была нужна и для тех, которые уже опоздали в школу, но хотели учиться, книга русская, и одна из главных забот преобразователя была об издании, о переводе книг, о том, как переводить, на какой язык; он указал, что живой народный язык, считавшийся до сих пор языком подлым, недостойным книги, должен быть языком литературным, что при невозможности избегнуть иностранных слов, вследствие вторжения множества новых понятий, необходимо сохранить в чистоте народный строй русской речи, не переводить для этого только подстрочно, но передавать смысл в свободной русской речи. Правильный перевод, хорошее издание озабочивали Петра среди самых важных дел, накануне решительных событий. Он предохранял русских людей от рабского подражания в деле заимствования науки из чужих рук, учил самостоятельности учеников, указывая на недостатки учителей, запрещал при переводе немецких книг переводить вещи посторонние, не идущие к делу, «которые только время тратят и у чужих охоту отбивают, понеже немцы обихли многими рассказами негодными книги свои наполнять для того, чтобы велики казались» Но познания о своем настоящем и прошлом нельзя было приобрести из переводных книг,

и Петр полагает начало трудному делу составления русской истории и географии. Собранием исторических источников и черчением карт географических дело не ограничивается; Петр указывает русскому человеку на родную страну как на живую книгу; будит русского человека и заставляет его обратить внимание на окружающее: тут много вещей полезных, много божия благословения, трудись, ищи — вот чего нужно искать, вот какую пользу можно из этого извлечь. Знали прежде пользу чего-нибудь, но не умели извлечь всех выгод, не умели обрабатывать, как следует, вот учителя, которые вам это покажут; некоторые начали, другие смотрите, как увеличилась ценность предмета чрез лучшую обработку: вы берете дешевле при старом способе обработки, а другие при новом берут гораздо дороже. Трудно начать новые производства, заводить фабрики, нет уменья, искусства, нет денег. Царь учреждает казенные фабрики и заводы, но не с тем, чтобы оставить их в казне; это был только почин наставника в труде. Сенат должен был заботиться о том, чтобы казенные фабрики и заводы переходили в частные руки, в руки отдельных лиц и целых компаний, и этой передаче обязаны своим началом некоторые громадные состояния. Успехи торговли и мануфактурной промышленности радовали сердце великого работника; в списке значительных фабрикантов и заводчиков, начавших новое дело в России, он встречал почти все русские имена; корабли Божениновых и Барсукова посещали иностранные гавани. Посредством канала водный путь соединил Европу и Азию, Балтийское и Каспийское моря. Беднейшее государство не могло разбогатеть вдруг, в какие-нибудь 25 лет, среди огромных издержек на внутренние учреждения и тяжелую продолжительную войну, среди страшных лишений и жертвований, к которым призвал Петр народ свой, подавая сам первый пример; главное препятствие развитию — малочисленность народонаселения, разбросанного на громадных пространствах — не могло вдруг исчезнуть; но главное было сделано, отстранена вредная односторонность в характере государства, государства земледельческого, поднят город, который по известному закону своим развитием должен был освободить село. Крестьянский вопрос, решенный в древней России закреплением, поднимается вместе с новою Россией и требует иного решения. Петр связывает интересы сословий, порозненных крестьянским закреплением, и, учреждая майорат для землевладельцев, указывает пользу его для земледельцев; расширяя умственную сферу русского народа, вводя его в общую жизнь с другими христианскими народами, он также указывает ему, что относительно крестьян существуют в России такие явления, каких во всем свете не водится, и требует их уничтожения. Вопрос об улучшении быта крестьян стал твердо, к нему должны были подходить с разных сторон, приближаться к его решению в смысле новой русской жизни, и мы, видевшие конец, должны почтить начало.

Но было еще явление, какого не водилось в том свете, в котором должен был жить теперь русский народ. Когда небезопасно на улице, слабых — женщин, детей — не выпускают из дому; в древней России вследствие грубости нравов, вследствие физической и нравственной безопасности в достаточных семействах женщину, и особенно девушку, запрятали в терем; женщина теряла человеческое достоинство, превращалась в заповедный товар, которым другие располагали, торговали. Браки устраивались без ведома жениха и невесты, без знакомства между ними. В конце XVII века церковь протестовала против этого явления, указывая на его печальные последствия; но протест остался протестом, как много других протестов, поданных обществом, сознавшим необходимость выйти из прежнего положения и ждавшим человека силы, который бы вывел его на новую дорогу. Петр вывел русскую женщину из терема, дал мужчине, по писанию, «помощь достойную», очистил брак от значения торговой сделки, положил шестинедельный срок для знакомства жениха и невесты, после чего они могли отказываться от брака; родители и господа должны были присягать, что не принуждают к браку — первые детей своих, а вторые — своих слуг. Петр вооружался против явлений, каких во всем свете не водилось; но как знать русскому человеку, что водится и чего не водится на свете? Путешествие? Книжки? Но путешествие не для всех возможно. Книга говорит о том, что было и что, быть может, уже исчезло; как же дополнить книгу, какое средство дать человеку возможность следить за всем, что делается на белом свете, сделать его внимательным участником жизни всех стран, всех народов? У западных европейских народов было такое средство — ведомости или газеты. Это средство было известно в последнее время и в древней России; в Москве делали выписки из иностранных газет; но эти выписки делались только для царя и небольшой части близких людей, оставаясь государственной тайной; Петр велел для всего народа печатать ведомости о делах, достойных знания и памяти, случившихся как в России, так и в чужих странах. В древней России за последнее время для царя и приближенных к нему людей было заимствовано из Западной Европы средство «знать правду о человеке и жизни его», театральные представления: Петр завел театр для всего народа.

Таковы были средства Петра для воспитания русского народа. Но в каких же отношениях воспитатель народа находился к церкви, охранительнице нравственности народа, его матери и воспитательнице? Самый страшный вопль, раздававшийся в русском обществе в конце его древней истории, был вопль о том, что духовенство было не в уровень своему положению в отношении к нравственности и знанию. Монастыри перестали быть училищами нравственности; духовные отцы стали ниже детей своих духовных в деле вероучения. Раскольник вопил, что духовенство изменило древнему благочестию, впало в ересь, и увеличивалось число по-

следователей раскола отсутствием должного нравственного противодействия; иностранцы смеялись над невежеством духовенства, православные русские, познакомившиеся с наукой, видели себя в тяжелой необходимости соглашаться с иностранцами. История Западной Европы показывала всю опасность такого положения дел для церкви: и там переход народов в новую историю, в возраст, где преобладает умственное развитие, начался при таких же условиях, при упадке нравственности в монастырях, при упадке образования в духовенстве, что выказалось особенно резко при поднятии образования между мирянами. Невнимательность духовенства к своему опасному положению на Западе произвела то, что реформационное движение пошло бурно, быстро перейдены были границы законных требований, быстро пошло общество покатым путем отрицания, разрушения, монастыри исчезли. Латинская церковь спохватилась, но поздно, когда уже половина Европы отторглась от нее; чтоб удержать остальную, устремились овладеть наукою, школою, и в этом стремлении показали ясно, в чем состояла ошибка предшественников. В России Петр поспешил на помощь церкви, потребовав от духовенства, чтоб оно как можно скорее овладело необходимою в его положении силой, образованием; он дал другое средства, вызвав на архиерейские кафедры ученых малорусских монахов; монастыри не были уничтожены, но монахи получили назначение — одни доставлять из среды себя ученых правителей церковных, другие служить страждущему человечеству; от белого духовенства потребовали также образования, и приложены заботы об улучшении материального быта людей, обязанных семейством. Дело завершено учреждением коллегиального, синодального управления церкви, ибо, повестил Петр, «коллегиальное правление способнее для исследования истины, чем единоличное, и коллегиям свободнейший дух в себе имеет к правосудию»¹³⁶.

Все эти дела были совершены во время тяжелой, с лишком двадцатилетней войны. Петр смотрел и на войну как на школу и безошибочно распределял курс, который должно было проходить его новоучрежденное постоянное войско: сначала терпеть неудачи, потом одолевать неприятеля превосходными силами, далее равными и, наконец, меньшими. От Нарвы до Полтавы на сухом пути и до Гангута на море проходила тяжелая школа. Победитель-ученик провозгласил здоровье побежденных учителей, и когда Ништадтский мир дал России морской берег на протяжении, о каком сам знаменитый шкипер сначала не мечтал, новый адмирал от красного флага, получив этот чин за окончание войны, провозгласил, что школа с тройным курсом, каждый в семь лет, кончилась как нельзя лучше. Но эта школа, кроме специального военного значения, имела еще другое, воспитательное для народа значение. Великая Северная война была предпринята с чисто гражданскими целями; она естественно и необходимо входила в план преобразования, потому что без моря нельзя было совершить переворота,

необходимого для новой жизни России. Война с неприятелем, страшным по своему искусству, требовала чрезвычайных жертвований от народа, чрезвычайного напряжения его сил, но это напряжение как нельзя более способствовало быстрому выходу России на новую дорогу при таком вожде, каков был Петр. Труд и опасность держат человека в бодрствующем состоянии, а это и было нужно. Знамя народности высоко развеивается во время трудной и опасной войны, когда сильный враг входит в пределы родной страны, а это и было нужно, когда народ должен был пойти в ученье к живым и сильным народам, когда должен был признать их превосходство над собою, что вело к принижению народного духа, с одной стороны, или, с другой, к упорству в устранении всего чужого, упорству, осуждавшему на неподвижность. Борьба с одним из тех народов, у которых надобно было учиться, борьба, становившаяся все успешнее и успешнее и, наконец, ознаменовавшаяся «преславною викторией»¹³⁷, поражением непобедимого короля, сокрушением могущества державы, господствовавшей на севере, из-за которой России было не видать, — такая борьба не допускала принижения народного духа, давала русскому человеку легко и свободно проходить тяжкую школу, которая без того была бы уже слишком тяжка, ибо близко граничила бы с рабством. Успешная борьба напрягала силы и поднимала дух народный, давала возможность учиться легко, свободно, не принижаться пред учителями, и в то же время заставляла учиться, ибо только учением, неутомимым учением добывался успех над учителями, добывалось это свободное отношение к ним. По праву неоспоримому в награду за великий путь, неслыханный подвиг заняла Россия одно из самых почетных мест в Европе, наполненной славой великого императора. В христианской Европе явилась другая империя. В Западной Европе думали, что русский царь как покорный ученик будет рабствовать ее преданиям, примет титул восточного римского императора; но Петр поднимался высоко над этим рабством, пред отжившими ветхостями; он совершил свое дело с Россией и для России, и не отстранил русского имени от своего имени, от имени своих преемников; он принял титул императора всероссийского, указав Западной Европе пример освобождения во имя народности от лишенных смысла преданий.

С тем расширением сферы, которое должно было произойти для русских людей вследствие вступления в общую европейскую жизнь, должны были выясниться, определиться русские интересы. После Полтавы и Ништадтского мира европейская земля собралась, ибо до тех пор восточная часть Европы не участвовала в общей жизни. До тех пор европейская история была ведена двумя племенами — романским и германским, теперь третья — славянское — получает решительное значение. Но в то время как Россия, усилившись, делается представительницей славянского племени, другое обширное и некогда сильное, ближайшее к Западу, славян-

ское государство, Польша обнаруживает признаки разложения, и над трупом уже собираются орлы. Саксонский курфюрст Август, став королем польским, стремится подчинить Польшу навсегда своей династии и своей народности. Но Петр не считал этих стремлений своего прежнего союзника и друга согласными с русскими интересами; поляки, угнетаемые саксонскими войсками, просят у него помощи, и благодаря его могущественному посредничеству саксонские войска очищают Польшу. Но вслед за тем новые жалобы из Польши: русские православные требуют помощи нового императора всероссийского против католических притеснений. Сенат и Синод в совместном заседании рассуждают о средствах, как помочь своим; Петр объявляет, что надобно принять меры решительные, опыт показал, что дипломатическими представлениями ничего нельзя сделать, и он посылает комиссара в Польшу для защиты русских. Комиссар Рудаковский, действительно, отправился и, несмотря на вопли поляков против такого неслыханного явления, начал отбирать назад церкви, отнятые у православных. Протестанты, терпя также гонение в Польше, обращаются за помощью к русскому императору; диссидентский вопрос обозначился ясно. Ясно обозначился и вопрос славянский в тесной связи с восточным. Первая попытка общего славянского действия в 1711 году не удалась; но мы знаем, что величие Петра состояло именно в том, чтобы не бросать дела от неудачи, и, как не бросил он дело после первой неудачной осады Азова, после Нарвы, так усилил свое сочувствие, свою связь со славянами после Прутского похода, неудача которого произошла оттого, что Петр поспешил на зов единоверцев и единомышленников, не желая поставить их в трудное, бедственное положение. Сочувствие высказалось самым разительным образом: наука только что принималась в России, недостаток в учителях был страшный; но когда сербы обратились к Петру с просьбой прислать к ним учителей, просветить их так же, как он просветил свой народ, то учителя были немедленно отправлены с большим по тому времени содержанием: поделились со своими последним куском научного хлеба.

Можно ли было в кратком очерке обозначить деятельность, не бывающую в истории человечества? Нужно было обозначить не деятельность какого-нибудь завоевателя, быстро покорявшего громадные, но дряхлые государства и основавшего громадную, но эфемерную империю. Нужно было обозначить деятельность человека, который прибавил в историю целый великий народ, целое великое племя, деятельность человека, который имел полное право сказать, что не жалел ничего для своего народа, который сильною рукою помог своему народу совершить переход необходимый, но страшно трудный, какого ни один народ не совершал при таких неблагоприятных обстоятельствах; деятельность человека, которая ознаменована и блестящими подвигами воинскими; но эти подвиги были результатом подвигов гражданских, небывалого

гражданского мужества, небывалого гражданского труда, результатами ясного сознания, которым обладал народный вождь, сознания обязанности народного воспитателя. В учреждениях, в законах, в направлении народного труда, в школе, в книге, газете, зрелище и в войне кровавой проводится постоянно один зрелый, ясный план, план воспитания народа в гражданстве. Современники называли Петра Отцом Отечества; потомство отдаленное, воспользовавшись средствами, приобретенными вследствие деятельности Петра, средствами научными, после сильных прекословий, необходимых при решении такого важного вопроса, потомство подтверждает название Отца Отечества, признавая в великом человеке воспитателя народного. Потомство празднует двухсотлетие дня рождения великого человека, и этот праздник есть праздник труда. Указанием на многообразные произведения труда человеческого, указанием на то, что делает наука для усиления труда, хотели мы справить поминки по Петре Великом в нашей старой Москве, обновленной, благодаря Петру, наукой и усилением народного труда. В Кремле и около него, под умолкнувшими бойницами древней защиты, выставились произведения труда, представляющие и более надежные средства материальной защиты, и средства крепости, защиты нравственной отрезвлением мысли и чувства. Преемник Петра на престоле царей русских благословил наше дело, и царский брат¹³⁸, потрудившийся в совете освобождения труда земледельческого, председатель * на нашем празднике труда народного, на наших поминках величайшему трудолюбу Русской земли. Мы ждем на свой праздник своего царя, предпосылая благословение благословившему труд наш, предпосылая благословение грядущему во имя блага народного.

---

* Так в оригинале, т. е. председательствует.

ДОПОЛНЕНИЕ

Источниковедческая база издания «Публичных чтений о Петре Великом» С. М. Соловьева вполне удовлетворительна. В фонде С. М. Соловьева хранится автограф чтений, который одновременно был и наборным экземпляром*. Сравнение автографа с изданием 1872 г. показывает, что в нем учтены все исправления, вставки и перестановки текста автографа. Следовательно, мы вправе считать издание 1872 г. последним авторским текстом**. Он и является оригиналом настоящего издания.

Однако в фонде С. М. Соловьева хранится еще одно дело (II/18), представляющее собою писарскую копию с текста, весьма близкого к некоторым местам «Публичных чтений...», но полностью с ними не совпадающего. Остается только гадать, что это был за вариант «Чтений» и с какой целью эта копия была изготовлена. Так как текст этот не цельный и состоит из нескольких самостоятельных по темам отрывков (причем и в копии каждый отрывок начинается с нового двойного листа), то ниже он публикуется в качестве дополнения к «Чтениям». Из сравнения видно, насколько текст копии отличается от печатного издания:

Издание 1872 г.

В чем же состоит главное различие общеевропейской от общеазиатской одежды: в первой господствует узость и короткость, во второй — широта и длина. Что это, случайность, или здесь выражение духа народов, духа их деятельности, их истории? Длинная и широкая одежда есть выражение жизни спокойной, по преимуществу домашней, отдохновения, сна; короткая и узкая одежда есть выражение бодрствования, выражение сильной деятельности...

(с. 55)

Писарская копия

Покрой одежды всего лучше показывает степень развития в одном народе в противоположность другому. В Азии мы видим человека, деятельность которого не идет в сравнение с деятельностью европейца; азиатский человек любит предаваться покою, и соответственно этому и одежду он носит, так сказать, спальную, широкую, покойную — он постоянно в колпаке и халате, и его одежда приближается к одежде женщины — широкая, длинная, покойная...

(л. 5)

* ГБЛ, ф. 285, д. VII/9.

** О том, что С. М. Соловьев не стремился изменять свой текст, известно свидетельствует и еще одно дело из его фонда — VII/10 — это верстка с прав-

Настоящая публикация отрывков тоже дается в новой орфографии (например, «во всем» — вместо «вовсем», «по-видимому» вместо «повидимому», «вследствие» вместо «в следствие» и т. д.), хотя некоторые характерные для XIX в. написания сохранены (например, «с возбужденной мыслию», «готовностию страдать», «в одинакой степени» и т. д.).

(л. 1) История Польши и России связана между собою так же, как связана была история Франции и Англии в средние века. Там оттого, что часть Франции вследствие браков государей досталась Англии; но там борьба кончилась счастливо для обеих сторон: Франция отобрала свои земли у Англии; Англия от этого успокоилась, потому что эти владения не приносили ей никакой пользы, и ограничилась своим островом, ей, напротив, необходимо было приобрести другое: Шотландию и Ирландию как необходимые прибавки. Но у нас не так должна была кончиться вековая борьба между Россией и Польшей. Многие русские области подпали под власть московских князей. Литва вследствие династических отношений, которые всегда бывают вредны для народных отношений как не вытекающие из народных потребностей, соединилась с Польшею вследствие брака Ягайла с польской королевой и таким образом соединила с Польшею и русские области. Все внешние прибавки к государству представляются часто болезненными наростами, мешающими историческому развитию народной жизни, потому что все государственные отношения бывают только тогда прочны, когда они выходят из естественных исторических условий; но династические связи — браки есть дела часто случайные — ими народы приклеиваются один к другому, и они при первом удобном случае вступают в борьбу, потому что их связь между собою чисто механическая. Связь французских провинций с Англией была неестественна, потому что они не могли соединиться между собою через канал. Австрийский дом отличается стремлением соединить посредством династических браков различные народности и как бы в доказательство, как вредны эти соединения, из этой связи выходит то, что эта склеенная монархия должна будет развалиться по этим склейкам, и австрийское правительство ждет этого распада с часу на час. Такое неестественное соединение произошло, когда Западная Русь вместе с

кою первого листа «Публичных чтений». На обороте л. 4 есть помета «Представить другую корректуру. Соловьев. 24 мая». Правка только типографская; она учтена в настоящем издании.

В фонде хранится также листок, на котором написано: «С. М. Соловьев. Пособия для истории Петра Великого» (ГБЛ, ф. 285, д. II/17, л. 1). Это краткий перечень источников и историков, среди них упомянуты Бакмейстер, Барсов, Бек, Брюс, Беляев, Гавенский, Гербер, Глюк, Денисов Андрей, Дмитриевский, Долгоруков Ив. Мих., Екатерина II, Эмин, Ельчанинов, Ефимов, Золотарев, Иванов-драматург, Измайлов, Ильинский, Ильин, Иоанн Смера, Копьевич, Крекшин, Шафиров, Штелин, Щербатов (указаны одни фамилии).

Англией * соединилась с Польшей. Здесь всего важнее отношения Польши к России, потому что Литва — народ дикий¹³⁹ и остался диким, когда ослабела Польша и Россия. || (л. 1 об.) Литва в это время начала нападать и на Русь, и на Польшу. Русь после монгольского нашествия ослабела, и литовские великие князья завладели Русью. Но здесь повторился ** тот же известный исторический закон, что племя цивилизованное, хотя и подпало под власть нецивилизованного, но во всяком случае берет верх над завоевателем и подчиняет своей народности. Русь была образованнее Литвы уже потому, что была христианскою, имела свою литературу; Литва была страна варварская, и Русь берет над нею верх: литовских князей начали окружать русские вельможи, они начали говорить по-русски и принимать православную веру, и оказалось, что Русь взяла верх, а не Литва, и Русь не утратила своей народности. Но теперь, когда посредством несчастного брака литовского князя на польской королеве Русь вместе с Литвой соединилась с Польшею, то история должна была пойти уже другим образом, потому что Польша была страна цивилизованная и не могла подчиниться московско-русскому влиянию. Польша имела свою окрепшую народность, а главное, что служило резкою границею между ними, было то, что Польша была страна католическая, и поляки от самого начала стали хлопотать, чтобы новоприобретенные области подчинить своей народности. Отсюда борьба с самого начала: Польша стремится слить с собою Литву и Русь — последние борются против этого. Витовт и Свидригайло стоят во главе Литвы и Руси. Но этим самым судьба прокладывала путь соединения Руси Западной с Восточной. Борьба сначала не была очень сильна, но начинается с начала общего европейского религиозного движения — Реформации. Здесь необходимо обратить внимание на связь истории Руси со всею европейскою историею.

До Петра Русь жила особняком от остальной Европы, но нельзя принимать этого положения во всей его полноте. Россия, будучи государством европейским по своим основам, не могла не подчиниться влиянию общеевропейского движения, начавшегося во имя религии. Вся Северо-Западная Европа отложила от римской церкви. Южная Европа осталась верна ей, в средней происходила борьба, и это религиозное движение || (л. 2) не могло не оказывать влияния на Русь в том отношении, что многие русские области благодаря соединению с Литвой соединились с Польшею, державшейся католицизма. Теперь вследствие Реформации католицизм напряг все свои силы для борьбы и выставил иезуитов, имевших целию побороть все секты под властью римской церкви, как и везде, так и в Польше открылась борьба католицизма с протестантизмом. Иезуиты поборол протестантизм, но потом обратили вни-

* Так в рукописи: должно быть: с Литвой.

** В рукописи ошибочно: повторилось.

мание на то, что области, принадлежащие Польше, были другой народности и другой веры, иезуиты захотели уничтожить эту веру: отсюда наступательное движение католицизма против православия. Православные выставили противление, стали за веру как за основу национальности. Католик уже не был русским. Началась ожесточенная борьба, и Западная Русь напрягла свои силы, выставив против иезуитов братства как могущественнейшие союзы.

Везде в России существует учреждение, носящее название братств или братчин, происхождение их приходское: люди, принадлежащие к одному приходу, на свои приходские праздники имеют обычай складываться для общего пира. Этот союз, имевший сначала целью общую попойку, впоследствии при разных благоприятных обстоятельствах развился. Так как цель связи была религиозная, то люди, складывавшиеся для пира, естественно, должны были толковать о своем печальном положении и думать, как бы поддержать свою веру. Братства уже не ограничивались пиром, но стали складываться, чтобы помочь своей вере учреждением школ, наблюдением за духовенством. Братства таким образом получили могущественное значение, и им преимущественно Западная Россия обязана своим просвещением, потому что в борьбе с иезуитами нужно было приобрести то же оружие, которым владели и они. Мало того, что Западная, но и Восточная Россия благодаря западнорусским братствам много обязана относительно своего просвещения, потому что, когда окрепла Восточная Россия, то начали искать для себя ученых в Западной Руси, и во всю первую половину XVIII столетия || (л. 2 об.) почти все русские архиереи вышли из Западной Руси. Эти братства имели весьма важное значение, и дело их никак не меньше никаких других великих дел, никаких громких военных подвигов. Самым лучшим доказательством их важности служит то, что в наше время при возобновлении борьбы с Польшею появилась у православных опять старая мысль о братствах.

Но к этому мирному сопротивлению против иезуитов русский народ присоединил и воинственное — казацкое; казаки воспользовались религиозною борьбою, выставили религиозное знамя и тем возбудили всеобщее сочувствие, и борьба за казацкие права окрасилась национальною религиозною борьбою. Казаки московские не могли выставить подобного знамени. Малороссия выставила, благодаря Богдану Хмельницкому, и с восточной стороны Днепра польские землевладельцы были изгнаны, и таким образом эта часть Малороссии была очищена от польского влияния. Но казаки не могли создать сильной державы. Польша оправилась от первых поражений казаков и начала теснить их, а последние обратились к русскому царю, чтобы он во имя православия присоединил русские области к Москве.

Таким образом, мы видим общую связь всех явлений в европейской истории. Ожесточенная борьба и ненависть, невиданная в

истории Малороссии к Польше, вышли из борьбы иезуитов против христиан, не подчиненных римской церкви. Следовательно, между появлением Лютера и могуществом России есть тесная связь, и, таким образом, нельзя положительно говорить, что между Россией и Европой до Петра не было никакой связи. С этого времени, т. е. с присоединения Малороссии к Восточной России, начинается решительная борьба между Россией и Польшею до наших времен — борьба, имеющая целью соединение всех русских областей в одну державу. Польша слабеет день ото дня вследствие внутреннего неурядства, и она противится этому и поэтому сама подписывает себе смертный приговор. Франция и Англия одинаково сильны и достигли своих целей, отказавшись от борьбы; || (л. 3) для Англии открылись целые империи за океаном. Россия усиливалась день ото дня тем, что обнаруживалось тяготением к ней западнорусских областей, а Польша слабела день ото дня как от борьбы с Россией, так и от внутренней борьбы и разложения. Борьба России с Польшею за Западную Русь ведена была сначала весьма счастливо для Московского государства, но ни Московское государство не было так сильно, чтобы довести борьбу до конца, и Польша не была так слаба, чтобы уступить все России; кроме того, были и другие благоприятные обстоятельства для Польши: вмешательство Швеции, бунты казаков и, наконец, вмешательство Турции — все это заставило Россию закончить дело Андрусовским перемирием, по которому только восточная часть Днепра отходила к Москве, а на Западной только Киев оставлен на время за Москву. Андрусовское перемирие должно было заключить потому, что Польша и Москва встретили себе врага в Турции, ибо Дорошенко поддался Турции, и последняя объявила свои притязания, что все казацкие земли должны быть подчинены ее власти. Это заставило Польшу и Россию примириться и даже соединить свои силы. Это обстоятельство прекратило на время собирание Русской земли, а потом другие обстоятельства отвлекли на время от этого дела: преобразование и борьба с Швециею. || (л. 5) *.

Люди, говорящие о бороде, об одежде и упрекающие Петра за то, что он обратил внимание на эту внешность, — эти люди противоречат себе, ибо если это мелочь, то зачем же они подражают Петру — ставят бороду и одежду важным делом, следовательно, борода и одежда не мелочь. Действительно, если забота о внешности доведена до крайности, то это является смешным; но, с другой стороны, внешняя сторона человека для истории имеет важное значение.

Не должно забывать, что человек из рук природы выходит без одежды, следовательно, одежда есть создание человека, и как во всяком человеческом деле выражаются характер и мысли челове-

* Л. 3 об.—4 об. чистые.

ка, народа и группы народов и их история, то и одежда человека приобретает важное значение; в одежде человек оканчивает творчество самого себя; одежда есть необходимая его принадлежность. Действительно, историческое изучение одежды чрезвычайно много помогает уяснению характера народонаселения известных частей света. Покрой одежды всего лучше показывает степень развития в одном народе в противоположность другому. В Азии мы видим человека, деятельность которого не идет в сравнение с деятельностью европейца; азиатский человек любит предаваться покою и соответственно этому и одежду он носит, так сказать, спальную, широкую, покойную — он постоянно в колпаке и халате, и его одежда приближается к одежде женщины — широкая, длинная, покойная. Женщина создана для внутренней, домашней жизни; деятельность ее более покойна, чем внешняя деятельность, для которой создан мужчина. На Востоке одежда мужчины и женщины схожа; следовательно, и деятельность их одинакова. Европейские народы отличаются особенно сильною деятельностью; это покорители природы, ищущие нового, и одежда этих народов необходимо, соответственно их характеру || (л. 5 об.) изменяется, и мы, двигаясь в истории с Востока на Запад, видим, что человек относительно одежды, так сказать, подтыкается с целию, чтобы одежда не мешала свободе движений его частей тела.

Европейский человек не любит, чтобы его что-либо связывало; мало того, что его одежда коротка, он обрезал в ней фалды, и европейский фрак в противоположность халату служит лучшим доказательством европейского духа и развития. В самой Европе одежда мужчины постоянно упрощалась, в XVIII веке одежда мужчины, хотя подоткнутая, но по дороговизне материала и по форме все-таки походила на азиатскую; в XIX веке мы видим, что одежда соответствует сильному движению идей, одежда упростилась и относительно материала и относительно формы и стала чем проще, тем щеголеватее; круглая, черная, без всяких украшений шляпа явилась щегольской одеждою мужчины. Вследствие этого естественного развития соответственно духовному развитию и одежда мужчины удалась от одежды женщины. Где нет развития — там все сплошное: там царь вместе и первосвященник, там нет разделения занятий, и одежда мужчины и женщины одинакова. Чем дальше во времена варварские, тем менее мужчина отличается от женщины и в одежде, и в облике; у диких черты лица женщины — по серьезности, по жестокости — не отличаются от мужских; знаменитые красавицы средних веков по чертам лица более похожи на мужчин; чем далее развитие, тем более выказывается различие; женщина становится женственнее, а по одежде отличаются оба пола все более и более. В настоящее время чем ниже нисходит от высших слоев общества к низшим, мы находим то же; в низших классах общества женщина не так резко отличается от мужчины и в одежде, и в чертах лица; итак, из всего вышеизложенного мы видим,

что одежда не есть пустяк, и целые народы носят одежду || (л. б) соответственно своему развитию. Русский народ в начале XVIII века делался европейским и должен был переменить одежду азиатскую на европейскую. Отстаивающие старину, если не понимали этой важности перемены одежды, то по крайней мере чувствовали ее. Если все европейские народы, и даже ревнивые к своей национальности, носят еще европейскую одежду, то это служит ясным доказательством одинаковости их развития, и нет причин нам отставать от них.

Самую главную стороною, которую мы видим в деятельности Петра, это возбуждение общественных сил русского народа; это выражается во всем. До него все было сосредоточено в одном лице великого государя; государь был хозяин и хозяйственным образом распорядился в стране. Это было не то, что мы разумеем под именем неограниченной монархии, Петр не переставал быть неограниченным государем, но этот характер хозяина переменился, он поставил на вид для русских людей другое понятие — государство, которому все обязаны служить от малого до великого. Отказавшись от древней царственной обстановки, Петр Великий мог лучше выставить это новое понятие, став слугою и вечным работником для государства и общества; ставши вождем своего народа по новому пути, он лучше мог бы применить понятие о хозяине. Прежде при великом государе постоянно находилась его челядь, разделенная на разные чины, при важных делах государь созывал этих людей, иногда самых близких, иногда всех, и посылал за патриархом, как ему вздумается. При важнейших делах царь посылал за выборными из всех областей — это называлось Собором. Петр, оставив с младенчества дворец, переменил и эти отношения; перемена была естественна и необходима: он ставит в челе государственного управления особенное учреждение — Сенат Правительствующий; название «Правительствующий» имело смысл при Петре и иногда и после — это было учреждение правительственное || (л. б об.), поставленное для управления строною. Все русские должны повиноваться Сенату, как государю; только в особенных случаях, когда мнение Сената расходилось с мнением Генерал-Прокурора, дела переносились на решение государя; все части управления были подчинены Сенату. Следовательно, целое учреждение явилось для русских людей в челе управления; эти люди, действовавшие в Сенате, поступали по изданным законам, их деятельность была определена инструкциею; царь уже являлся верховным блюстителем всего. Положение государя от этого не унижалось; напротив, оно еще увеличивалось, он являлся в высшем для человека положении, а между тем все управлялось определенными законами, известными для всех порядками. Относительно других учреждений изменился прежний хозяйственный порядок; прежде в России существовали так называемые приказы, по самому названию обличающие себя как учреждения первона-

чальные, патриархальные, хозяйственные. Великий государь — хозяин поручает какое-либо дело одному из своих приближенных, приказывает ему известное дело, для помощи ему присоединяется письменный человек — дьяк, и даже несколько человек подьячих. Обыкновенно великий государь, если видит в приближенном ему человеке большие способности, то поручает ему многие и даже разнообразные дела; в одном приказе часто сосредотачивалось множество разнообразных дел. Потом приказу нужно было содержание, денег, как известно, не было, и к нему приписывался из областей разряд людей, чтобы приказ их ведал и собирал с них доход: например, к приказу, заведовавшему посольскими делами, приписаны были целые области, которыми он ведал и собирал таможенный и кабацкий сбор, и дьяки — эти дипломаты — должны были большую часть времени посвящать кабацким делам, что порождало уже давно не только иностранцев, но и русских людей, что дипломаты лучше знали дела кабацкие, чем дела иностранные. При Петре приказы исчезли вообще; коллегиальное устройство и выборное начало — вот две стороны петровской деятельности; ограничение личного произвола как можно более; устройство учреждений, состоящих из многих лиц, сдерживающих друг друга; деятельность лица подчинена контролю других лиц и целого общества — вот характер учреждений Петра. Этими учреждениями лучше достигалась цель, чтобы приучить русского человека к общественной деятельности. Все у Петра шло дружно, связано и обличало одну систему. ||

(Л. 7) Система была проведена всюду: приказы получили коллегиальное устройство, с проведением именно этого начала, что человек в общей деятельности действует, сдерживаясь другими; то же было сделано и в областном управлении, старшие воеводы потеряли прежнее значение; власть судебная была отделена от административной; промышленные люди, которые так много терпели от произвола воевод, получили самоуправление — образовались магистраты, состоящие из многих выборных членов, управлявших делами торгового и промышленного сословия, подчиненных Главному магистрату. Губернаторы и воеводы в этой общей системе не могли сохранить прежнего значения, потому что провозглашено было начало коллегиального устройства, явились рядом с губернаторами как совет их ландраты, без согласия которых губернаторы ничего не могли сделать — губернатор был не начальник, «но яко президент в совете ландратов». Правительство настаивало, чтобы купцы торговали сообща, так как соединение сил, средств и капиталов составляет важное условие успеха в деле торговли, — Петр указал на это средство купцам. Даже и в войне проведена была та же система — поднято было выборное начало, контроль общества: в обер-офицеры выбирались по согласию офицеров всего полка; в штаб-офицеры — по согласию офицеров и генералов всей дивизии. Итак, при изучении преобразовательной

деятельности Петра Великого мы должны обращать внимание на эти начала, на эту его систему, на эту цель, вытекавшие из прежнего состояния России. ||

(Л. 8)* Западные народы далеко опередили нас в эпоху преобразования, как они рабствовали идеям древних народов — греков и римлян, что ясно обнаруживается в их исторических сочинениях и политической деятельности: человек отставший, народ необразованный, сталкиваясь с другим народом, поражается многообразием явлений, ему неизвестных; если этот народ не способен к развитию, то остается холоден к этим явлениям, и если они вводятся к нему, то они его теснят, он не выдержит натиска новых явлений, и этот переворот отразится на его физическом существовании, и народ этот вымирает. Но если народ сильный, по обстоятельствам отставший, встретится в известное время с другим более цивилизованным и пораженный множеством новых идей, он, будучи не приготовлен к принятию этого, чувствует тяжесть этой встречи; он со временем переварит все это, но для этой переварки нужно время, а на первых порах он оглушен новым и начинает рабствовать, подражать ему; старое и новое сталкивается в нем. Огромную силу нужно иметь народу, чтобы пережить этот переворот; русский народ пережил его — но как он пережил? Это нашествие Западной Европы было гораздо тяжелее нашествия половцев и татар, потому что те нашествия на страну были со стороны материальной, а это нашествие было на нравственное существо народа. Вот почему мы не должны презрительно отзываться о людях, принимавших враждебно это нашествие: они уперлись на старом, а люди передовые от этой попытки сближения с цивилизацией разве воротились целы? Передовые люди должны были рабствовать; долгое время прежде рабствовали они перед варварами, но их они осилили; но вследствие борьбы с варварами они отстали от цивилизации, и от этого опять пришлось рабствовать, но уже силе духовной. Народ, выдержавший эти два зла, будет крепок, и смешно упрекать Петра и сочувствовавших ему в этом рабствовании. Народ отставший есть младенец в сравнении с народом, опередившим его в цивилизации, и вследствие этого младенчества русские XVIII столетия должны были рабствовать нравственно перед народами цивилизованными; || (л. 8 об.) явилась громадная масса новых понятий, как же русский народ должен был их переварить? По закону он должен был брать целиком этот наплыв новых понятий. Везде подобные явления сопровождались тем, что народ принимал в свой язык иностранные слова; понятие тесно связано с словом, и — необходимость естественная — с чужим понятием приходится брать и чужое слово. Явление это повторялось не с одним русским народом, книги поляков и немцев XVII и XVIII столетий доказывают это, и никто

---

* Л. 7 об. чистый.

не имеет права глумиться над русским народом за то, что русские времени Петра заговорили каким-то пестрым языком. Поляки и немцы рабствовали древним классическим народам; они приняли древние понятия и вместе с этим приняли в свой язык греческие и латинские слова и писал пестрым языком, польско-латинским или немецко-латинским. Этот модный язык был естественным необходимым результатом рабствования, в котором находились эти народы в отношении к римлянам и грекам. К нам пришла масса понятий и для определения их взяты иностранные слова, и русский язык запестрил, сюда присоединилось и то, что начали читать иностранные книги, и речи авторитетов послужили образцом для своей литературы: свой русский синтаксис не сложился, и поэтому тем легче он подчинился складу чужих речей. Это произошло по естественному закону; понятия о народности не было в России, потому что его не было и в Европе; развитию этого понятия мы обязаны XIX столетию; из подражания древним перешли к подражанию французам и все оттого, что народы не окрепли в своей народности. Всего смешнее то, что наплыв иностранных слов приписывается произволу Петра, между тем как прежде Петра, как только начали сблизаться с иностранцами, то начали появляться иностранные слова. Все русские люди, сблизившиеся с иностранцами, испытали всю тяжесть этого цивилизованного мира до Петра; иностранные слова стали вторгаться всюду — в литературу, в жизнь; так, напр[имер], войсковое преобразование-то взято целиком с иностранного устройства войск со всеми названиями (рейтар, солдат, драгун), а ведь это было при царях Алексее и даже при Михаиле II.

(Л. 9) Все, что начало учиться до Петра у чужих, возвращалось домой, говорящим русским языком, испещренным иностранными словами; знаменитый человек времени Алексея Михайловича Ордын-Нащокин начал писать по-русски таким языком, что трудно читать, потому что он подчинился иностранной литературе; иностранные слова он не смел употреблять, потому что писал к царю, который не понимал иностранных слов, и поэтому Ордын-Нащокин должен был употреблять русские слова для выражения новых понятий и для этого подлаживаться к понятиям царя, а теперь читать его письма едва возможно.

Что о слове и понятиях, то же должно сказать и о целых учреждениях, которые без переварки переносились к нам. Самого Петра Великого и людей его времени можно сравнить с ребенком, который вошел в игрушечный магазин, глаза его разбежались и все ему хотелось бы захватить с собой, все купить и унести к себе домой, не соображая того, что сразу ни купить, ни унести всего нельзя, а можно только постепенно || *.

---

* Л. 9 об.—10 об. чистые без помет.

(Л. 11) Для поверки дела Петра посмотрим на другое явление: все европейские народы хвалятся тем, что христианство есть высший и могущественный элемент для цивилизации, что она есть религия Европы; родилась эта религия в Азии, но в Азии она не могла удержаться, и там явилось вместо ее азиатское христианство — магометанство; распространение христианства в других частях света есть дело Европы. Европейские историки имеют полное право хвалиться, что европейские народы были способнее всех других к принятию христианской цивилизации; как же она у них распространилась? Она сначала распространилась между высшими классами — князь да боярин — народ крестился ради авторитета князя и боярина, и чем далее на север от Киева, тем христианство шло туже; в продолжении веков слышатся жалобы на тугое распространение христианства, что господствует двоеверие; наконец, с течением веков христианство вошло в плоть и кровь русского народа; таким же образом принималось христианство и у других европейских народов — германцев, скандинавов, англичан, но никто из них не скажет, что это тугое распространение христианства было признаком неспособности народа к христианству. Итак, общий закон тот, что хорошее всегда сознается лучшими людьми, а потом уже распространяется и в массе; то же повторилось и теперь. Царь и боярин приняли цивилизацию; в народе — раскольничество, и нужны века, чтобы цивилизация проникнула сверху вниз. Следовательно, если цивилизация встречала препятствия и распространялась медленно, то это решительно не доказательство того, что народ не способен к цивилизации. Для верности исторических выводов нужна широта взглядов, сопоставление однородных явлений и объяснение их одних — другими. Чрезвычайно важное явление в нашей истории XVIII века то, что движение по новому пути не остановилось, а || (Л. 11 об.) напротив, при самом внешнем взгляде мы увидим ход вперед и что вторая половина XVIII века непохожа на первую (относительно распространения цивилизации), что понятия изменились и расширились; что сначала казалось правильным, то во второй половине века кажется неправильным, и первая половина века является варварскою в сравнении со второй; первая половина жила Петром, его деятельностью, и ее исключительно можно назвать петровскою, потому что и после его смерти его деятельность и его особа поднимается все выше и выше, чем при жизни. Этим героям — преобразователям новых обществ после смерти обыкновенно воздаются божеские почести; их нет в обществе, ими созданном, об их человеческих слабостях забывается, и подвиг его растет все более и более; неудивительно, что Петр для людей, сочувствовавших цивилизации, является божеством, а если бы не было христианства, то он и действительно сделался бы божеством для русского человека.

ПРИЛОЖЕНИЯ

«ПУБЛИЧНЫЕ ЧТЕНИЯ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ» С. М. СОЛОВЬЕВА КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Одним из самых ярких по форме и глубоких по содержанию памятников русской исторической мысли XIX в. являются, несомненно, «Публичные чтения о Петре Великом» С. М. Соловьева. Их автор — Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879), крупнейший русский историк XIX в., обогативший отечественную науку и новыми открытиями исторических источников, и созданием капитальных монографий, и фундаментальным 29-томным трудом «История России с древнейших времен». В теоретическом отношении научная деятельность Соловьева представляла собою вершину буржуазной историографии. Его главный труд — «История России...» — до сих пор служит своеобразной энциклопедией русской истории, сводом фактических данных по самым разнообразным аспектам изучения исторического процесса.

Скромной и внешне монотонно-размеренной, лишенной ярких контрастных событий была жизнь этого истинного ученого-подвижника, до предела посвященная научной работе. В любое время года он вставал в 6 часов утра, работал до 9, а в 10 уходил либо в университет, либо в архив. Возвращаясь в четвертом часу домой, он с 5 до 11 часов вновь усиленно трудился — и так изо дня в день в течение десятилетий. Жизнь семьи полностью подчинялась режиму его неустанной работы. Даже детям не позволялось посещать отца в его рабочем кабинете во время занятий. Современник, поражаясь этим, писал: «Никто в эти часы не беспокоил его, вход был запрещен всем без исключения, близкие его знакомые нередко удивлялись такому его распорядку и даже посмеивались над ним»¹. Он не приглашал к себе в дом студентов, не любил принимать гостей, и сам редко ходил в гости. Суровое самоограничение, жесточайший режим и одновременно с этим активное участие в научной, общественно-политической, преподавательской и административной деятельности! Широкий круг умственных интересов, глубокое знание первоисточников, превосходная память, сохранившаяся до последних лет его жизни, — все это выделяло С. М. Соловьева среди всех других историков Почетный член многих научных обществ в России и за границей, прекрасно владевший и

---

¹ Галахов А. Сороковые годы. — Исторический вестник, 1892, № 2, с. 400.

русским, и зарубежным материалом, декан историко-филологического факультета Московского университета в 1864—1870 гг., ректор Московского университета в 1871—1877 гг., директор Оружейной палаты Кремля с 1870 г., академик с 1872, наконец, председатель Московского общества истории и древностей российских — вот кем был С. М. Соловьев к моменту создания им «Публичных чтений о Петре Великом».

Их написание, прочтение и опубликование связано с двухсотлетним юбилеем со дня рождения Петра I в 1872 г., который был необычно широко отмечен и официальной Россией, и многочисленными общественными организациями. По случаю празднования этого юбилея в Москве решено было открыть Политехническую выставку императорского «Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете». Председателем исторического отдела выставки был назначен профессор Московского университета, тайный советник С. М. Соловьев. В проспекте Политехнической выставки об этом отделе было сказано, что в него «войдет все, сохранившееся и уцелевшее от эпохи Петра Великого по разным отраслям, как-то: предметы горного промысла, морского и судоходного дела, макеты сельскохозяйственных построек и орудия, предметы фабричной промышленности, а именно: образцы полотняных, суконных, кожаных изделий, оружейного дела, писчебумажного и переплетного производств, парчовые и шелковые изделия, изделия гончарные, фарфоровые и стеклянные, столовые изделия, предметы искусств — строительного, рисовального и типографского — времени Петра Великого. Тут же поместятся как портреты Петра и деятелей его времени, так и галерея русских деятелей в периоды последующих царствований»².

Об открытии выставки хорошо рассказано в воспоминаниях Д. А. Корсакова, находившегося по случаю празднования юбилея в то время в Москве: «К торжеству открытия выставки, назначенного на 30 мая, день рождения Петра Великого, прибыл из Петербурга генерал-адмирал, великий князь Константин Николаевич. Соловьев был очень озабочен приемом великого князя и объяснением ему «Петровского» павильона на выставке, всюду сопровождая его в мундире придворного ведомства³, со звездой и лентой Белого Орла»⁴.

---

² Политехническая выставка 1872 года в Москве: Список членов. О составе выставки Правила выставки. Льготы по провозу. М., 1871, с. 18—19; см. также: Общее обозрение Московской политехнической выставки. М., 1872.

³ 12 апреля 1872 г. С. М. Соловьев был утвержден ординарным академиком по отделению русского языка и словесности Академии наук. См.: ЖМНП, 1872, № 5, отд. 1, с. 26.

⁴ Корсаков Д. А. Из воспоминаний о Н. И. Костомарове и С. М. Соловьеве. — Вестник Европы, 1906, № 9, с. 270.

Главным событием первого дня выставки были торжества, связанные с прибытием из Петербурга знаменитого ботика Петра I⁵. Этот ботик под охраной морского почетного караула был оставлен на ночь на Курском вокзале, затем по конно-железному пути на платформе, которую везли 40 рабочих, одетых в рубашки цветов русского флага (красные, синие и белые), был доставлен к Москве-реке, спущен на воду и под гром артиллерийского салюта отбуксирован к выставке, где и был установлен⁶.

Выставка получила широкое освещение в периодической печати того времени. Это были и «письма туриста»⁷, и обзоры⁸, и критические очерки⁹. Среди откликов самый подробный разбор помещен в журнале «Гражданин»¹⁰. Детально отразилась выставка и в иллюстрированных журналах того года¹¹. В журнале «Грамотей», обязательном для народных школ и училищ, была помещена информация об открытии выставки и развернутая программа, раскрывающая ее содержание¹².

После закрытия выставки итоги ее работы, оценка и перспективы деятельности Политехнического музея были освещены в отчете секретаря Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии от 15 октября 1872 г.¹³

Подготовка к открытию выставки началась, естественно, задолго до ее начала. Одним из мероприятий, которое должно было

⁵ Торжественное открытие Политехнической выставки.— Известия ОЛЕАЭ, 1874, т. 10, вып. 2, с. 1—2.

⁶ Одновременно с Политехнической выставкой в Москве были организованы художественные выставки, на которых демонстрировались исторические полотна Н. Н. Ге (Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе), Г. Г. Мясоедова (Тиммерман объясняет Петру особенности ботика) и др. Общество любителей художеств объявило даже специальный конкурс на различные темы, связанные с именем Петра I. См.: Яков Б. Общественная жизнь наших столиц: Москва.— Сияние, 1872, № 21, с. 352; А-оя Л. Передвижная выставка в Москве.— Московские ведомости, 1872, 12 мая, № 137, с. 3; М. У. Художественная летопись Москвы: Выставка передвижного товарищества.— ВМПВ, 1872, № 3, с. 2—3.

⁷ Е. В. Пять дней на выставке в Москве.— Вестник Европы, 1872, № 9, с. 118—146.

⁸ Москва и ее выставка.— Отечественные зап., 1872, № 8, с. 18—36; К-а. Несколько дней в Москве (Беглые наброски).— Дело, 1872, № 8, с. 1—24.

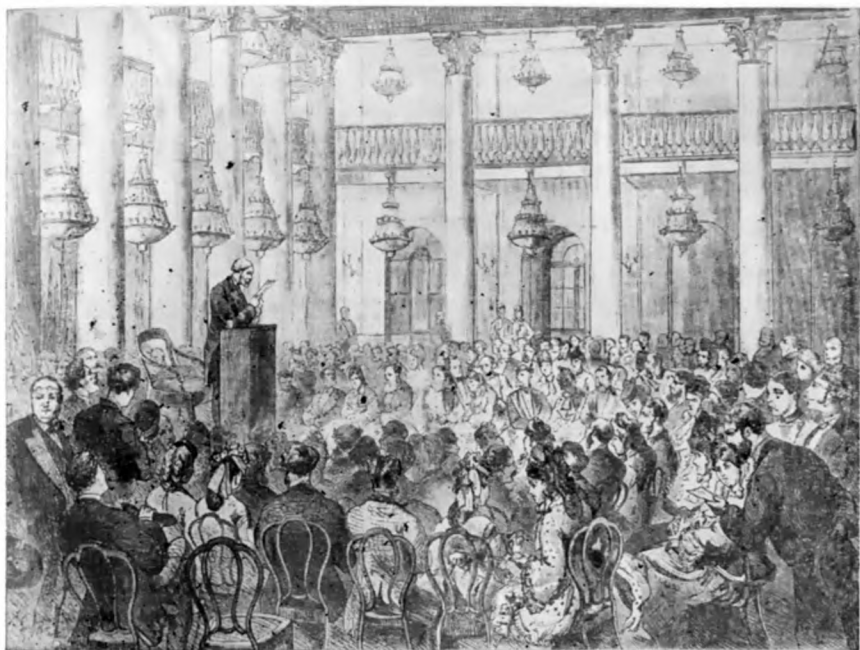
⁹ Очерки Политехнической выставки 1872 г. в Москве.— Беседа, 1872, № 9/10.

¹⁰ Б. К. Н. Политехническая выставка в Москве.— Гражданин, 1872, № 1, с. 194—285.

¹¹ Яков Б. Политехническая выставка в Москве.— Сияние, 1872, № 19, с. 310—312; № 25, с. 416—419; № 26, с. 433—438; № 29, с. 47—50; № 30, с. 62—64; № 33, с. 107—108; № 36, с. 159—160; Нива, 1872, № 27—35; ВИ, 1872, № 180—196.

¹² Никитин С. Московская политехническая выставка 1872 г.— Грамотей, 1872, № 1, с. 76—108; см. также: Н. М. По поводу выставки, устроенной в Москве в память двухсотлетнего юбилея Петра Великого — Там же, № 9, с. 47—67; № 10, с. 51—91.

¹³ Известия ОЛЕАЭ, 1874, т. 10, вып. 2, с. 3—4.

Чтение С. М. Соловьевым лекции о Петре I в зале дворянского собрания в Москве.

Рисунок Г. Бролинга, гравюра К. Вейермана

подготовить столичную публику к этому событию, и были организованные Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии бесплатные публичные лекции о Петре I, которые поручено было написать и прочесть члену комитета политехнической выставки С. М. Соловьеву.

В фонде С. М. Соловьева, находящемся в настоящее время в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, сохранилось свидетельство на право чтения лекций¹⁴.

Лекции, которым придавалось важное общественное значение, читались С. М. Соловьевым в одном из самых больших залов Москвы — в зале Благородного собрания (ныне Колонный зал Дома Союзов), вмещающем более 3 тыс. человек. Они были весьма сочувственно встречены публикой, вызвали всеобщий интерес и получили довольно широкий отклик в периодической печати того времени. Так, в передовой статье первого номера «Вестника Московской политехнической выставки» за 1872 г. говорилось:

¹⁴ ГБЛ, ф. 285, д. VI/4, л. 1.

«Чтобы дать хотя бы общий обзор деятельности Петра Великого московской публике, комитет выставки пригласил своего сочлена, ректора здешнего университета С. М. Соловьева прочесть несколько публичных бесед о значении Петра в истории русского народа... Эти беседы привлекли многочисленную публику из различных классов московского общества и происходили в большом зале Московского благородного собрания...»¹⁵.

В другой корреспонденции той же газеты сообщалось, что «почетное место в деятельности комиссии занимает устройство публичных лекций С. М. Соловьева о Петре Великом; чтения эти, собирающие каждый раз большое стечение бесплатных слушателей, весьма наглядно ознакомили не только с эпохой Петра, но и со значением его великих преобразований»¹⁶.

Весьма сочувственный отклик мы находим и в петербургском иллюстрированном журнале «Сияние»: «Профессор Соловьев читает о Петре Великом в Благородном собрании. Стечение публики громадное. Это как бы увертюра к торжеству, имеющему открыться в мае месяце в первопрестольной столице великой Руси»¹⁷.

Газета-журнал «Гражданин» также поместила материал о лекциях С. М. Соловьева, причем она не просто констатировала интерес к его чтениям, но и отметила сословно-классовый характер контингента слушателей, которые присутствовали на них. Нам известна гравюра, изображающая чтение лекций С. М. Соловьевым. Мы видим на ней, что его слушателями были ученые, сановники, офицеры — представители высшего общества¹⁸. Поэтому и интересен отклик «Гражданина»; в корреспонденции, подписанной «Ю», сообщалось: «6-го февраля, в воскресенье, была первая, по даровым билетам, публичная лекция почтенного историка С. М. Соловьева о Петре Великом; как известно, лекции свои г-н Соловьев читает по поводу предстоящей Политехнической выставки. Громадная зала Московского Благородного собрания была переполнена посетителями, которых собралось всех, внизу и на хорах, до 3000 с лишним человек. На лекцию стеклось почти все высшее общество Москвы, присутствовал и г-н московский генерал-губернатор. Конечно, с полным сочувствием следует отнестись к такому усердному желанию московской публики ознакомиться с жизнью и деятельностью преобразователя России из уст известного ученого специалиста-историка. Но что же узнает о Петре простое население Москвы, разбросанное по обширным окраинам? — думали мы, выходя из собрания по окончании лекции... Следовало бы познакомить обстоятельнее этот народ с личностью того царя, в память которого учреждается выставка; а на послед-

¹⁵ Москва, 1-го мая.— ВМПВ, № 1, с. 1.

¹⁶ Москва, 4-го мая.— Там же, № 4, с. 1.

¹⁷ Яков Б. Общественная жизнь наших столиц: Москва.— Сияние, 1872, № 8, с. 127.

¹⁸ ВИ, 1872, № 179, с. 364.

нию, без сомнения, будет являться большое число лиц из простого народа...»¹⁹.

Одновременно с лекциями С. М. Соловьева в Москве читались курсы публичных лекций по астрономии (проф. Ф. А. Бредихина²⁰), о льне (проф. П. С. Коссова), о миротворении по библии (проф. П. И. Сергиевского). Проводились публичные чтения и в «Славянском базаре»: по истории Москвы (академиком М. П. Погодиным), физике (проф. Н. А. Любимова), русской истории (проф. Н. А. Попова), медицине (д-ра М. И. Войнова), военной истории (С. Н. Мезенцова). Нередко эти лекции проводились в воскресные дни, т. е. когда их читал С. М. Соловьев. Следовательно, слушатели имели свободу выбора.

Конечно, лекции о юбилее Петра I читались не только в Москве. Не было ни одного крупного научно-исследовательского учреждения, общества, высшего учебного заведения, которые не откликнулись бы на эту дату. Кроме Соловьева, с публичными чтениями о Петре I выступали и другие видные историки: 31 мая 1872 г. К. Н. Бестужев-Рюмин докладывал на торжественном собрании С.-Петербургского университета²¹, профессор римско-католической духовной академии А. Д. Ивановский читал публичные лекции в Петербургской городской думе и в Русском купеческом обществе²². На торжественном собрании Академии наук 31 мая 1872 г. произнесли речи академики Я. К. Грот, К. С. Веселовский, О. В. Струве. Выступали и популяризаторы исторических знаний, например Ф. Витберг. И. И. Шалфеев читал лекции в педагогическом музее военно-учебных заведений, К. Л. Кустодиев 30 мая 1872 г. — в собрании русских в Карлсбаде, М. П. Смирнов в

¹⁹ Ю. По поводу публичной лекции профессора Соловьева.— Гражданин, 1872, № 8, с. 279. Отклики периодической печати того времени на остальные лекции С. М. Соловьева даются в комментариях к настоящей публикации.

²⁰ В отзыве «Всемирной иллюстрации» читаем: «Лекции последнего нам посетить не удалось, но, если верить общим отзывам, они отличаются необыкновенно искусным и популярным изложением и привлекают многочисленную публику. О лекциях по богословию профессора Сергиевского мы не упоминаем, так как они, во-первых, не имеют общего с предстоящей выставкой, во-вторых, интересуют публику весьма мало, и, в-третьих, они печатаются в «Православном обозрении», где всякий легко может с ними познакомиться.. Лекции Бредихина не даровые, но сбор с них, как мы слышали, назначен автором на покупку какого-то дорогого астрономического снаряда для нашей обсерватории» (Филиппов в М. А. Из Москвы.— ВИ, 1872, № 165, с. 142).

²¹ Бестужев-Рюмин К. Н. Причины различных взглядов на Петра Великого в русской науке и русском обществе.— ЖМНП, 1872, № 6, с. 149—156 В Харьковском университете речь о значении Петра Великого в русской истории произнес М. Н. Петров (Харьковские губернские ведомости, 1872, № 83, 84, 86, 87).

²² Ивановский А. Д. Беседы о Петре Великом и его сотрудниках. СПб., 1872; Петербургский листок, 1872, № 40, с. 1; Русский мир, 1872, № 51, с. 2; вторая лекция А. Д. Ивановского получила отклик в газете «Биржевые ведомости» (1872, № 75, с. 2).

В. И. Григорович — на торжественном акте Новороссийского университета, Н. Леонтьев прочел свою речь в Астрахани ²³.

Помимо 12 публичных лекций о Петре I С. М. Соловьев в день открытия выставки прочитал особую лекцию на торжественном акте Московского университета. Воспоминания Д. А. Корсакова воссоздают картину этого события: «Великий князь (Константин Николаевич.— Л. П.) прибыл в университет в коляске с Соловьевым, вошел в актовЫй зал рядом с ним, любезно разговаривая, и ушел точно так же. Соловьев читал на акте речь о Петре Великом и — что меня поразило — читал по тетради, с большим затруднением разбирая свой собственный почерк (весьма, впрочем, мелкий) и постоянно приближая листы рукописи то к одному, то к другому канделябру, стоящим на кафедре» ²⁴.

Журнальная критика сочувственно отнеслась к этой речи ²⁵ С. М. Соловьева. Так, в журнале «Грамотей» особо были выделены слова из нее: «Если бы мы были язычниками, то Петр стал бы для нас божеством—покровителем труда» ²⁶.

²³ Грот Я. К. Петр Великий как просветитель России.— Сб. Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1873, т. 10, № 3, с. 1—56 и отд. отт.; Веселовский К. С. Петр Великий как учредитель Академии наук. СПб., 1872 (отд. отт.— Зап. Академии наук, т. 21, кн. 1, с. 20—30); Струве О. В. Об услугах, оказанных Петром Великим математической географии России. СПб., 1872 (отд. отт.— Зап. Академии наук, т. 21, кн. 1, с. 1—19); Витберг Ф. Письмо в редакцию.— Новое время, 1874, № 42, 54, 60; Шалфеев И. И. Царь Петр Великий. 30 мая 1672 года — 30 мая 1872 года. Чтение для народа. СПб., 1872; Празднование двухсотлетнего юбилея Петра Великого в имп. Новороссийском университете 31 мая 1872 г. Одесса, 1872; Леонтьев Н. О значении Петра Великого для России вообще, и в частности для Астраханского края. Астрахань, 1873.

²⁴ Корсаков Д. А. Указ. соч., с. 270. Достоверность воспоминаний Д. А. Корсакова подтверждается и архивными данными В уже упоминавшемся фонде С. М. Соловьева сохранился автограф заключительной части его речи, произнесенной 30 мая 1872 г. (по сравнению с изданием 1872 г. это с. 127, четырнадцатая строка снизу «[не]льзя терять времени...» и до конца речи). Почерк С. М. Соловьева крайне неразборчивый и мелкий, с довольно большим количеством поправок и вставок. В характеристике фонда С. М. Соловьева настоящее дело обозначено как «Статья о Петре I». Это, конечно, ошибочно. Равным образом и автограф С. М. Соловьева «О Петре I», значащийся в фонде под шифром VII/11, представляет собою отрывок из «Общедоступных чтений о русской истории» (чтение XII — по изданию 1874 г с. 222, восьмая строка сверху — «было не видать» — 227, тринадцатая строка сверху — «когда по Неве уже пла-»)

²⁵ Речь С. М. Соловьева (см. ее в нашей книге) публиковалась несколько раз — в полном виде: Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1872; и в сокращенном — в протоколах заседаний Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.— Известия ОЛЕАЭ, 1874, т. 10, вып. 2, с. 2—4

²⁶ Н. М. По поводу выставки, устроенной в Москве в память двухсотлетнего юбилея Петра Великого, с. 51. Эта речь была перепечатана и в газетах (см.: Московские ведомости, 1872, № 139—140; Курские губернские ведомости, 1872, № 44/48; Сын отечества, 1872, № 125, с. 2) и переведена на сербский язык (об этом см.: Попов Н. А. Материалы для биографии С. М. Соловьева (1820—1879).— ГБЛ, ф. 285, д. VI/10, л. 57; Соловьев С. М. Беседа говорена

[The page contains a handwritten manuscript in Russian, which is extremely faint and largely illegible. The text appears to be a continuation of the public readings mentioned in the caption. There are some faint words and phrases visible, such as "Петр Великий" and "С. М. Соловьев", but the majority of the text is too light to transcribe accurately. The handwriting is in a cursive style typical of the 19th century.]

Последний лист рукописного оригинала «Публичных чтений о Петре Великом».

Автограф, ГБЛ

На торжественном акте им был прочитан сокращенный вариант речи. Конечно, С. М. Соловьев не мог читать ее полный текст: для этого потребовалось бы не менее полутора часов, а ведь, кроме С. М. Соловьева, выступили еще три оратора. До нас дошла гравюра, изображающая этот торжественный акт: украшенные зелеными гирляндами колонны, бюст Петра, блестящее придворное общество, строгие сюртуки ученых²⁷.

Наконец, 4 июня 1872 г. С. М. Соловьев выступил на обеде в честь иностранных представителей Политехнической выставки. Вот как описывает это событие корреспондент «Московских ведомостей»: «Ректор Московского университета С. М. Соловьев выразил желание говорить на русском языке, припомнив слова г-на Штейнбейса, что только на родном языке можно говорить от полноты сердца. „Россия,— сказал он, обращаясь к русским и иностранцам,— справляет двухсотлетний юбилей Петра. Завещание усопшего императора исполнено. Иностранцы приветствуют Россию. Но что же Россия скажет им в ответ? Русские от искреннего сердца пожелают уничтожения нелепого предрассудка, будто бы цивилизация России может быть в ущерб Европе, что мы, завоевательный народ, жаждем чужого. Пусть взглядевшись внимательно в настоящее и прошедшее России, они убедятся, что задача ее иная. Ни у одного народа нет меньше побуждений желать чужого: у нас громадная страна, требующая возделания во всех отношениях; станем ли мы желать ее приращения? Наука прежде всего нужна пока; под ее знаменем мы пришли к западноевропейским народам и никогда не покидали этого знамени, которое есть вместе знак мира, знак дружбы между народами. У западноевропейских народов свои счета, но у нас с ними счетов нет, кроме счетов научных; жестоко просчитавшись друг с другом, они приходят теперь к нам во имя науки и говорят только слова мира; в их борьбах мы естественный посредник, ибо мы не хотели ничего от них, кроме плодов науки; мы не хотели забыть ни одного из них: они для нас дороги как деятели на поприще науки, цивилизации. Представитель Швеции вспомнил о старых наших счетах с его отечеством, но воздал хвалу нашему Петру как честно ведущему борьбу; мы ответим ему, что честная борьба кончилась честным миром, и нет причин к его нарушению. За нами все славянские племена, но и у них то же стремление, как и у нас“. Оратор закончил следующие тостом: „за братство народов Европы, всех и каждого, во имя науки, во имя цивилизации“.

Уже с половины речи на маститого оратора со всех концов залы восторженные слушатели стали кидать цветы. Дождь цветов становился все гуще, полетели букеты, гирлянды, вазы опустели.

приликом двестагодишние светковине Петру Великому.— Единство, Белград. 1872, № 137—149.

²⁷ Петров П. Н., Шубинский С. Н. Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого. СПб., 1872. с 269

Слушатели вскакивали с мест, при громких криках „браво“! обнимали и целовали оратора. Окружили его тесной толпой, подняли на руки и несколько раз высоко поднимали вверх»²⁸.

Но, конечно, публичные лекции о Петре I не были единственной формой ознакомления русского общества того времени с жизнью и трудами первого русского императора. Гораздо большее значение имела книгоиздательская деятельность, принявшая в связи с юбилеем поистине грандиозный размах²⁹. Поэтому для того чтобы понять историографическое значение публичных чтений о Петре I С. М. Соловьева, необходимо хотя бы бегло обозреть эту юбилейную литературу, выделить из нее работы научного характера, а затем показать место книги С. М. Соловьева в исторической литературе того времени.

Прежде всего необходимо отметить, что Петровский юбилей послужил поводом к опубликованию ряда источников, связанных с именем Петра I. Среди этих изданий заслуживает упоминания двухтомный «Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом» (М., 1872), «Письма Петра Великого, хранящиеся в имп. Публичной библиотеке, и описание находящихся в ней рукописей, содержащих материалы для истории его царствования, составленное А. Ф. Бычковым» (СПб., 1872)³⁰, а также серьезный библиографический труд — подробный каталог иностранных сочинений о России, находящихся в Публичной библиотеке³¹.

Все крупные журналы того времени в той или иной форме, естественно, откликнулись на юбилейную дату³², причем не только литературные и общественно-политические ежемесячники,

²⁸ Московская политехническая выставка.— Московские ведомости, 1872, 6 июня, № 141, с. 3; см. также: *Скромный Наблюдатель*. Заметки и наблюдения.— Русские ведомости, 1872, 6 июня, № 126, с. 3; Обед 4 июня.— ВМПВ, 1872, № 37, с. 2; Московская Политехническая выставка.— Образование и промышленность, 1872, 6 июня, № 12, с. 4.

²⁹ Достаточно упомянуть, что в библиографическом указателе источников литературы петровского юбилея 1872 г., составленном В. И. Межовым, зарегистрировано более тысячи названий (см.: *Межов В. И.* Юбилей Петра Великого. СПб., 1881). В то же время следует сказать, что он учитывал опубликованные в периодической печати материалы лишь по названиям, не знакомых с их содержанием. Это привело к тому, что отклики печати на публичные лекции С. М. Соловьева не были им учтены. Поэтому для комментирования настоящей публикации были заново просмотрены все важнейшие журналы и газеты того времени, что и дало возможность показать общественный резонанс публичных лекций, их место в духовной жизни той поры.

³⁰ Полный перечень источников, относящихся к Петру I и изданных по случаю его юбилея, см.: *Межов В. И.* Указ. соч., с. 1—34.

³¹ *Мицлов Р.* Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872.

³² См.: *Русский вестник*, 1872, № 3 и 5; *Дело*, 1872, № 7; *Соловьев С. М.* *Время Людовика XIV на западе, время Петра Великого на востоке Европы.*— *Беседа*, 1872, № 1/4, 11—12; *Барсов Е. В.* *Петр Великий в народных преданиях Северного края.*— Там же, № 5, (от. отл. М., 1872). Полный перечень научных работ, вышедших в 1872—1880 гг., см.: *Межов В. И.* Указ. соч., с. 35—42.

но и популярные, иллюстрированные еженедельники. Так, в «Сиянии» был помещен очерк о деятельности Петра I (№ 23—26), «Нива» посвятила Петру I № 2, опубликовав большую статью: «Петр Великий, первый русский император и преобразователь государства» без подписи; «Петровский сборник», изданный «Русской стариной», представлял собой отдельный оттиск из VI книги этого журнала за 1872 г. и содержал обычные для данного издания публикации различных исторических материалов, связанных с эпохой Петра I³³.

Юбилейный год ознаменовался выходом в свет различного рода литературных произведений, связанных как с образом самого Петра I, так и с его эпохой³⁴. Н. Тихомиров составил специальный сборник «В память Петра Великого, 1672—1872: Сборник литературных произведений, относящихся к Петру Первому, изданный по поводу двухсотлетнего юбилея рождения царя-преобразователя». СПб., 1872. В историческом разделе этого сборника приведены высказывания о Петре I С. М. Соловьева, Н. Г. Устрялова, И. Е. Забелина, Н. П. Полевого и других ученых, народные песни и отрывки из произведений М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, А. С. Пушкина.

К юбилею Петра I вышло большое число брошюр, предназначенных для широкой публики³⁵. Так, подробно и популярно П. Н. Петровым был написан биографический очерк «Петр Великий, последний царь московский и император всероссийский (1672—1725)», вышедший в 1872 г.³⁶ Подобного рода биографические очерки, лишь более краткие, были напечатаны и в некоторых журналах³⁷. Иллюстрированную «Историю Петра Великого» подготовил В. Золотов (СПб., 1872) — она была составле-

³³ Отзыв на этот сборник см.: Дело, 1872, № 7, с. 52—53. (Современное обозрение); Отечественные зап. 1872, № 7, с. 138—184.

³⁴ См., например: *Кукольник Н.* Из жизни Петра Великого: Позументы. СПб., 1872; *Кельсиев В. И.* При Петре: Историческая повесть времен преобразования России. М., 1872.

³⁵ *Божемянов И.* Очерк развития искусств в России в царствование Петра Великого. СПб., 1872; *История медицины в России в царствование Петра Великого.* СПб., 1872; *Юбилей Петра Великого и торговый флот России* М., 1872; *Унтербергер Ф.* Что Петр Великий сделал по скотоврачебной части в России? Дерпт, 1872; *Достопамятные сказания о жизни и делах Петра Великого, 1672—1725.* СПб., 1872; *Петербург при Петре Великом.* СПб., 1872; *Бюржер А. Н.* Двукратное посещение государем Петром Великим Соловецкого монастыря. СПб., 1872; *Языков А.* Пребывание Петра Великого в Саардаме и Амстердаме в 1697 и 1717 годах. Берлин, 1872; *Огородников С. Ф.* Петр Великий в Архангельске и плоды пребывания его на нашем Севере. Архангельск, 1872; *Кустодиев К. А.* Петр Великий в Карлсбаде, 1711 и 1712: Исторические воспоминания. Будапешт, 1873.

³⁶ Сокращенный вариант этой книги раздавался на праздновании юбилея Петра I в Петербурге.

³⁷ См., например: *Н. А.* Петр Великий, первый русский император.—Грамотей, 1872, № 4/5; *Белов Е.* Петр Великий. СПб., 1872; *Петр I и его время.*—ВИ, 1872, № 178—189.

на по типу обычных для того времени изданий, предназначенных «для народа»³⁸. Вообще следует сказать, что таких полулубочных, а порой и откровенно лубочных книг к юбилею вышло довольно много.

В этом отношении весьма интересен обзор юбилейной литературы (главным образом для народа) в журнале «Дело» с таким выводом в конце: «Грустно, очень грустно, что русская литература, вызванная к жизни Петром Великим, оказалась бессильною создать что-нибудь, более достойное и приличное для его двухсотлетнего юбилея...»³⁹. Об отсутствии хороших книг о Петре I сказано и в критической статье из газеты «Гражданин»: «Биография Петра Великого, как слышно, больше распространена между читающими японцами, чем между нашим грамотным простонародьем, который если и знает что-либо о Петре, то единственно благодаря шуту Балакиреву»⁴⁰.

Двухсотлетие со дня рождения Петра I было использовано многими тогдашними журналами как повод для критических «внутренних обозрений»⁴¹. Своеобразным итогом стал «Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого» (СПб., 1872, изд. Г. Гоппе). Богато иллюстрированное издание не только освещало историю Петра I, но и рассказывало, как проходило празднование 30 мая 1872 г. в Петербурге, Москве и в провинции⁴².

Этот обзор юбилейной литературы свидетельствует о том, что «Публичные лекции...» С. М. Соловьева — самое фундаментальное и солидное с научной точки зрения исследование среди изданий юбилейного года⁴³. Правда, справедливости ради следует все же отметить, что откликов в научной печати на данный труд не было. Ученые обошли его молчанием. Известна лишь одна небольшая заметка, скорее аннотация, да и то лишь в газете «Гражданин», в которой о книге С. М. Соловьева сказано очень кратко: «Две-

³⁸ См., например: *Новаковский Вл.* Биографические очерки: Царь-богатырь Петр Великий. СПб., 1870; *Макарова С. М.* Как и чему учил Петр Великий народ свой. СПб., 1872.

³⁹ й. Юбилейно-петровская литература.— *Дело*, 1872, № 7, с. 48 (Современное обозрение).

⁴⁰ *Ш.* По поводу юбилея Петра Великого.— *Гражданин*, 1872, № 13, с. 477.

⁴¹ См., например: *Дело*, 1872, № 6, с. 91—92; *Отечественные зап.*, 1872, № 4, с. 241—243; *Вестник Европы*, 1872, № 6, с. 218—234; *Сияние*, 1872, № 38, с. 191—193; *Нива*, 1872, № 24, с. 382—383.

⁴² Альбом был в свое время преподнесен германскому и австрийскому императорам (см.: *Голос*, 1873, 23 авг., № 58). Такого же типа были издания: *Иверсен Ю. Б.* Медали на деяния императора Петра Великого. СПб., 1872; *Фридебург И. К.* Портреты и другие изображения Петра Великого: Памяти 30 мая 1872 г. СПб., 1872; *Современники и деятели императора Петра I-го Великого: Исторический альбом портретов известных лиц, составленный и изданный художником А. М. Лушевым.* СПб., 1872. Помимо этого роскошного альбома, А. М. Лушев выпустил другой, более дешевый: *Юбилей 1672—1872. Петр I Великий и его деятели: Исторический альбом.* СПб., 1872.

⁴³ Информацию о выходе в свет «Публичных чтений...» С. М. Соловьева см.: *ВИ*, 1872, № 189, с. 99.

надцать чтений на 118 страницах в четверку и на остальных университетская юбилейная речь о Петре Великом известного нашего историка С. М. Соловьева. Лучшая до сих пор книга для ознакомления с характером лица и деятельностью величайшего русского человека. Этот ценный вклад в наше общественное сознание вызван ближайшим образом недавним двухсотлетним юбилеем Великого Петра»⁴⁴.

Восполним же историографический пробел и попытаемся определить ценность «Публичных чтений...» в сравнении с предшествовавшей исследовательской деятельностью Соловьева и указать на основные черты этой работы, помня, конечно, об эволюции его взглядов.

Чтобы правильно понять труд С. М. Соловьева, следует обязательно принять во внимание, что его исторические воззрения сложились в предреформенный период. Они, как это уже установили советские историки⁴⁵, явились значительным шагом вперед по сравнению с предшествовавшими им концепциями как дворянских, так и буржуазных историков. Главный труд его жизни — «История России...» — основан на огромном архивном материале, открытом и обработанном автором. С. М. Соловьев изложил этот собранный им материал под углом зрения исторической закономерности, какой он ее себе представлял. Он сумел связать факты в единую и стройную систему и создать исключительную по силе и выразительности картину целостного исторического процесса многовекового развития России. Взгляды и концепции С. М. Соловьева оказали глубокое влияние на всю последующую русскую буржуазную историографию. Его без преувеличения можно назвать крупнейшим русским историком XIX в.⁴⁶

Умеренный либерал по политическим взглядам, значительно поравневший к 70-м годам по сравнению с первыми годами своей научной и общественной деятельности⁴⁷, С. М. Соловьев к мо-

⁴⁴ Гражданин, 1873, 1 янв., № 1, с. 23.

⁴⁵ См. об этом подробнее: Черепнин Л. В. С. М. Соловьев как историк. — В кн.: История России, кн. 1, с. 18—22; Иллерицкий В. Е. Новое издание «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева. — *Вопр. истории*, 1960, № 10.

⁴⁶ Литература о С. М. Соловьеве как историке огромна. См. библиографический указатель: История исторической науки в СССР: Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965. Из последних работ следует указать: Цамугали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977; Колесник И. И. Полемика вокруг «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева в русской дореволюционной историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980; Соловьев С. М. Избр. труды. Записки/Изд. подготовили А. А. Левандовский, Н. И. Цимбаев. М., 1983. В эту книгу вошли и «Публичные чтения о Петре Великом» с комментариями составителей, которые частично использованы в настоящем издании.

⁴⁷ Характеристику социально-политических и теоретических основ исторической концепции С. М. Соловьева см.: Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев, с. 44—90.

менту создания «Публичных чтений...» давно уже мечтал о некоем надклассовом «народном» государстве во главе с сильным монархом⁴⁸. Идеализация С. М. Соловьевым образа Петра I способствовала появлению ложных трактовок самодержавия как власти, предназначенной для удовлетворения требований народа.

Нельзя не заметить и того, что как раз либеральность, умеренность взглядов Соловьева подчеркивалась буржуазной историографией, особенно ее правым крылом. Показательна в этом плане речь проф. Д. И. Иловайского на заседании Московского археологического общества, посвященном памяти С. М. Соловьева, в которой говорилось, что «Сергей Михайлович именно отличался умеренностью: он чтит консервативные начала в жизни народов, верил в прогресс, но только постепенный, и был ревностным сторонником великих реформ петровских и нашего времени»⁴⁹. Еще один знаменательный факт, как-то обычно ускользавший от внимания историков, инцидент, происшедший на кладбище в годовщину смерти С. М. Соловьева в 1880 г., когда на его могилу неизвестно кем был возложен венок с зашифрованной надписью, которая указывала на страницу из его работы об Александре I («Император Александр I. Политика. Дипломатия»). На этой странице автор вновь говорил о необходимости иметь в стране либеральное, но сильное правительство⁵⁰. Правда, в более позднее время историки чаще отмечали гражданский характер публичных выступлений С. М. Соловьева: «Историк понимал, какие огромные силы таились в этой реформе (речь идет о реформах Петра I.— Л. П.), сознавал ее значение в создании будущего русского народа. Этим и объясняется тон и характер его популярных чтений о Петре Великом; в них сказался историк-гражданин»⁵¹.

И действительно, С. М. Соловьева никак нельзя назвать кабинетным ученым. Ведь не случайно его работа «История падения Польши» вышла в 1863 г., в год польского январского восстания, а монография «Император Александр I. Политика. Дипломатия» — в 1877 г., когда началась русско-турецкая война!

Помимо 29-томной «Истории России...», С. М. Соловьев создал значительное число работ, посвященных отдельным периодам русской истории, историографии, вопросам теории историче-

⁴⁸ Интерес С. М. Соловьева к образу Петра I и его преобразовательной деятельности, несомненно, питался политическими надеждами либеральной интеллигенции 60—70-х годов XIX в., жаждавшей реформ, но реформ — сверху, умеренных. Отсюда и утверждение С. М. Соловьева, что превращение древней России в новую было результатом роста народного самосознания (см.: Соловьев С. М. Публичные чтения..., с. 18).

⁴⁹ Иловайский Д. И. Памяти С. М. Соловьева.— Древняя и новая Россия, 1880, № 1, с. 19.

⁵⁰ Эпизод на годовщине смерти С. М. Соловьева.— Исторический вестник, 1880, № 12, с. 871—872.

⁵¹ Круковский А. С. М. Соловьев (к 35-летию смерти историка).— Филологические записки Воронеж. 1914 № 4, с. 508.

ского процесса. Преодолев славянофильские увлечения, С. М. Соловьев примкнул к западникам, причем и в их лагере он занимал весьма умеренные либеральные позиции. Он всегда был далек от революционно-демократического направления в русском освободительном движении, страшился выступления народных масс, отрицал закономерность классовой борьбы против феодального государства. К моменту создания «Публичных чтений...» С. М. Соловьев находился на вершине своей научной славы, был признанным главой московской школы историков, крупнейшим знатоком архивов. Он был ученым со сложным и противоречивым мировоззрением. Будучи противником крепостного права, он в то же время оправдывал введение самого института этого права феодальным государством; более того, будучи противником насильственного свержения крепостничества, уповал на освобождение крестьян «сверху». Так, он был обличителем духовенства... и в то же время глубоко верующим религиозным человеком, убежденно признававшим нравственные идеалы православия, которое он ставил выше католичества. Так, он искренне считал себя западником и гегельянцем — и в то же время ему не были чужды и некоторые славянофильские оценки истории допетровской Руси. В его творчестве переплелись и слились в единое целое разные грани его мировоззрения: уверенность в объективности и закономерности исторического процесса мирно сосуществовала с отрицанием необходимости революционных переворотов для России. В творчестве С. М. Соловьева желание подчеркнуть объективные факторы общественного и исторического развития прекрасно уживалось с глухо субъективной оценкой роли государства в истории народа. При этом нельзя не заметить, что государственное начало возводилось им чуть ли не в ранг абсолютной идеи в той философско-исторической концепции, приверженцем которой он был.

Юбилейный характер «Публичных чтений...» наложил, конечно, свой отпечаток на это произведение. Автор, видимо, и не стремился к исчерпывающей полноте в раскрытии темы, к полной объективности. Он сосредоточил внимание главным образом на положительных сторонах деятельности Петра I. Популярный характер «Публичных чтений...» сказался в том, что С. М. Соловьев не включил в них каких-либо новых архивных материалов, кроме тех, которые послужили основой для написания XII—XVIII томов «Истории России...». Но это вовсе не означает, что в «Публичных чтениях...» нет ничего нового: новизна в том, что в ряде случаев изменены акценты при изложении уже известных фактов, да и сама тема раскрывается иначе. С. М. Соловьев если и не отказывается в корне от прежних оценок рассматриваемых им явлений по сравнению с теми, что были даны в «Истории России...», но все же придает им иное звучание. Так, по-новому, более подробно и конкретно он поставил и решил вопрос о роли «великих людей» в историческом процессе. Вопрос этот поднимался и раньше

ше в русской историографии, но в его трактовке С. М. Соловьев пошел дальше, например, Т. Н. Грановского, также подчеркивавшего творческую роль личности⁵²: по Соловьеву, «великие люди», улавливая потребности развивающегося государства, играют ведущую роль в истории, сливаясь практически с народом и одновременно возвышаясь над ним⁵³. Вождь стоит впереди народа: «почва для истории великого человека есть история народа»⁵⁴. С. М. Соловьев утверждал, что смысл и значение великого человека могут быть правильно поняты и оценены лишь в связи с историей народа, его породившего: «Великий человек является сыном своего времени, своего народа... он высоко поднимается как представитель своего народа в известное время... деятельность его получает великое значение, как удовлетворяющая сильной потребности народной, выводящая народ на новую дорогу, необходимую для продолжения его исторической жизни. При таком взгляде на значение великого человека и его деятельности высоко поднимается народ; его жизнь, история являются целью, органической, не подверженной произволу одного сильного средствами человека, который может остановить известный ход развития и толкнуть народ на другую дорогу вопреки воле народной»⁵⁵.

Иными словами, С. М. Соловьев стремился всеми способами и мерами подчеркнуть и даже доказать общенародный (в его понимании этого термина!) характер петровских преобразований. Вопрос этот имел в то время не только отвлеченно-теоретический, сугубо научный характер; он был одновременно и жгучим вопросом современности. Вообще следует отметить, что «Публичные чтения...» С. М. Соловьева — это факт не только историографии, это памятник и общественно-политической мысли того времени. Лектор живо откликался на современную ему действительность, полемизируя с другими точками зрения на историческое развитие России, на роль отдельных классов и сословий в ее судьбе. Его лекции сразу после прочтения становились достоянием широкой образованной публики, на них часто присутствовали корреспонденты столичных журналов и газет, которые в меру своих знаний и сил откликались на высказываемые в лекциях идеи. При этом

⁵² Виноградов П., Грановский Т. Н. Задачи всеобщей истории.— В кн.: Сборник в пользу недостаточных студентов университета св. Владимира. СПб., 1895, с. 308—324; Асиновская С. А. Из истории передовых идей в русской медиевистике (Т. Н. Грановский). М., 1955, с. 138—139.

⁵³ Рассматривая эволюцию взглядов С. М. Соловьева, М. О. Коялович отмечал, что историк иногда отступал от прежних точек зрения и добавлял: «В своих публичных чтениях и статьях отступлений этих он делает еще больше. Довольно указать, что в чтениях о Петре этот гениальный государь как бы слит автором с русским народом, и в делах Петра автор видит подвиг самого русского народа» (Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884, с. 387—388).

⁵⁴ Соловьев С. М. Публичные чтения..., с. 5.

⁵⁵ Там же, с. 2.

нередки были случаи, когда журналисты и не соглашались с С. М. Соловьёвым. Достаточно посмотреть отклики на лекции, помещенные в комментариях к настоящему изданию, чтобы убедиться в этом. Характерна в этом плане корреспонденция М. Ф-ва «Из Москвы» во «Всемирной иллюстрации» за 1872 г.⁵⁶

Говоря о «Публичных чтениях...» как о памятнике исторической мысли, следует отметить, что в них отражена глубокая заинтересованность русского народа в преобразованиях первой четверти XVIII в. Чтобы доказать этот тезис, автор дал развернутый исторический экскурс в дореформенный период, убедительно показав, в чем историческое своеобразие истории России по сравнению со странами Западной Европы. С. М. Соловьёв подчеркивает при этом и различие природных условий, географический фактор и его влияние на роль исторического процесса. Он верно отметил, что золотоордынское иго было тормозом в развитии нашей страны, справедливо подчеркнул прогрессивную роль Русского централизованного государства в присоединении и освоении новых земель на востоке. Как и в «Истории России...», в «Публичных чтениях» он еще раз высказал мысль о неизбежности закрепощения крестьянства, хотя и выразил его в эмоционально-образной форме: «Прикрепление крестьян — это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении»⁵⁷. Только закрепощение крестьян, по мнению Соловьёва, могло дать правительству возможность поддержать всех служилых людей экономически и тем самым обеспечить безопасность государственных границ, национальную самостоятельность и независимость. В комментариях к настоящей публикации (см., например, 20) показана вся несостоятельность этой точки зрения, там же указана и литература вопроса, к которой мы отсылаем читателя.

Таким образом, на первое место С. М. Соловьёв поставил экономическую потребность страны в реформах начала XVIII в. — это было и верно, и своевременно. Но автор ничего не сказал об идеологической подготовке этих реформ. Русская историография в то время только-только приступала к разработке этой большой проблемы, в полной мере еще не решенной и в наши дни.

Итак, реформы Петра I — это «народное дело», а сам Петр — «народный царь». Такая оценка деятельности Петра I была намечена С. М. Соловьёвым еще в «Истории России». В «Публичных чтениях...» она и углублена, и расширена: в них Петр I предстает как «великий учитель народа», «царь-работник», «богатырь новой России»⁵⁸, мудрый царь-реформатор, с помощью государственной власти направлявший движение России по новому руслу. Вообще

⁵⁶ ВИ, 1872, № 165.

⁵⁷ Соловьёв С. М. Публичные чтения..., с. 14.

⁵⁸ Там же, с. 32.

следует сказать, что в «Публичных чтениях...», как и в «Истории России», С. М. Соловьев все внимание сосредоточил на раскрытии положения государства в историческом процессе. Говоря о народе, подчеркивая его значение, он все же решающую роль отводил государству, т. е. был историком-государственником⁵⁹. Но Соловьев шел еще дальше: деятельность самодержавного императора трактовалась им как власть, способная и выражать общенародные стремления, и действительно удовлетворять народные требования.

Историография давно отметила характерную для либерозрения С. М. Соловьева черту — эволюцию умеренных либеральных взглядов юности к более и более правым в зрелом возрасте (хотя во многом его взгляды оставались либеральными!). Сопоставление «Публичных чтений...» с «Историей России» убедительно это подтверждает. В последней реформы Петра I рассматривались как коренной перелом в историческом развитии страны. Автор сравнивал их и деятельность Петра I даже с Великой французской революцией. В «Публичных чтениях...», наоборот, С. М. Соловьев подчеркивал не революционный, а эволюционный характер петровских реформ.

«Публичные чтения...» содержат много глубоких и верных конкретно-исторических наблюдений. Среди них необходимо выделить оценку значения реформ Петра I для экономического развития городов в России или очень верную характеристику внутренних преобразований первой четверти XVIII в., приведших к укреплению внешнеполитических позиций государства. В наши дни, когда буржуазная историография стремится исказить истинный смысл петровских преобразований, представить деятельность Петра I как экспансионистскую и захватническую, агрессивную, весьма актуально звучат оценки С. М. Соловьева этой проблемы. Он писал, что война, в том числе и Северная, — это всего лишь «средство для преобразований», «школа для народа, который хотел занять почетное место среди других народов, не выпрашивать цивилизацию как милость, но предьявить на нее свои бесспорные права»⁶⁰. Итак, решающее значение, по Соловьеву, имеют внутренние преобразования, внешнеполитические акции играют служебную роль в истории страны, содействуя активизации народных сил. Война есть «тяжкая необходимость для произведения экономического переворота в народной жизни»⁶¹ — вот вывод, к которому приходит С. М. Соловьев.

Отмечая прогрессивность многих научных выводов С. М. Соловьева, несомненную научную значимость его «Публичных чтений...», высокое профессиональное мастерство историка, мы не должны закрывать глаза и на классовую ограниченность его

⁵⁹ См. об этом подробнее: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960, т. 2, с. 121 и др.

⁶⁰ Соловьев С. М. Публичные чтения..., с. 60.

⁶¹ Там же, с. 73.

взглядов буржуазного историка-либерала. Эта ограниченность особенно ярко проявляется, когда речь заходит о крепостнической политике Петра I. Крепостное состояние рассматривалось С. М. Соловьевым как «зло», «старое зло Русской земли», уничтожить которое Петр I не имел никакой возможности («Всякий, кто внимательно взглянет в состояние России при Петре, посмеется более чем детской мысли, что Петр мог освободить крестьян») «Но Петр,— пишет С. М. Соловьев,— не мог равнодушно смотреть на злоупотребления, которые отягчали земледельческий труд. Средств к облегчению участи крестьян Петр искал и в улучшении экономического быта землевладельцев, и в отнятии у них побуждений к угнетению крестьян»⁶². Под пером С. М. Соловьева Петр I предстает как зачинатель политики освобождения крестьян, завершившейся к 60-м годам XIX в. «Экономическое развитие, просвещение и жизнь в среде цивилизованных народов» — вот, оказывается, те три кита, на которых, по С. М. Соловьеву, и зиждется «уврачевание старых зол Русской земли!».

Конечно, буржуазная ограниченность мировоззрения и исторической концепции С. М. Соловьева объясняется тем, что он был сыном своего времени, своеобразным рупором, выразителем буржуазно-либеральных воззрений. При этом нельзя забывать и того, что Соловьев был талантливым и трудолюбивым ученым, неустанным тружеником науки, поднимавшим архивную целину и первым, кто ее обрабатывал. Он подготовил почву для развития всей буржуазной исторической науки конца XIX — начала XX в. Его «Публичные чтения...» обогатили историческую науку рядом метких конкретных наблюдений. В них проявилась наиболее цельная (в пределах возможностей буржуазного историка!) и наиболее обоснованная концепция петровских преобразований. Последующие историки лишь развивали то, что было намечено С. М. Соловьевым⁶³.

Каково же место «Публичных чтений...» в творчестве С. М. Соловьева? Личность Петра I, как известно, надолго привлекла к себе внимание историка. Уже в 1863 и 1864 гг. вышли в свет первым изданием XIII и XIV тома его «Истории России...», в которых была дана и общая социально-экономическая и политическая характеристика России перед эпохой преобразований и описание реформ начала XVIII в. и их оценка. Но, опубликовав эти два тома, автор не отложил в сторону материалы по этому периоду русской истории: и далее он неоднократно обращается к образу Петра I и его реформам, сравнивая с ними преобразования последующих времен, вплоть до реформы 1861 г. С. М. Соловьев, как мы уже знаем, остался недоволен проведением этой реформы:

⁶² Там же, с. 113.

⁶³ См об этом подробнее: Сахаров А. М. История России в трудах С. М. Соловьева.— Вестн. МГУ. История, 1971, № 3.

«Преобразования проводятся успешно Петрами Великими, но беда, если за них принимаются Людовики XVI-е и Александры II-е... Преобразователь вроде Петра Великого при самом крутом спуске держит лошадей в сильной руке — и экипаж безопасен; но преобразователи второго рода пустят лошадей во всю прыть с горы, а силы сдерживать их не имеют, и потому экипажу предстоит гибель»⁶⁴. С. М. Соловьев вспоминает о Петре I и в своей работе 1863 г. «История падения Польши», посвященной общественному движению, политической борьбе в Речи Посполитой и ее разделам в 60—90-х годах XVIII в. Одной из причин падения Речи Посполитой он считает революцию конца XVIII в. во Франции — этот «страшный переворот, взволновавший всю Европу», — происшедший именно потому, что правительство Франции не сумело стать во главе преобразовательной деятельности так, как это сделал в России Петр I.

«Публичные чтения...» занимают как бы срединное место в творчестве С. М. Соловьева пореформенного периода — и в научном, и в политическом аспектах. Он был и оставался либералом. В годы подготовки и осуществления реформы 1861 г. он считал крепостное право позором России и был убежденным сторонником его отмены — правда, только «сверху». И в этом плане к С. М. Соловьеву полностью относится ленинская оценка либералов: «Либералы хотели „освободить“ Россию „сверху“, не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая только к „уступкам“ духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков»⁶⁵.

Прошло 10 лет после написания томов «Истории России...», посвященных событиям начала XVIII в., и в 1872 г. С. М. Соловьев уже гораздо осторожнее оценивает реформы Петра I, сравнивая их уже не с революцией, а с эпохой Возрождения. Именно в это время он выдвигает свой знаменитый тезис: «Народы в своем развитии не делают прыжков». И чем дальше, тем больше С. М. Соловьев начинает постепенно отходить от умеренно-либеральных взглядов. В работе «Император Александр» он всемерно стремится оправдать русского самодержца, сравнивает его с Петром I, безудержно восхваляет как победителя Наполеона, превзошедшего его пусть не на поле брани, но в политике и дипломатии. Легкий налет официозности, уже заметный в «Публичных чтениях...», в «Императоре Александре» превратился в прославление русского царизма, в оправдание его внешней политики с одновре-

⁶⁴ Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. М., 6. г., с. 168.

⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

менной оценкой революции как «болезненного припадка» в жизни общества. Вот каков путь самоутверждения С. М. Соловьева на позициях правого либерализма, и «Публичные чтения...» были, несомненно, определенным этапом на этом пути.

Если же говорить не об идейном содержании, а о литературной форме, то «Публичные чтения...» остаются образцом научно-популярного труда, стройного и отточенного по форме, истинно-патриотического по настроению и глубоко новаторского по подходу к образу Петра I⁶⁶.

Основное, что выделяет «Публичные чтения...» в творчестве С. М. Соловьева, — это идея о поступательности исторического развития: «История народа, — пишет автор, — развивается сама из себя по известным законам, поэтому и реформы Петра I были подготовлены всем ходом общественного развития».

Вывод о исторической обусловленности петровских преобразований — это большое достижение и С. М. Соловьева, и всей буржуазной историографии второй половины XIX в. С. М. Соловьев поставил перед собой задачу отразить как общие черты, так и специфические особенности развития отдельных народов во всемирной истории. Конечно, он в соответствии с уровнем развития исторической науки того времени делал это с идеалистических позиций, но сама попытка проследить изменения в общественной жизни народов, объяснить их характер и внутреннюю закономерность, понять их зависимость от внешних факторов (например, от географической среды) должна быть высоко нами оценена.

Идея об активизации роли государства в жизни народов, наметившаяся уже в «Публичных чтениях...», была еще более развита в «Императоре Александре I», где автор категорически утверждал: «Перемены в правительственных формах должны исходить от самих правительств, а не должны вымогаться народами у правительств путем возмущений»⁶⁷.

Мысль о взаимоотношении государства и народа надолго останется в центре внимания С. М. Соловьева. Он касается этого вопроса и в статье «Наблюдения над исторической жизнью народов», создававшейся в течение долгого времени — с 1868 по 1876 г., и в статье 1876 г. «Начала Русской земли». «Публичные чтения...» и в этой проблеме занимают срединное положение: то, что было начато автором в «Истории России», продолжено в «Публичных чтениях...» и затем получило логическое завершение в работах конца 70-х годов XIX в. В частности, С. М. Соловьев считал, что государство в России значительно более активно вмешивается в судьбы народов, определяя тем самым направление исторического процесса, в то время как в Западной Европе его роль в силу ряда причин менее значительна.

⁶⁶ В этом плане «Публичные чтения...» могут быть сравнены с его же «Общедоступными чтениями о русской истории» (М., 1874).

⁶⁷ Соловьев С. М. Собр. соч. СПб., б. г., с. 678.

Но это отнюдь не значит, что творчество С. М. Соловьева целиком находилось в русле государственной школы историков. «Государственники», как известно, противопоставляли Россию Западу, утверждали, что развитие России и Европы подчинялось различным историческим законам⁶⁸. С. М. Соловьев же пошел дальше государственной школы: несмотря на типичные для этой школы явно чрезмерную приверженность к истории государства и невнимание к истории народа, он признавал единство исторических закономерностей развития России и Западной Европы, а конкретное своеобразие исторического пути России объяснял строго конкретными же историческими причинами.

Вопрос об исторической роли Петра I, как известно, возбудил в русской историографии горячую дискуссию. Его оценку в истории России давали как его сподвижники, так и первые историки XVIII в. Они видели в нем идеального монарха, полубога-получеловека. Яркий пример этого направления в русской историографии — работы И. И. Голикова и Ф. Прокоповича⁶⁹, близки к ним П. П. Шафиров, В. Н. Татищев⁷⁰. Но уже историки конца XVIII — начала XIX в., отражавшие взгляды аристократии, такие, как М. М. Щербатов⁷¹ и Н. М. Карамзин, решительно критиковали реформы Петра I, обвиняли его в «ужасах самовластия», в ненужном и пагубном (с их точки зрения!) искоренении боярской знати⁷².

Новым этапом в понимании исторической роли Петра I явилось творчество А. С. Пушкина, который в неоконченной «Истории Петра I» значительно глубже толковал и личность, и деятельность царя-реформатора. Пушкин обратил внимание на серьезное противоречие между общегосударственными указами Петра I и его повседневыми распоряжениями: «Первые суть плоды ума обширного, исполненного благожелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика»⁷³. Именно эту мысль, «обдумав», и намеревался Пушкин внести в «Историю

⁶⁸ Кавелин К. Д. Соч. СПб., 1868, т. 1, с. 556; Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866, с. 528 и другие работы.

⁶⁹ Деяния Петра Великого; Прокопович Ф. История императора Петра Великого. СПб., 1773.

⁷⁰ Шафиров П. П. Рассуждение, какие законные причины его величество Петр Великий... к начатию войны против короля Карола 12 шведского 1700 году имел... СПб., 1722; Татищев В. Н. Петра Великого с Татищевым разговор о Академии наук. Пг., 1921.

⁷¹ Щербатов М. М. Мнение князя М. М. Щербатова об одном современном вопросе. СПб., 1858.

⁷² См. общую характеристику историографии XVIII в. по данному вопросу: Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. Вып. 1: XVIII век.

⁷³ Пушкин, т. 9 с. 287.

Петра I»⁷⁴. Именно Пушкину принадлежат глубоко справедливые слова о царствовании Петра I: «Все дрожало, все безмолвно повиновалось»⁷⁵.

Но оценка Пушкиным не только огромных положительных личных качеств Петра I, но и присущих ему деспотических черт, склонности к насилию и жестокости не могла, конечно, быть принята официальной историографией. Яркий пример такого неприятия — творчество получившего доступ к секретным документам академика Н. Г. Устрялова. Проводник теории официальной народности, автор верноподданнических учебников по русской истории, Н. Г. Устрялов начал в 1842 г. работу над десятитомной «Историей царствования Петра Великого» (вышли тома 1—4, 6). Он поставил перед собой вполне определенную задачу: найти подлинного «героя» русской истории, и таким героем он и изобразил Петра I⁷⁶. Первые три тома труда Н. Г. Устрялова вызвали развернутую и обоснованную критику С. М. Соловьева, который детально и досконально доказал и ограниченность взглядов автора на петровское время, и неразборчивость в выборе источников, и погрешности в их анализе. Но общий вывод рецензента был сравнительно мягок: если Н. Г. Устрялов назвал свой труд историей, «пусть и останется такою, значит, сам автор так понимал свое дело»⁷⁷. Гораздо более принципиально и определенно оценил труд официального историографа Н. А. Добролюбов, отнявший у автора право назвать этот труд «истинной историей», так как он не дал в нем «изображения народной жизни», не положил в его основу «общую историческую идею», а ограничился изображением деятельности Петра, «государственных событий»⁷⁸.

Совсем иной была оценка и Петра I, и его преобразований славянофилами, которые решительно осуждали петровские реформы. К. С. Аксаков утверждал, что «Петр I нарушил гармонию, якобы всегда существовавшую между народом и властью»⁷⁹. Петр I, по мнению славянофилов, действовал вопреки интересам народа и нации, насильно разрывал связь с национальными традициями, его реформы носили антинациональный характер⁸⁰. Поэтому славянофилы резко противопоставляли «петербургский» и «московский» периоды русской истории, историю России — исто-

⁷⁴ См. об этом: Павленко Н. И. Петр I (К изучению социально-политических взглядов).— В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 97.

⁷⁵ Пушкин, т. 8, с. 90, примеч. 9.

⁷⁶ Предтеченский А. В. Официальное направление в русской историографии.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955, т. 1, с. 322—323.

⁷⁷ Соловьев С. М. История царствования Петра Великого Н. Устрялова.— Атеней, 1858, ч. 4, № 27/35, с. 82.— Рец.

⁷⁸ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. М., 1936, т. 3, с. 121.

⁷⁹ Предтеченский А. В. Славянофилы.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. 1, с. 328.

⁸⁰ Аксаков К. С. Полн. собр. соч. М., 1889, т. 1, с. 30—31, 48 и др.

рии Западной Европы. и даже крепостное право они считали результатом законодательства Петра I⁸¹.

«Публичные чтения...» явились своеобразным ответом на все ранее высказанные мнения и оценки реформ начала XVIII в. И обобщающий характер этого труда, и его теоретическая направленность были нацелены на то, чтобы явственнее высказать принципиально иной подход автора к излагаемым событиям: С. М. Соловьев стремился всеми силами доказать национальный, общенародный характер петровских реформ, подчеркнуть эволюционный характер общественного развития, усилить роль личности в истории и значение государства в истории России. В этом плане работы С. М. Соловьева, и в первую очередь «Публичные чтения...», действительно являются «апогеем» в оценке Петра I как «величайшего исторического деятеля, наиболее полно воплотившего в себе дух народа»⁸².

Труды историков о петровской эпохе, созданные после «Публичных чтений...», гораздо критичнее: так, В. О. Ключевский хотя и признавал историческое значение Петра I, тем не менее указывал на отрыв его от народа. Что касается европеизации России по царскому указу, то историк вообще брал под сомнение историческую ценность этого явления. Главную причину преобразований Петра I В. О. Ключевский видел в потребностях не внутреннего развития экономики, а во внешнеполитических событиях в войне. Автор фактически отказывал Петру I и в политическом и в дипломатическом таланте⁸³. Еще дальше шел П. Н. Милюков⁸⁴, вообще считавший петровские преобразования искусственными, вынужденными. Он отрывал петровские реформы «от процесса социального развития и классовых противоречий эпохи»⁸⁵.

По-новому охарактеризовала личность Петра I и его деятельность марксистская историческая наука. Еще до революции 1917 г. М. Н. Покровский в своем труде по истории России выступил против официальной промонархической оценки роли Петра I. Он «подчеркивал решающую роль внутренних сил и назревших в историческом процессе очередных задач»⁸⁶. Высоко ставил реформы Петра I и его самого Г. В. Плеханов, но в то же время видел историческую и экономическую обусловленность его реформ, подчеркивал их дворянско-крепостнический характер, отмечал, что реформы Петра I не могли и не ставили своей целью европеизи-

⁸¹ Там же, с. 489; *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1878, т. 1, с. 364

⁸² *Корецкий В. И.* Петр I.— СИЭ, т. 2, с. 96.

⁸³ См. об этом подробнее: *Киреева Р. А.* В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966.

⁸⁴ *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1892.

⁸⁵ *Черепнин Л. В.* Основные черты кризиса буржуазной историографии.— В кн.: *Очерки истории исторической науки в СССР.* М., 1963, т. 3, с. 320.

⁸⁶ *Дубровский С. М.* М. Н. Покровский и его роль в марксистской разработке истории России.— Там же, с. 229.

ровать русское крестьянство, что в результате их крепостное право в России еще более усилилось. Заслуга Плеханова также и в том, что он оценил прогрессивность «экономической политики Петра I, положившей начало крупной промышленности в России и способствовавшей развитию товарного хозяйства»⁸⁷. Образную характеристику Петра I как выдающегося государственного деятеля, понимавшего назревшие потребности страны, дал В. В. Воровский. Он отмечал подготовленность реформ: Петр I «только формулировал требования момента, облекши их в определенную правовую форму»⁸⁸.

Новый этап в разработке проблем, связанных с историей России в первую четверть XVIII в., падает уже на послеоктябрьскую историографию. Вопрос этот уже достаточно освещен. Можно лишь добавить, что советская историческая наука по достоинству оценила сами «Публичные чтения...», по-новому осветила и эпоху начала XVIII в., и личность Петра I⁸⁹.

Из сказанного ясно, что «Публичные чтения...» С. М. Соловьева занимают важное место в историографии петровской эпохи, знаменуя собою высший этап русской буржуазной исторической науки в изучении этого периода. Ни до, ни после «Публичных чтений...» русская дореволюционная наука не создала ничего равного этому курсу публичных лекций. Конечно, сейчас, спустя более ста с лишним лет после выхода в свет этого труда, мы отчетливо осознаем его достоинства и недостатки как в методологическом, так и в источниковедческом плане, но трезвая и объективная историографическая оценка этой работы отчетливо их вскрывает. Характеризуя значение «Публичных чтений...» в культурной и политической жизни 70-х годов XIX в., следует прежде всего отметить, что они получили большое общественное звучание прежде всего потому, что были произнесены публично. В комментариях к настоящему изданию приводится перечень откликов печати на лекции С. М. Соловьева. Надо отметить, что эти публичные лекции не были единственными в творчестве автора: в 1851 г. С. М. Соловьев читал курс лекций, имевший благотворительные цели, неоднократно выступал и позднее после 1872 г.⁹⁰, но именно

⁸⁷ Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, 1965, с. 574.

⁸⁸ Воровский В. В. Соч. М., 1932, т. 1, с. 210.

⁸⁹ Кафенгауз Б. Б. Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки.— В кн.: Петр Великий/Сб. ст. М.; Л., 1947, с. 334—389; Пушкирев Л. Н. «Публичные чтения о Петре Великом» С. М. Соловьева.— Вopr. истории, 1980, № 6, с. 50—61; Россия в период реформ Петра I. М., 1973; Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954; Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. М., 1940—1948. Т. 1—5; Павленко Н. И. Петр Первый. М., 1975; Он же. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984.

⁹⁰ Публичные чтения о [ординарных] профессоров: Геймана, Рулье, Соловьева, Грановского и Шевырева, читаны в 1851 г. в Московском университете. М.,

«Публичные чтения...» 1872 г. принесли ему славу талантливого лектора, привлекли к ним внимание печати.

Напомним, что «Публичные чтения...» стали заметным явлением в общественно-политической жизни страны еще и потому, что с начала 70-х годов XIX в. в России очень повысился интерес к исторической науке того времени. Занятия ею перестали быть привилегией узкого круга профессионалов, в науку хлынул поток разночинной интеллигенции, увеличилось число изданий как источников, так и научных трудов, специальных журналов и т. д.⁹¹ Этот интерес объяснялся также и политической ситуацией в стране, ростом освободительного движения. Известно, что сочинения историков либерального направления, таких, как К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев и др., вышедшие в те годы, явились своего рода историческим оправданием умеренных реформ и были проникнуты враждебностью к любой попытке революционных преобразований.

Оценивая большой общественный резонанс, который вызвали «Публичные чтения...», следует, безусловно, иметь в виду и то, что он в значительной степени культивировался правительством, заинтересованным в прославлении царя-реформатора: ведь в лекциях С. М. Соловьева Петр I — царь-работник — как бы достиг высшей степени идеализации — самодержец стал вождем народа!

Более ста лет прошло с тех пор, как в типографии Каткова и К^о на Страстном бульваре в Москве по распоряжению юбилейной комиссии Политехнической выставки на средства уполномоченного от выставки генерал-майора С. П. Дурново (последний не удержался от соблазна и вынес-таки свое имя на титул книги!) были отпечатаны «Публичные чтения...». Они вышли в свет большим форматом, столь привычным для историков, занимающихся периодом феодализма, которые часто имели дело с «Полным собранием русских летописей», «Памятниками старинной русской литературы» Г. А. Кушелева-Безбородко и другими подобными по формату изданиями. Пожелтели страницы этой книги, пришла в ветхость ее мягкая обложка. Многие изменилось за эти сто лет и в жизни, и в науке. Устарели некоторые высказанные в этой книге суждения и оценки, увеличилось число известных нам новых фактов. По-иному смотрим мы и на реформы первой четверти XVIII в., и на деятельность Петра I. Но и для современного читателя будет интересно и поучительно ознакомиться с ярким и своеобразным трудом крупнейшего русского буржуазного историка.

Да, с позиций сегодняшней науки мы отчетливо осознаем, что С. М. Соловьев, создав оригинальную, достаточно стройную и

1852; Соловьев С. М. Об историческом движении русского народонаселения: Из публичных лекций Общества любителей естествознания. СПб., 1867; Он же. Общедоступные чтения по русской истории. М., 1874.

⁹¹ Факт этот уже отмечен в науке (см. например: Сахаров А. М. Историография истории СССР: Досоветский период. М., 1978, с. 160—166).

цельную концепцию петровских преобразований, тем не менее трактовал их идеалистически. Он считал государство движущей силой прогресса. Он идеализировал роль русского самодержавия, и особенно Петра I. Он отрицал правомерность революционных потрясений, осуждал выступления народных масс. Восставшие крестьяне и казаки для него — мятежные разбойники. Все так. Но вместе с тем он подчеркивал творческую роль народных масс в историческом процессе, обосновывал обусловленность преобразований первой четверти XVIII в., образно и выразительно вскрывал сущность петровских реформ, открывших новый этап в поступательном развитии нашей страны. «Исторические заслуги,— писал В. И. Ленин,— судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками»⁹².

Конечно, мы с новых мировоззренческих позиций подходим к решению многих вопросов истории России первой четверти XVIII в. Но богатство фактического материала, колоритность изложения, красочность языка, стройность исторической концепции привлекают к себе и современного читателя, помогая ему полнее представить себе автора такого своеобразного и непохожего на другие исследования труда, занявшего почетное место и в исторической, и в общественно-политической мысли России 70-х годов XIX в.

Л. Н. Пушкарев

---

⁹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 178.

КОММЕНТАРИИ

¹ Лекция была прочитана С. М. Соловьевым в воскресенье 6 февраля 1872 г. в 14 ч. 30 мин. Сообщение о начале чтения лекций было помещено в «Московских ведомостях» 2 февраля 1872 г. № 30. 4 февраля газета сообщила, что все билеты на лекцию уже розданы. Первые четыре лекции были дневными. Наряду с «Московскими ведомостями» объявления о чтении этих лекций помещали и «Русские ведомости».

² Интерес к так называемым великим людям был характерен для исторической науки середины XIX в. Начало обсуждению вопроса о значении великих людей в истории положил английский философ и историк Томас Карлейль (Карлайл). В 1837—1840 гг. он прочел цикл лекций на тему: «Герои, почитание героев и героическое в истории» (опубликован в Лондоне в 1841 г., неоднократно переводился на русский язык. Первый русский перевод очерков из этого цикла В. П. Боткина о Данте и Шекспире см.: Современник, 1856, № 1, 2, более полный перевод — СПб., 1908). В лекциях Карлейль утверждал, что законы развития мира определяются богом, провидением и открываются лишь избранным, «героям», которые и являются единственными настоящими творцами истории. Он писал: «История мира — это биография великих людей». Героям в истории противостоят народные массы («толпа»), обычно — простое орудие в руках героев. Но героическое начало в обществе периодически ослабевает, и тогда скрытые в народных массах слепые разрушительные силы вырываются наружу и действуют до тех пор, пока не появится новый «герой», вновь подчиняющий себе «толпу». Таков, по Карлейлю, замкнутый круг исторического процесса. История есть в сущности история великих людей (подробнее об этом см.: Неманов И. Н. Субъективистско-идеалистическая сущность воззрений Т. Карлейля на историю общества.— Вопр. истории, 1956, № 4). Идеи Карлейля уже с 50-х годов XIX в. стали известны в России и оказали определенное влияние на формирование субъективистской идеологии народничества.

Но русская историческая мысль совсем по-иному трактовала роль «великих людей» в истории. В частности, Т. Н. Грановский придавал особое значение «почве» (т. е. среде), в которой вырос великий человек, и времени, в котором он действовал, хотя и не отрицал роли провидения, избирающего великого человека для свершения того, что лежит в потребностях данной эпохи.

С. М. Соловьев пошел еще дальше. Последовательно отстаивая в лекциях и научных трудах идеи Т. Н. Грановского о связи великих людей с породившей их эпохой, он вообще отказался от идеи провиденциализма, подчеркивая, что великий человек всегда является сыном своего времени, своего народа, что «он теряет свое сверхъестественное значение, его деятельность теряет характер случайности, произвола» (Чтение первое). Не называя имен, С. М. Соловьев в «Публичных чтениях о Петре Великом» решительно отверг историческую концепцию Т. Карлейля и его последователей, выступив против «культа героев». Основоположники марксизма-ленинизма критически отнеслись к идеалистической концепции Т. Карлейля (см.: Энгельс Ф. Положение Англии: Томас Карлейль «Прошлое и настоящее». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 572—597; Маркс К., Энгельс Ф. Томас Карлейль. «Современные памфлеты. № 1. Современная эпоха. № 2. Образцовые тюрьмы». — Там же, т. 7, с. 268—307; Ленин В. И. Тетради по империализму. — Полн. собр. соч., т. 28, с. 509).

- ³ Не говоря прямо, С. М. Соловьев высказывает здесь свое отношение к современному ему взглядам западников и славянофилов на смысл преобразований первой четверти XVIII в.
- ⁴ Сравнение Петра I с богом было принято в литературе XVIII в. Достаточно указать на А. П. Сумарокова. По его словам, Петр «старинны грубости искоренял», за что люди, им облагодетельствованные, должны были его назвать богом (*Сумароков А. П. Избр. произведения. Л., 1957, с. 483*). Не случайно К. Н. Бестужев-Рюмин отмечал у Сумарокова «наивно-нечестивое сравнение Петра Великого с Иисусом Христом и села Коломенского с Вифлеемом: «Российский Вифлеем — Коломенско село» (см.: *Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872, т. 1, с. 6*). Сравни также стихотворение Г. Р. Державина «Петру Великому», в котором о Петре говорится:

Как бог, великим провиденьем
Он все собою озирает.

Державин Г. Р. Соч. СПб., 1864, т. 1, с. 31.

Приведенная С. М. Соловьевым строка взята из «Оды на день тезоименитства его императорского высочества государя великого князя Петра Федоровича» (1743 г.) М. В. Ломоносова (см.: *Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959, т. 8, с. 109*).

- ⁵ Это выражение идет от П. Н. Крекшина — русского дворянина, автора широко известных записок о времени Петра I. Для Крекшина Петр — полубог, и он обращается к нему со словами молитвы: «Отче наш Петр Великий! Ты нас от небытия в бытие привел, мы до тебя быхом в неведении, от всех порицаемы невеждами, ничто же имуще, ничто же знающи, ничто же ведущи... До тебя вси нарицаху нас последними...» (*Крекшин П. Н. Краткое описание блаженных дел великого государя императора Петра Великого, самодержца всероссийского.— В кн.: Сахаров И. Н. Записки русских людей. СПб., 1841 (на титуле — СПб., 1838). Записки Крекшина, с. 4*).
- ⁶ Под «неисторическим народом-младенцем» С. М. Соловьев подразумевает народ, не имеющий письменности и письменной истории.
- ⁷ Противопоставление «исторических» и «неисторических» народов было типичным для буржуазной исторической науки того времени — русской и зарубежной — и представляло собою скрытую форму европоцентризма как течения в науке (см. также примеч. 16).
- ⁸ С. М. Соловьев пользуется здесь библейским выражением (Бытие, 2, 23); см. также: *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1966, с. 339*.
- ⁹ Первым исследованием эпохи Петра I был труд Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» (СПб., 1858—1863. Т. 1—4, 6), но и он не охватил всего периода царствования Петра I; кроме того, пятый том не был пропущен цензурой. Предшествовавшие же работы И. И. Голикова и Ф. О. Туманского, как справедливо указал С. М. Соловьев, — скорее сборники материалов, а не исследования в точном значении этого слова.
- ¹⁰ Теория органического развития общества, которую затем излагает С. М. Соловьев, основывалась на идеях позитивизма, отвергавшего попытки раскрыть причины и сущность общественных явлений. История, с точки зрения позитивизма, не объясняет, а лишь описывает исторические события и отвечает не на вопрос «почему?», а на вопрос «как?», исходя из аналогии с законами естествознания. Позитивист О. Конт и его последователи сравнивали развитие человеческого общества с развитием неживой и живой природы и отдельного человеческого организма. Эти идеи оказали влияние на взгляды Т. Н. Грановского, которые разделял и С. М. Соловьев (см. примеч. 11). О позитивизме см.: *Нарский И. С. Очерки по истории позитивизма. М., 1960; Кон И. С. Позитивизм в социологии. Л., 1964; Шкуринов П. С. Позитивизм в России 20 в. М., 1980*.
- ¹¹ С. М. Соловьев вслед за Т. Н. Грановским рассматривал историю общества по аналогии с развитием жизни человека. Это сравнение он приводил и при чтении университетского курса (см.: *Танков А. Сергей Михайлович Соловьев:*

Из воспоминаний студента Московского университета.— Вестник Европы. 1910, № 10, с. 351—352).

- ¹² Проблема города как особого исторического явления, его места и значения в русской истории, его своеобразия по сравнению с деревней возникла в русской буржуазной историографии в середине XIX в., хотя собрание историко-географического и археологического материала о русском городе было начато еще М. В. Ломоносовым в 1759 г. Следует отметить, что в «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьев выдвигал несколько иную точку зрения о средневековом городе, считая, что русские средневековые города были развиты относительно слабо, большинство из которых были лишь «огороженными селами», и политическое значение их было невелико (см.: История России, кн. 7, гл. 1). В «Публичных чтениях...» эта характеристика, как мы видим, несколько изменена, хотя автор по-прежнему подчеркивает не политическую, а культурно-образовательную роль города.
- Проблеме города в советской историографии посвящено огромное число работ. Советские ученые рассматривают город как историческую категорию, обусловленную в первую очередь социально-экономической структурой общества (см. об этом статью «Город».— СИЭ, т. 4, стб. 576—585; а также: Русский город/Сб. ст. М., 1976—1983. Вып. 1—6; Города Сибири. Новосибирск, 1973—1983. Вып. 1—5.
- ¹³ Началом хронологического рубежа новой истории в буржуазной, особенно либеральной, историографии считается переход к гуманизму и реформации. Эта хронология была общепринятой и в русских университетах и соответственно в дореволюционных учебниках по истории. Однако данную точку зрения нельзя признать убедительной, так как ни реформация, ни гуманизм не привели к изменению социально-экономического строя общества. Марксистская историография оценивает значение новой истории во всемирном развитии человечества, исходя из учения о социально-экономических формациях — о смене одной формации другой. Переход от средних веков к периоду новой истории был переходом от феодализма к капитализму, совершившимся в результате буржуазных революций. Основное событие новой истории — возникновение капиталистического строя, его победа над феодализмом, укрепление и развитие, а затем обострение его противоречий и начало упадка, рост рабочего класса и рабочего движения, назревание общего кризиса капитализма и подготовка социалистической революции. Литературу вопроса см.: Нарочницкий А. Л. Новая история — СИЭ, т. 10, стб. 251—257.
- ¹⁴ Отзывы печати на первую лекцию С. М. Соловьева приведены в заключительной статье настоящего издания. Печать неоднократно отмечала большое общественное значение лекций С. М. Соловьева. Так, в передовой статье «Вестника Московской политехнической выставки» (1872, 1 мая, № 1, с. 1) говорилось: «Чтобы дать хотя бы общий обзор деятельности Петра Великого московской публике, комитет выставки пригласил своего сочлена, ректора здешнего университета С. М. Соловьева прочесть несколько публичных бесед о значении Петра в истории русского народа, и почтенный историк изъявил желание прочесть эти лекции бесплатно. Всех их предположено 12... Эти беседы привлекли многочисленную публику из различных классов московского общества и происходили в большом зале Московского благородного собрания...»
- ¹⁵ Вторая лекция была прочитана С. М. Соловьевым в воскресенье 13 февраля 1872 г. в 14 ч. 30 мин.
- ¹⁶ Как и многие другие историки того времени, С. М. Соловьев трактовал вопрос о «природе племен» с европоцентристских позиций. Правда, в «Публичных чтениях...» его взгляды в этой области изложены кратко и суммарно. Наиболее полно они освещены автором в работе «Наблюдения над исторической жизнью народов», начатой еще в 1868 г., но законченной уже после юбилея Петра I, в 1876 г.
- ¹⁷ В «Публичных чтениях...» С. М. Соловьев несколько смягчил формулировки о роли географической среды в жизни общества по сравнению с теми, что

- им даны в «Истории России» (критику взглядов С. М. Соловьева на этот вопрос см. в комментариях В. Т. Пашуто к «Истории России», кн. 1, с. 746—747); см. также: *Дулов А. В.* Дореволюционные русские историки о роли географической среды в истории России (период феодализма).— В кн.: Социально-экономическое и политическое развитие Сибири. Иркутск, 1975. Вып. 3
- ¹⁸ С. М. Соловьев имеет в виду половецкого хана Курю, сделавшего чашу для вина из черепа киевского князя Святослава.
- ¹⁹ Так в старину называли на Руси католичество и мусульманство. Иногда вместо «бесерменство» употреблялся термин «бусурманство» (см.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958, т. 1, с. 71—72).
- ²⁰ Прикрепление крестьян к земле и распространение крепостного права как одной из основных форм феодальной эксплуатации определялось отсталостью сельского хозяйства и его натуральным характером. Собственник земли и средств производства, обладавший разными способами внеэкономического принуждения, не мог получить прибавочную стоимость без установления рабской зависимости от него крестьянина (см. последние работы по этой проблеме: *Черепнин Л. В.* Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси.— Истор. зап., 1956, т. 56; *Корецкий В. И.* Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в.; К проблеме «заповедных лет» и отмены Юрьева дня.— История СССР, 1957, № 1; *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы. М., 1980). Характеризуя закрепощение сословий, С. М. Соловьев разделял взгляды по этой проблеме с историками государственной школы, утверждавшими, что в XV—XVII вв. происходило последовательное подчинение интересов всех сословий интересам государства, сложное внутри- и внешнеполитическое положение которого вынуждало его идти на их закрепощение. Так историки государственной школы и объясняли, и оправдывали существование крепостничества в России. Начало закрепощения сословий они относили к XVIII в., а его завершение — к реформе 1861 г.
- ²¹ По-видимому, С. М. Соловьев имеет в виду труды Н. И. Костомарова и А. П. Шапова, посвященные казачеству и народным движениям XVII в. (см.: *Костомаров Н. И.* Богдан Хмельницкий. СПб., 1857; *Он же.* Бунт Стеньки Разина. СПб., 1858; *Он же.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. СПб., 1866; *Шапов А. П.* Великоорусские области и Смутное время (1606—1613 гг.). СПб., 1861; *Он же.* Русский раскол старообрядства. Казань, 1859). Оценка С. М. Соловьевым Богдана Хмельницкого и восставших против феодального угнетения казаков как степняков-разбойников, умевших только разрушать и неспособных создавать, не имеет, конечно, ничего общего с действительной ролью казачества — ведущей силы народных восстаний на Украине в конце XVI — первой половине XVII в., принявшего активное участие в освободительной войне за воссоединение Украины с Россией (см.: *Голубуцкий В. А.* Запорожское казачество. Киев, 1957; История Украинской ССР: В 10-ти т. Киев, 1983. Т. 3. Освободительная война и воссоединение с Россией: Начало разложения феодализма и зарождение капиталистических отношений (вторая половина XVII—XVIII в.), с. 13—79).
- ²² Наименование народов, населявших Россию в начале XVIII в., варварами — несомненное преувеличение и не научное определение, а риторический прием, яркий эмоциональный акцент обычно в конце лекции. Для опытного лектора (каким был С. М. Соловьев!) это еще и способ привлечь внимание утомленных долгой лекцией слушателей.
- ²³ На вторую лекцию С. М. Соловьева откликнулся еженедельный журнал «Всемирная иллюстрация». В корреспонденции М. Ф-ва из Москвы говорилось: «Самый живой интерес сосредоточивается на лекциях о Петре профессора Соловьева. Сколько нам известно, почтенный ученый, посвятивший своему предмету всю жизнь, до сих пор не появлялся еще перед неучащею публи-

кой. Поэтому весьма понятен интерес, возбуждаемый его лекциями, о которых мы постараемся сообщать вкратце и в наших будущих письмах, руководствуясь тем понятным предположением, что публика вовсе не знакома с основными воззрениями нашего историка. Каждый год аккуратно выпускает он в свет по тому своей «Истории России...», и в конце прошлого года вышел 21-й том, заключающий в себе царствование Елизаветы Петровны; но едва ли есть много людей, прочитавших все эти томы с начала до конца, а только при таком чтении их можно познакомиться с основными взглядами автора на нашу историю...

Почтенный лектор является с сильным протестом против той малодушной скромности и крайне ошибочного мнения о внутренних силах нашего народа и об отношении нашего развития к развитию западноевропейских народов, которые, по недостатку сведений в родной истории, распространены в нашем так называемом образованном обществе. Он горячо протестует против столь распространенного мнения о нашей *отсталости*, называя такое мнение ненаучным, и предлагает другой термин — *запоздавшее развитие*. Понятие отсталости, говорит г-н Соловьев, предполагает непременно равные условия для состязания. Бегут, например, два ребенка или две лошади — по данному знаку, в один момент; но один обогнал другого, одна лошадь взяла приз, другая *отстала*. Ясно, что тут можно говорить об *отсталости*, которая прямо указывает на разницу сил и способностей состязателей.

Совершенно другое в исторической жизни народов. Простые условия детских перепонок и конских скачек не могут быть сравниваемы с необыкновенно сложными условиями исторического развития народов. Русский народ не отстал по своему развитию от других европейских народов, а только *запоздал* на два века, благодаря тем неблагоприятным условиям, которые окружали его со всех сторон до самого Петра. Разница двух понятий очевидная: *отсталость* нашего народа предполагает в нем меньшие внутренние силы, меньшую способность к развитию сравнительно с другими народами Европы, а *запоздалость* — только менее благоприятный исход этого развития благодаря чисто внешним влияниям.

Рассмотрениям этих-то внешних неблагоприятных развитию нашего народа условий и посвящена была вторая лекция. (В первой, как нам говорили, г-н Соловьев рассматривал основные черты великого человека вообще и почему Петр был действительно великим человеком.) На первом плане стоят у него чисто географические условия бесконечно широкой восточноевропейской равнины, на которой разыгралась наша история, затем та миссия долгой борьбы с варварами, которую наложила на нас история вследствие положения нашего на рубеже Европы; в-третьих, наше все еще боевое положение лицом к лицу с кочевниками в то время, когда Европа могла уже заняться торговлею и развитием своих гражданских отношений. Хорошо было западным народам за нашей широкой спиной, на которую в течение почти трех веков падали страшные удары кочевников! Только кончив эту борьбу, обезопасив запад Европы, устроив на востоке крепкий оплот от посягательств дикой Азии заложением здесь сильного единого государства, мог наш народ приняться за свое внутреннее устройство и повернуться к западу, и тут-то является выразитель этого стремления, великий представитель сильного, молодого, исторического народа.

Вот пока главные черты лекций г-на Соловьева. Язык лекций не отличается, правда, особенной образностью и красотой, но тем не менее впечатление от них остается сильное: подымается в душе гордое сознание исторического значения нашего народа — сознание собственных сил, которого так недостает нашему обществу.

Относясь, однако, с полным сочувствием к основным взглядам лектора, мы не можем согласиться по некоторым вопросам, которых он коснулся в той же второй лекции. Г-н Соловьев не принадлежит, собственно, ни к одному из наших научно-исторических направлений и довольно резко высказывается против них; его взгляды покоятся на совершенно особых основаниях, и нель-

зя сказать, чтобы они всегда отличались сильной убедительностью. Кончая свою вторую лекцию и указав на распадение русского народа на две, резко отличающиеся друг от друга части: трудовой, земский люд, удалившийся на северо-восток и заложивший там крепкое государство, и вольница на юге, не трудившаяся, а жившая за чужой счет, г-н Соловьев патетически провозгласил свое сочувствие к первым за их трудовую работу созидания государства и почти с презрением отнесся ко вторым. Этим патетическим провозглашением, на котором голос лектора выражал его волнение, г-н Соловьев как бы указывает, что созидание нашего государства он считает сознательным делом этого трудового земского люда. С другой стороны, он как бы забывает о той великой услуге, которую эта вольница оказала облюбованным им земским людам, принимая на свою грудь вражеские удары порубежников. Хорошо было, скажем и мы, земским людам за широкою спиною вольного казачества заниматься устроением своего великого земского дела. Поэтому-то нельзя с пренебрежением относиться к этим ушедшим от земства людам, первые поколения которых стояли несравненно выше так называемых устроителей государства; нельзя даже после тех бед, которые эта вольница причинила впоследствии земским людам» (*Филиппо* в М. А. Из Москвы.— *ВН* 1872, № 165, с. 142—143). М. Ф-в — один из псевдонимов юриста и публициста М. А. Филиппова (1828—1886). Окончив юридический факультет СПб. университета, он обратил на себя внимание большой статьей в «Современнике» «Взгляд на русское судоустройство и судопроизводство» (1859 кн. 1—4, 7—8) и обличительной повестью «Полицейстер Бубенчиков» (Там же, кн. 10). Большая часть его статей вошла в двухтомный труд «Судебная реформа в России» (СПб., 1872—1875). За установление авторства рецензий благодарю С. С. Дмитриева.

- ²⁴ Третья лекция была прочитана С. М. Соловьевым в воскресенье 20 февраля 1872 г. в 14 ч. 30 мин.
- ²⁵ С. М. Соловьев перечисляет здесь представителей различных религиозных направлений — православия, католичества, лютеранства и кальвинизма.
- ²⁶ На примере этого чтения хорошо иллюстрируется убежденное православное вероисповедание С. М. Соловьева, нередко преувеличивавшего историко-культурную роль церкви и закрывавшего глаза на ее эксплуататорскую сущность крупнейшего феодала-вотчинника, владевшего сотнями тысяч крепостных и жестоко их эксплуатировавшего.
- ²⁷ С. М. Соловьев имеет в виду московского князя Василия II Васильевича Темного, который весной 1445 г. был пленен сыновьями казанского хана Улу-Мухаммеда.
- ²⁸ Это, конечно, преувеличение. Москва действительно была почти сожжена крымским ханом Девлет-Гиреем в мае 1571 г., но вскоре отстроилась и вновь стала крупнейшим городом северо-востока России.
- ²⁹ Так С. М. Соловьев называет освободительную войну украинского народа 1648—1654 гг. против польских феодалов, возглавлявшуюся Богданом Хмельницким.
- ³⁰ Первая типография в Москве была создана в 1553 г. Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем (см.: 400 лет русского книгопечатания, 1564—1964. М., 1964. Т. 1—2, там же и литература вопроса).
- ³¹ С. М. Соловьев цитирует здесь «Житие» протопопы Аввакума, который, в свою очередь, основывается на библейских поучениях одной из притчей царя Соломона: «Не прелагай предел вечных, яже положиша отцы твои». — Книга притчей Соломоновых, 22, 28; см. также: Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. М., 1963, с. 171.
- ³² Более подробно про спор о времени пресущствления, т. е. превращения вина и хлеба во время причастия в кровь и тело Иисуса Христа, см.: Миркович Г. О времени пресущствления св. даров. Спор, бывший в Москве во второй половине XVII в.: Опыт исторического исследования. Вильна, 1886; Белов Е. А. Московские смуты в конце XVII века.— *ЖМНП*, 1887, № 1, с. 102—109.

³³ По-видимому, С. М. Соловьев имеет в виду английского мыслителя и государственного деятеля Ф. Бэкона, утверждавшего могущественную силу науки в обществе.

³⁴ На примере этой лекции видно, как С. М. Соловьев пытался «осовременить» свои чтения, как бы перебрасывая мост из эпохи Петра I к событиям начала 70-х годов XIX в. В данном случае он намекал на события во Франции: по его мнению, национальная катастрофа 1870 г. и унижительный мир Франции с Германией были следствием того, что слабое и не пользовавшееся поддержкой народа французское правительство выпустило из-под контроля народное движение, и вот революционный дух, не исчезнувший с реставрацией Бурбонов, и привел страну к национальному бедствию. В своих «Публичных чтениях...» С. М. Соловьев неоднократно подчеркивал, что именно государство, которому все обязаны служить верой и правдой, выдвигается как противоядие «противообщественным привычкам», «отсутствию ясного сознания обязанностей к обществу, отечеству». Каждый должен и обязан безропотно нести свой крест, добровольно принося на алтарь Родины и государства свое достоинство, к этому призывал лектор.

³⁵ В откликах публицистов того времени взгляды С. М. Соловьева на роль науки в обществе были восприняты весьма критически. Вот что мы читаем в одной корреспонденции: «В прошлое воскресенье г-н Соловьев опять выступил перед публикой. Обстановка на этот раз была несколько эффектнее: треснувшая кафедра была заменена столом, покрытым красным сукном, а в публике были самые высшие сановники города. Напомнив о своем разделении России на два периода — период преобладания чувства и период мысли, лектор развил ряд положений, в которых доказывал неосновательность мнения, что будто бы реформы, исполненные во второй период, были подражанием. При окончании первого периода Россия находилась в таком бедственном экономическом положении, что всеми чувствовалась потребность улучшений. Вглядываясь в своих соседей, русский народ сразу заметил, чем разнится он от иноземцев, богатство которых пленяло его. Наблюдая этих последних, он заметил также, что богаче из них те, что живут по морю. Отсюда то страстное стремление к морю, которым так отличался Иван Грозный, отдавший англичанам всю русскую торговлю за возможность получить хоть одну гавань при Балтийском море.

Сравнивая реформы Петра с реформами Кольбера, лектор перешел к другой стороне пробудившихся стремлений — к родившейся в русском народе потребности в науке, которая нужна была как орудие борьбы и против сторонников мертвой старины, и против западной пропаганды. При этом г-н Соловьев счел нужным познакомить слушателей с собственным пониманием науки вообще, которое, признаемся, показалось нам по меньшей мере странным. Обеспокоенный слишком, по его мнению, разрушительным направлением научного отрицания, г-н Соловьев желал бы придать науке какой-то политически охранительный характер. Мы думали до сих пор, что наука только изучает явления, отыскивает связь их, управляющие ими законы и что она не должна останавливаться, даже если бы ее выводы грозили ниспровергнуть самые распространенные взгляды. Но г-н Соловьев думает иначе: наука, по его мнению, должна знать, где остановиться, иначе она принесет гибель; она должна стремиться к гармоническому развитию всех сторон человеческого духа, т. е., прибавим мы от себя, и стороны веры, и стороны знания, хотя бы они обе исключали одна другую. Но в таком случае, где критерий охранительного характера науки, и не является ли сам г-н Соловьев революционным разрушителем, отрицая столь укоренившийся и у нас и на Западе взгляд о неспособности и отсталости русского народа? Выяснив затем положение духовенства того времени между двумя огнями — расколом и новым образованием, лектор заключил лекцию словами: „Итак, русский народ собрался в новый путь, ждала только вождя, и вождь — пришел!“ Вероятно, в следующей лекции мы будем иметь дело уже с самим вождем» (Ф.-в. М. Из Москвы.— ВИ, 1872, № 167, с. 175).

- ³⁸ Четвертая лекция была прочитана С. М. Соловьевым в воскресенье 5 марта 1872 г. в 19 ч. 30 мин.
- ³⁷ С. М. Соловьев цитирует здесь письмо Петра I матери от 20 апреля 1689 г. (см.: Письма и бумаги, т. 1, с. 11). В этом и в других случаях он пользовался подлинниками, хранящимися в архиве в Кабинете Петра I (в настоящее время — ЦГАДА).
- ³⁸ С. М. Соловьев цитирует здесь строку из «Стансов» А. С. Пушкина:

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Пушкин, т. 2, с. 307.

- ³⁹ С. М. Соловьев цитирует здесь строку из «Моей родословной» А. С. Пушкина:

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто, придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Пушкин, т. 3, с. 199.

- ⁴⁰ В отклике на четвертую лекцию С. М. Соловьева корреспондент «Всемирной иллюстрации» так писал об отношении слушателей к его лекциям: «О продолжающихся лекциях о Петре профессора Соловьева пока прекращаю мой отчет, так как лектор в последние три лекции от общих взглядов перешел к общеизвестным фактам и подробностям, которые в кратком изложении не имеют интереса. Упомяну только, что впечатление, производимое лекциями г-на Соловьева, делается все полнее и полнее. Грандиозная личность Петра восстает в воображении во всей ее жизненной красоте, и в душе поднимается гордое сознание, что ни у одного народа не было такого великого человека. Г-н Соловьев не панегирист Петра; он не скрывает темных сторон его характера и деятельности; но таково обаяние этого русского богатыря, что даже темные пятна несколько не безобразят его образ и только придают ему еще более жизненной красоты.

С каким вниманием слушает публика г-на Соловьева видно из того, что в зале, наполненной двумя тысячами слушателей, стоит мертвая тишина; но только что лектор протянет руку за стаканом, чтобы промочить засохшее от чтения горло, как публика, воспользовавшись моментом, начинает откашливаться и поправляться, и поднимается на минуту такой концерт, какой можно только слышать на ученьи солдат, когда им дают опраться. С первых слов лектора настает опять мертвое молчание, и так до новой передышки». (Ф-в. М. Из Москвы. — ВИ, 1872, № 170, с. 223)

- ⁴¹ Пятая лекция была прочитана С. М. Соловьевым в воскресенье 12 марта 1872 г. в 19 ч. 30 мин.
- ⁴² Постоянное подчеркивание в «Публичных чтениях...» принципов государственной деятельности Петра I, предпочтения им иностранцам русских людей, несомненно, объясняется критическим отношением С. М. Соловьева к послепетровскому самодержавию, зачастую бездумно доверявшему многие государственные сферы иностранцам. Это объяснялось, как известно, и династическими связями Романовых с немецкими владельческими домами, и изменением принципов управления государством при преемниках Петра I.
- ⁴³ Часто повторяющееся в «Публичных чтениях...» выражение «в работе пребывающий» взято С. М. Соловьевым из письма Петра I матери от 20 апреля 1689 г. (см. примеч. 37).
- ⁴⁴ С. М. Соловьев цитирует письмо Петра I от 23 марта 1696 г. боярину Тихону Никитичу Стрешневу, начальнику Разрядного приказа (см.: История России, т. 7, с. 532—533).

- ⁴⁵ Шестая лекция была прочитана С. М. Соловьевым в воскресенье 19 марта 1872 г. в 19 ч. 30 мин.
- ⁴⁶ Описывая свидание Петра I с прусской королевой Софией-Шарлоттой, С. М. Соловьев основывался на работе Эрмана (см.: Свидание Софии-Шарлотты, королевы прусской, и матери ее с Петром Великим.— Вестник Европы/изд. Н. М. Карамзина. М., 1803, ч. 10, № 14, с. 85—93).
- ⁴⁷ Письма Андрея Андреевича Винниуса хранятся в ЦГАДА, Кабинет Петра, кн. 53 (см.: Письма и бумаги, т. 1, с. 623, 627, 629, 633, 653).
- ⁴⁸ О письмах Петра I к патриарху Адриану в Москву см.: Деяния Петра Великого, ч. 10, с. 21—22.
- ⁴⁹ Под «благодетелем» подразумевается боярин А. С. Матвеев.
- ⁵⁰ Изложение Соловьевым в «Публичных чтениях...» истории стрелецкого восстания хорошо иллюстрирует его стремление избежать рассказа о событиях, которые противоречили бы идиллической картине мифического единения царя с народом. Ни стрелецкие казни, ни пытки в застенках Преображенского приказа, ни подавление народного восстания под руководством Кондратия Булавина не нашли места в «Публичных чтениях...». На первом месте у лектора Петр, и обо всем, что мешало его деятельности, либо вовсе умалчивается, либо осуждается историком. Отсюда порицание беглецов из-под государственного тягла — оно фактически приравнялось лектором к дезертирству с поля боя. Отсюда объяснение причин Булавинского и Башкирского восстаний тунейдством. Все выражения протеста против политики Петра I обьявлялись С. М. Соловьевым антигосударственными. Великий шкипер, вставший у штурвала государственного корабля во время бури,— вот истинный «народный герой», решающий судьбы и государства, и народа,— таков Петр I в толковании лектора.
- ⁵¹ Седьмая лекция была прочитана С. М. Соловьевым в воскресенье 26 марта 1872 г. в 19 ч. 30 мин.
- ⁵² По-видимому, С. М. Соловьев имеет в виду древнегреческого философа-киника Диогена Синопского (IV в. до н. э.), ведшего жизнь нищего и проповедовавшего отказ от желаний как путь к счастью.
- ⁵³ Указы о введении летосчисления см.: ПСЗ, т. 3, № 1735, с. 680—682.
- ⁵⁴ Орден Андрея Первозванного был учрежден 10 марта 1699 г.
- ⁵⁵ На примере этой лекции хорошо прослеживается общее для всех историков государственной школы отношение к народам, входившим в состав Русского государства, только как к объекту колонизации их царским правительством. Под словом «колонизация» в науке того времени обычно подразумевалось хозяйственное освоение новой территории.
- ⁵⁶ С. М. Соловьев имеет в виду первое упоминание в летописях о появлении судов восточных славян под Византией в 866 г.
- ⁵⁷ С. М. Соловьев намекает на то, что, согласно «Повести временных лет», варяг Рюрик прибыл в Новгород с Балтийского моря.
- ⁵⁸ С. М. Соловьев цитирует письмо Петра I стольнику и архангельскому воеводе Федору Матвеевичу Апраксину: «Мы здесь в 18 день объявили мир с турками зело с преизрядным фейерверком, в 19 день объявили войну против шведов». (Письма и бумаги, т. 1, с. 384).
- ⁵⁹ Точка зрения С. М. Соловьева о том, что характер народа отразился в покрое принятой в то время одежды, возбудила сомнение у его слушателей, о чем мы находим упоминание в журнальных корреспонденциях. Такова заметка во «Всемирной иллюстрации», регулярно откликавшейся на лекции С. М. Соловьева: «В предпоследний раз вопросы, разобранные лектором, были особенно интересны, так как дело касалось перемены в одежде, которую противники Петра всегда выставляли как доказательство поверхностности его реформ и их формального, чисто внешнего значения. „Во время борьбы на жизнь и смерть,— говорит г-н Соловьев,— каждая из сторон вооружается каким-нибудь видимым знаком или знаменем, вокруг которого могли бы группироваться ее сторонники. Обе стороны поднимают свои знамена как можно выше и стараются сорвать знамя противника. Для неразвитой массы

такое знамя становится уже не символом, а священной вещью, и около него сосредоточивается самая упорная борьба. Понятно, что и Петр, видя, что его противники выставляют его дело как измену русскому народу, выставляя притом перемену одежды как доказательство ее, должен был упорно сорвать знамя противников, под которым им удавалось собрать своих приверженцев". Но кроме этого г-н Соловьев необходимость перемены одежды старается объяснить историческими законами, и вот его основания. Из наблюдения над одеждой народов замечается, что ее главным образом делили на две группы: 1) длинная и широкая, 2) короткая и узкая. Первая есть признак застоя, распушенности и лени, вторая — труда и цивилизации. Длинная и широкая одежда есть принадлежность народов Азии, короткая — Европы и цивилизованной Америки. Кроме того, в обыденной жизни замечается то же: когда человек собирается работать, он снимает свою длинную одежду (халат?) и надевает короткую... В истории русского народа происходит то же самое: когда из векового сна он, по призыву царя-работника, поднялся на трудную работу и повернулся к Западу, необходимо было сбросить и старую одежду, связывавшую его с Востоком. В самой Европе, с постепенным развитием цивилизации, замечается все большее и большее укорачивание одежды, дошедшее до современного фрака. Длинная одежда осталась в цивилизованных странах только как признак особенного почета и употребляется только в торжественных случаях, например, мантии государей, духовенства, адвокатов и судей. У женщин, как у представительниц домашнего очага и притом не занятых беспokoйной уличной деятельностью мужчин, длинная одежда тоже сохранилась. Но этого мало: из одежды отражается даже относительное развитие двух полов, и там, где это развитие не особенно рознится, там и одежда мужчин и женщин мало отличается одна от другой, как, например, на Востоке; и наоборот в Европе, где фрак и дамское платье со шлейфом указывают на большую разницу в развитии полов.

Последнее воззрение было принято слушательницами не особенно доброжелательно, в чем можно было убедиться по тем саркастическим замечаниям, которые раздавались из уст прекрасного пола по окончании лекции в ответ на приставания торжествующих кавалеров. Сочувствуя вполне негодованию слушательниц, мы рекомендуем им следующий довод против почтенного лектора. По его группировке по костюмам к числу народов цивилизованных и трудящихся придется отнести и всех дикарей центральной Африки, индейцев и островитян, так как все они носят, несомненно, короткие костюмы, прикрываясь часто листиками. Но признаемся, что возражаем таким образом единственно для дам, и хотя возражение имеет некоторый вес и должно вызвать в приведенном выше положении лектора маленькую поправку, но оно бессильно против воззрения г-на Соловьева, главным образом, не понравившегося слушательницам, так как у всех упомянутых народов одежда прекрасного и прекрасного пола разнится весьма мало». (Ф-в. М. Из Москвы. — В.И. 1872, № 173, с. 271).

⁶⁰ Восьмая лекция была прочитана С. М. Соловьевым в воскресенье 2 апреля 1872 г. в 19 ч. 30 мин.

⁶¹ Речь идет о так называемой войне за Испанское наследство. Как известно, после смерти испанского короля Карла II в 1700 г. прекратилась династия испанских Габсбургов, королем Испании стал Филипп V, внук французского короля Людовика XIV. В 1701 г. Австрия, Пруссия, Голландия и Англия начали войну за Испанское наследство, завершившуюся в 1713 г. Утрехтским миром, положившим конец притязаниям Франции на первенствующую роль в европейской политике.

⁶² Восьмое чтение хорошо иллюстрирует, как высоко оценивал С. М. Соловьев петровскую дипломатию и Петра I как искусного и опытного дипломата, сумевшего выбрать наиболее удачный момент для начала Северной войны. Ведь именно в это время европейские государства были заняты распрями из-за Испанского наследства, Швеция «увязла в Польше». Петр I объединил в союзе против Швеции враждебные ей государства, однако не питал ника-

ких иллюзий относительно своих якобы «естественных союзников» и зорко следили на ними. Особенно интересны оценки С. М. Соловьевым положения Польши — «государства обширного, но совершенно беззащитного от крайней внутренней слабости», да еще к тому же «одержимого войнобоязнью». Этими словами лектор хотел доказать «закономерность» прекращения самостоятельного существования Польши. Отношения России и Польши, по Соловьеву, были «домашним вопросом». Именно Россия должна была обеспечить государственную безопасность этой славянской страны. Тонко подметил ученый и «парную связь» турецкого и польского вопросов в международных делах того времени. В целом же следует вновь подчеркнуть, что и в этом чтении С. М. Соловьев присоединял свой голос к тем, кто ратовал в начале 70-х годов XIX в. за активную помощь России славянскому освободительному движению. Интересен и его вывод о тесной зависимости внешней политики России от ее географического положения: «Континентальное государство, так дурно защищенное природой, вынуждено было вести активную внешнюю политику и поддерживать свои внутренние силы в состоянии постоянной боеготовности».

- ⁶³ Капитан Иоганн Рейнгольд фон Паткуль, лифляндский рыцарь, мстительный и жестокий человек, подал несколько мемориалов Августу II, в которых и разрабатывал планы военного союза для нападения на Швецию и завоевания Ливонии (см.: ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, Бумаги Паткуля, 1700, № 1—18 — оттуда С. М. Соловьев и взял цитируемые им высказывания).
- ⁶⁴ С. М. Соловьев цитирует письмо Петра I от 5 декабря 1700 г. боярину и генерал-фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву (см.: Письма и бумаги, т. 1, с. 410—411).
- ⁶⁵ С. М. Соловьев цитирует письмо Петра I к Б. П. Шереметеву (см.: Письма и бумаги, т. 2, с. 22).
- ⁶⁶ С. М. Соловьев цитирует письма Б. П. Шереметева (см.: Письма к государю императору Петру Великому от... графа Бориса Петровича Шереметева. М., 1778, с. 177—179).
- ⁶⁷ См.: Письма и бумаги, т. 3, с. 104—105.
- ⁶⁸ См.: Письма и бумаги, т. 3, с. 122.
- ⁶⁹ С. М. Соловьев цитирует слова Петра I (см.: Деяния Петра Великого, ч. 10, с. 63—64).
- ⁷⁰ См.: Письма и бумаги, т. 4, вып. 2, с. 436—438.
- ⁷¹ См.: Письма и бумаги, т. 8, вып. 1, с. 16.
- ⁷² См.: Деяния Петра Великого, ч. 11, с. 406.
- ⁷³ См.: Журнал или подневная записка... Петра Великого. СПб., 1770, ч. 1, с. 165—173.
- ⁷⁴ С. М. Соловьев цитирует письмо Петра I к А. Д. Меншикову от 23 апреля 1709 г. (см.: Письма и бумаги, т. 9, вып. 1, с. 191).
- ⁷⁵ С. М. Соловьев цитирует письмо Петра I к пресбургскому королю и приписку Петра I к письму Ф. М. Апраксину (см.: Письма и бумаги, т. 9, вып. 1, с. 227).
- ⁷⁶ В отклике «Всемирной иллюстрации» на эту лекцию говорилось: «В последней лекции, посвященной преимущественно Северной войне, г-н Соловьев проводил ту мысль, что эта война необходима была как для того, чтобы пробитись к Балтийскому морю, так и для победы над внутренними врагами, выставлявшими Петра другом иноземцев и врагом русского народа. Народ увидел ясно, что расположение Петра к немцам отнюдь не измена, так как он так же исправно колотит их на войне, как и бусурман. Главное же значение эта война имела как практическая школа, в которую Петр сознательно вел свое молодое и непривыкшее войско». (Ф-в. М. Из Москвы. — ВИ, 1872, № 173, с. 271).
- ⁷⁷ Девятая лекция была прочитана С. М. Соловьевым в воскресенье 23 апреля 1872 г. в 14 ч. 30 мин.

- ⁷⁸ С. М. Соловьев цитирует письмо Петра I князю Федору Юрьевичу Ромодановскому, начальнику Преображенского приказа: «Изволь объявить при съезде в палате всем министрам, которые в конзилию съезжаются, чтоб они всякие дела, о которых советуют, записывали, и каждый бы министр своею рукою подписывал, что вело нужно надобно, и без того отнюдь никакого дела не определяли бы, ибо сим всякого дурость явлена будет». (См.: Письма и бумаги, т. 6, с. 129).
- ⁷⁹ С. М. Соловьев цитирует письмо Петра I к А. Д. Меншикову от 6 февраля 1711 г.
- ⁸⁰ Выражение Петра из письма к А. Д. Меншикову от 6 февраля 1711 г.: «зело раку последуют» — см. примеч. 79.
- ⁸¹ См. последнее издание этого труда: *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951. (написана в 1724 г., издана М. П. Погодиным в 1842 г.) И. Т. Посошков, сторонник преобразований Петра I, выступал за развитие промышленности и торговли, о нем см.: *Кафенгауз Б. Б.* И. Т. Посошков Жизнь и деятельность. 2-е изд. М., 1951 (там же в литературе вопроса)
- ⁸² Бумага называлась орленой потому, что на гербе Российского государства был, как известно, изображен двуглавый орел.
- ⁸³ Это выражение взято С. М. Соловьевым из письма А. А. Винниуса Петру I от апреля 1700 г.
- ⁸⁴ В 1702 г. капитан Рогоульский в Костромском и Галицком уездах схватил знаменитых разбойников — помещиков Захара Полозова, Никифора Сытина Петра Сипягина, Ивана Сологубова, Никиту Жданова, Василия Полозова-Кулю, Ивана в Данилу Захаровых, Семена да Петра Шишкиных (см.: *История России*, кн. 8, с. 87)
- ⁸⁵ Проблема участия женщин в общественной жизни освещалась С. М. Соловьевым с позиций буржуазного либерализма и в русле учения православной церкви о роли женщины в семье. В противовес буржуазным ученым основоположники марксизма-ленинизма подчеркивали важность и необходимость участия женщин в общественной жизни. Научный коммунизм вскрыл классовые корни и специфику женского вопроса и указал единственно верный и обоснованный путь его решения (см. об этом: Маркс К., Энгельс Ф., В. И. Ленин о женском вопросе. Изд. 2-е. М., 1978; см. также последние работы о положении женщины в русском средневековом обществе: *Снесаревский П. В.* Отношение к женщине в памятниках письменности русского средневековья (XI—XV в.).— В кн.: *Историографические и исторические проблемы русской культуры/Сб. ст. М., 1983, с. 29—46; Пушкирева Н. А.* *Левина Е.* Женщина в средневековом Новгороде XI—XV в.— *Вестн. МГУ История.* 1983, № 3, с. 78—90).
- ⁸⁶ (См. об этом подробнее: *Майков Л. Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом СПб., 1891, с. 17. (Зап. АН, т. 67, № 6, прил.).
- ⁸⁷ В корреспонденции «Всемирной иллюстрации», посвященной целиком С. М. Соловьеву и сопровождающей его портретом, мы находим такой отклик на его лекции: «Чтения о Петре, служившие прекрасным введением к празднованию юбилея, состоялись в Москве, в зале Дворянского собрания... Свежесть и ясность характеристики, громадное знание и умение держать внимание слушателей настороже от начала до конца проступали в полной мере и во этих чтениях профессора Соловьева: зала была полна, и не мы одни, конечно, ожидаем с нетерпением появления этих лекций в печати... Весьма было бы желательно увидеть поскорее в печати лекции его о Петре. Корреспонденций о нем было много, но важно было бы появление самой книги: век Петра, освященный почтенным историком нашим с расстояния двухсот лет и после освобождения крестьян, — это стоит ожидания, и этой книге ждут». (См.: С. Профессор Сергей Михайлович Соловьев. — *ВИ*, 1872, № 371, с. 370—371).
- ⁸⁸ Десятая лекция была прочитана С. М. Соловьевым в воскресенье 30 апреля 1872 г. в 14 ч. 30 мин.

- ⁸⁹ Вопрос о роли Петра I в истории русской православной церкви изучен уже довольно подробно в советской исторической науке (см. последние работы в этой области: *Майкова Т. С.* Петр I и православная церковь. — Наука и религия, 1972, № 7, с. 38—46; *Она же.* «Верил только своим глазам...» — Там же, 1973, № 5, с. 55—61).
- ⁹⁰ Приглашение ученых монахов на архиерейские кафедры России с Украины практиковалось и до Петра I. Значительное число проповедников были воспитанниками Киево-Могилянской коллегии (см. об этом: Исторический очерк русского проповедничества. СПб., 1879, и примеч. 89).
- ⁹¹ Назвав башкирцев «дикарями», С. М. Соловьев отдал дань старой тенденции русской буржуазной науки, а именно: полупрезрительного наименования народов, входивших в состав Российской империи. Буржуазные ученые нередко сознательно преувеличивали их «дикость» с целью возвышения якобы цивилизаторской миссии царизма.
- ⁹² См.: Булавинское восстание/Сб. док. М., 1935, с. 450.
- ⁹³ Резкая характеристика, данная С. М. Соловьевым восставшим, несомненно, определяется общим отрицательным отношением автора к движению народных масс. Дворянско-буржуазная историография в целом расценивала Булавинское восстание как проявление казацкого анархизма, особенно опасного для государства в годы Северной войны. Советские историки выявили большое число новых документов о восстании, что и дало им возможность рассматривать его как антифеодальное крестьянско-казацкое выступление, вызванное общим усилением феодальной эксплуатации. Булавинское восстание было стихийным, локальным, в нем проявились царистские тенденции, но оно шло под лозунгом уничтожения бояр, воевод, «начальных людей», в нем приняли участие также и мелкие посадские люди, и угнетенные народности — татары, мордва (об этом см.: *Лебедев В. И.* Булавинское восстание. М., Л. 1934; *Подъяпольская Е. П.* Восстание Булавина, 1707—1709. М., 1962; *Буганов В. И.* Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М., 1976; Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: Проблемы, поиски, решения/Сб. ст. М., 1974).
- ⁹⁴ С. М. Соловьев цитирует письмо Петра I к Екатерине (см.: Письма и бумаги, т. 10, с. 193).
- ⁹⁵ См.: Письма и бумаги, т. 10, с. 648—649.
- ⁹⁶ Отклик в печати десятая лекция получила в ежедневной газете «Вестник Московской политехнической выставки» где в разделе «Московский дневник» говорится следующее: «Десятая (в газете ошибочно напечатано одиннадцатая! — Л. П.) публичная лекция С. М. Соловьева представила картинный очерк петровской деятельности первого десятилетия XVIII в. Вот краткая ее программа, насколько мы ее запомнили: стремление Петра дать России воспитательное образование через посредство духовенства; печальное состояние последнего; замена великорусских митрополитов малороссийскими; неудовольствие и ропот на Петра за его нововведения, за его войны; победа внутреннего врага (булавинский бунт); одоление внешнего супостата (Полтавский бой); вступление через эту победу Русского государства и его преобразователя в среду первенствующих держав Европы. Пределы заметки заставляют нас быть краткими. Особенно рельефен в лекции вышел очерк состояния тогдашнего духовенства, энергических мероприятий по духовному ведомству в характера некоторых архиереев: как, например, прекрасная, гуманная, истинно христианская личность святого Митрофана воронежского. Задуманнейшей мыслью Петра было ввести воспитательное, общеобразовательное начало — единственное средство просвещения народа. Но почин этого святого дела едва ли мог состояться при тогдашнем жалком, даже взорном невежестве духовенства. Смерть патриарха Адриана в октябре 1700 г. послужила началом преобразований в духовных делах. Через два месяца состоялся государев указ, чтобы „Патриаршему приказу разряды не быть“. Знаменитый впоследствии Стефан Яворский назначается „ексархом патриаршего престола, блюстителем и администратором“. Дом патриарха, архи-

рейские и монастырские дела поручаются светскому лицу. Так образуется монастырский приказ. Ему велено переписать все монастыри, мужские и женские: сколько монахов и монахинь переписчики застанут в каких монастырях, тем и оставаться в своих монастырях неисходно, в другие монастыри их не принимать. Миряне в монастырях жить не должны, чтецы и певцы должны быть монахи, дьячков-немонахов „выгнать вон“. Монахи в кельях, наедине, не должны ничего писать, чернил и бумаги не держать, писать в трапезе с позволения начальника, по преданию древних отец. Такое же сделано распоряжение и о монастырях женских; между прочим — постригать белиц не раньше 40 лет; ворота всегда запирают и при них держат караульных. Миряне входят только во время церковной службы, в другое время — с позволения игуменьи. В архиерейских и монастырских вотчинах велено сделать новые торги на все оброчные статьи. Грекам, армянам, индейцам запрещено останавливаться в монастырях как в гостиницах. Наконец, в декабре 1701 г. последовал знаменитый указ: „в монастыри монахам и монахиням давать определенное число денег и хлеба в общежительство их, а вотчинами им и никакими угодьями не владеть“. Белому духовенству повелено доставлять в приказ ведомости о числе родившихся и умерших. Оказалось, что в 1703 г. в Москве число смертных случаев слишком двумя тысячами превышало число рождений. Московская академия поручается Стефану Яворскому, который дает ей другой характер — элемент латинский в противоположность греческому, введенному Лихудой. Затем вызывается в Москву из Новгорода игумен Дмитрий (впоследствии ростовский чудотворец, составитель Четвй Миней и громовежец раскола). Но хотя преобразователь, не находя в среде великорусского духовенства достойных деятелей в деле образования и просвещения, вынужден был обращаться в малороссийский расадник в Киев, что, заметим, вызвало язвительнейшие порицания в духовенстве великорусском, мы должны, однако же, заметить, что и в среде последнего являлись личности высокообразовательные, далеко опередившие свое время и современных людей. В то время, когда духовные лица косились на нововведения, разорявшие, по их мнению, монастыри и архиерейские дома, воронежский епископ Митрофаний прославлял намерения государя относительно заведения флота и убеждал народ всеми силами помогать царю в великом деле: даже привез царю последние 6000 рублей на войну против неверных, и постоянно потом отсылаал накопившиеся у него деньги к государю с надписью „на ратных“. И преобразователь любил и чтит архипастыря: ни для кого, ни для чего ничем не жертвует в деле нововведений, в угоду епископу велел снять статуи языческих божеств, украшавших домик его в Воронеже, и горько оплакивал кончину святого старца». (ВМГВ, 1872, 2 мая, № 2, с. 4).

⁹⁷ Одиннадцатая лекция была прочитана С. М. Соловьевым в воскресенье 7 мая 1872 г. в 14 ч. 30 мин.

⁹⁸ С. М. Соловьев цитирует письмо Петра I к А. Д. Меншикову от 12 апреля 1711 г. в ответ на известие о смерти царевича имеретинского, умершего в шведском плену.

⁹⁹ С. М. Соловьев цитирует письмо Петра I графу Ф. М. Апраксину, адмиралу и сенатору, азовскому губернатору, от 24 апреля 1711 г. (см.: Письма и бумаги, т. 11, вып. 1, с. 194).

¹⁰⁰ С. М. Соловьев цитирует письмо Петра I адмиралу Ф. М. Апраксину от 19 сентября 1713 г.

¹⁰¹ С. М. Соловьев цитирует устный ответ Петра I литовскому гетману Потею, переданный через его посланника шляхтича Лойку (см.: История России, кн. 8, с. 432).

¹⁰² Положение о православных и лютеранах было использовано царским правительством как повод для вмешательства в польские дела под видом защиты православия. Сейм 1767 г. уравнил в гражданских правах жителей Польши всех вероисповеданий. Но это решение сейма вызвало резкий протест части католического духовенства и шляхетства. В 1768 г., объединившись в Бар-

- скую конфедерацию, они выступили с оружием в руках, что и послужило поводом первого раздела Речи Посполитой, по которому Россия получила латвийские и белорусские земли.
- ¹⁰³ И. Р. Паткуль в мемориалах, поданных Августу II, выражал опасения, что Россия победит Швецию в Северной войне и в результате этого выдвинется в число первостепенных стран Европы.
- ¹⁰⁴ С. М. Соловьев пересказывает письмо Петра I из Карлсбада от 30 октября 1712 г. адмиралу Ф. М. Апраксину: «Хотя оная (Финляндия) нам не нужна вовсе удерживать, но двух ради причин главнейших: первое, было бы что при мире уступить, о котором шведы уже явно говорить починают; другое, что сия провинция есть матка Швеции, как сам ведаешь...» (см.: *Берх В. Н. Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные.* СПб., 1829, ч. 1, с. 117—119).
- ¹⁰⁵ Аландский конгресс проходил с мая 1718 по октябрь 1719 г. Переговоры были прерваны из-за неуступчивости шведских послов.
- ¹⁰⁶ С. М. Соловьев цитирует здесь воспоминания Ф. В. Берхгольца (см.: *Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год.* М., 1857, ч. 1, с. 160).
- ¹⁰⁷ С. М. Соловьев цитирует речь канцлера графа Гавриила Ивановича Головкина (см.: *ПСЗ, т. 6, № 3840, с. 444—446*).
- ¹⁰⁸ Провозглашение Петра I императором, а России империей было, с одной стороны, выражением возросшего международного значения России, а с другой — оформлением абсолютного монархического правления в стране.
- ¹⁰⁹ С. М. Соловьев цитирует автобиографические записки И. И. Неплюева (см.: *Жизнь Неплюева, им самим написанная. — Отечественные зап., 1825, ч. 21, с. 434—443; ч. 23, с. 189—203*).
- ¹¹⁰ Интересны отклики печати на высказанные С. М. Соловьевым мысли о заботе Петра I развивать народные силы и народное хозяйство. Так, «Вестник Московской политехнической выставки» писал: «В своих беседах С. М. Соловьев, посвятив первые две характеристики русскому обществу перед эпохой преобразований и указав на потребность их, чувствовавшуюся в тогдашней жизни, старался определить роль великого человека среди народа, не унаследовавшего почти ничего от мира классического, вынужденного пройти через тяжелую школу научных и практических знаний, которые были уже усвоены Западной Европой, и потом неустанно следить за дальнейшим развитием европейской образованности, не отставая от других. Чтобы вести с успехом свой народ по пути преобразований, Петр должен был сам всему учиться, «пребывать в работе» с юных лет, избирать себе способных сотрудников и смотреть в то же время, чтобы иностранные учителя не давили своим превосходством начинающий учиться у них народ. Петр ценил труды иностранцев, но первые места всегда отдавал русским людям. По историческим преданиям своей страны, по связи русского дела с интересами славянских народов и с европейской политикой Петр должен был вести упорные борьбы с Турцией и Швецией. Но он не был завоевателем по страсти, по призванию. Он ценил ратное дело, равно как и морское, как одно из средств к достижению тех целей, которые свойственны мирному, гражданскому развитию народов. При таких войнах ему нужны были союзники, и он, верный охранитель интересов своего народа, устранял дружбу тех, кто предлагал ее на условиях невыгодных. Главную тяжесть войн пришлось вынести ему одному в союзе с своим народом, под шум оружия ему удалось выполнить все важнейшие внутренние преобразования. При исполнении их Петр был требователем, как может быть требовательным вождь, сам вникающий во все подробности дела. Спокойствие в минуты внешних и внутренних неудач, умение воспользоваться ими как уроком были в Петре одним из признаков великого человека. Но он, как и все великие люди христианской Европы, не стоял особняком от своего народа, не совершил чего-то чуждого его народу и работал над делом, которому суждено было иметь успех в будущем. Громкие дела героев степной Азии нередко погибали вместе с их смертью. Дело Петра проникало

в самую жизнь народную, возбуждая и напрягая ее, и было свободно от всяких мечтательных планов. Материальное благосостояние народа, развитие народного богатства и хозяйства всей страны были одною из главных забот его, и эта сторона его деятельности не осталась без глубоких последствий в жизни русского народа». (ВМГВ, 1872, 1 мая, № 1, с. 1—2).

¹¹¹ С. М. Соловьев цитирует указ от 2 марта 1722 г. об учреждении Сената (см.: ПСЗ, т. 4, № 2328).

¹¹² Основная идея судебной реформы 1719 г.— отделение суда от администрации. Однако на деле это отделение завершено не было (см. об этом: Очерки истории СССР, с. 395 — 412).

¹¹³ С. М. Соловьев цитирует слова механика Андрея Константиновича Нартова (см.: Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891, с. 154).

¹¹⁴ На одиннадцатую лекцию С. М. Соловьева откликнулась газета «Вестник Московской политехнической выставки» специальной статьей. Вот она:

7 мая С. М. Соловьев прочел одиннадцатую лекцию о Петре Великом. Сообщаем краткое содержание этой лекции.

«Преславная виктория» Полтавская не раздавила воинственного азарта Карла XII: он бежал в Турцию со своей свитой, принят был там почетно. Карл употребляет все средства, чтобы вовлечь турок в войну с Россией. Пронски его идут успешно, он даже занимает у Порты 400 000 талеров без процентов. Петр требовал решительного выполнения мирного договора и первым условием постановил удаление Карла. Но гонцы, везшие грамоту, были схвачены на границе, а 20 ноября Диваном решена была на весну война с Россией, и посол наш Толстой, сильно противудействовавший Карлу, посажен в Семибашенный замок.

Эта весть сильно огорчила Петра. Задуманнейшей мыслью его было кончить как можно скорее войну выгодным миром, и потому он не давал отдыха ни себе, ни войску, ни народу. А тут опять война, война с сильным неприятелем и при какой неблагоприятной обстановке: шведы, конечно, пожалуют в гости, Польша ненадежна, дела в ней идут «как молодая брага», Дания, объявившая Швеции войну, не в состоянии удержать врага. 25 февраля 1711 г. в московском Успенском соборе в присутствии царя объявлено было народу о войне. 6 марта царь выехал к польским границам, сильно и опасно заболел в Луцке, но оправился, а в конце апреля даже повеселел. Пришло известие, что татары, напавшие на Украину, прогнаны с уроном, а Заднепровская Украина, приставшая было к Орлику, преемнику умершего бунтовщика Мазепы, приведена в послушание. Наконец в мае польский король Август заключает с Петром оборонительный договор. Гораздо важнее, однако, этой сомнительной помощи была помощь турецких христиан, Молдавии и Валахии. Они с затаенным восторгом ждали полтавского героя, и молдавский господарь Кантемир заключает с царем тайный договор, по которому отдает Молдавию в подданство России, разумеется, на условиях и в случае успеха в войне с Турцией. Эти союзные заявления турецких христиан были причиной того, что Петр приказал Шереметеву стать у Днестра. Кантемир объявил себя на стороне России, 24 июня Петр был уже на Пруте. Тем не менее первые военные действия должны были начаться при условиях весьма неблагоприятных: недостаток провианта был крайне ощутителен, а Молдавия была опустошена саранчой. Стало известно, что у неприятеля около *Браилова** собрано множество провианта, никем не охраняемого, и вот причина, почему Петр решился перейти Прут, а конницу с Ренне и Чириковым отправить для возбуждения Валахии. Это было 30 июня. 7 же июля получено известие, что визирь переправляется через Прут, а хан перешел реку зади. На генеральном совете выяснилось: в провианте и конских кормах сильный недостаток, конница истощена, турок 119 665 да татар 70 000, а у нас всего 38 246 человек! Положено отступить. 9 июля достигли *Новых Станислаш*** : начался бой! Турки наступали «прежестoko», но особого вреда

* В оригинале: Брашева.

** В оригинале: Нового Станелища.

не нанесли. Тем не менее положение русских войск было отчаянное: они были истомлены боем и зноем, провианта мало, помощи ниоткуда. Но и визирь находился в затруднительном положении: испуганные отчаянным сопротивлением, потерявшие 7 000 человек, янычары отказались продолжать битву 10 числа и кричали о заключении мира.

Начался переговоры. 12 июля был заключен договор, по которому, между прочим, туркам отдавались Азов, Таганрог, Каменный Затон и др., королю шведскому — свободный проход; всю прежнюю неприязнь положено забыть и проч.

Велика была радость русского войска, но на Петра этот мирный исход произвел тягчайшее впечатление. Вместо того чтобы своим появлением поднять христианское население Турции, он заключает позорный мир, отказавшись от завоеванного Азовского моря, взятых и построенных городов. Переговоры, по изветам Карла, длились чрезвычайно долго, прежние условия были изменены, и мир, окончательно заключенный 5 апреля 1872 г. (так в оригинале вместо 1712 г. — Л. П.), был хотя тягостен, но не позорен. Важнейшим следствием этой несчастной войны было для России начало *славянского вопроса*, т. е. сближение с славянскими народами.

4 сентября 1718 г. (так в оригинале вместо 1721 г. — Л. П.) в Петербурге сделалось сильное волнение: царь неожиданно возвратился из своей поездки, плывет и каждую минуту стреляет из трех пушек. Встреченный восторженными криками народа, прямо с бригантин в Троицкий собор, а оттуда после молебна на Троицкую площадь, где уже приготовлены кадки с вином и пивом и устроено возвышенное место. На него всходит царь и говорит окружающему народу: «Здравствуйте и благодарите бога, православные, что толикую и долговременную войну, которая продолжалась 21 год, всеильный бог прекратил и даровал нам со Швециею счастливый вечный мир!». Сказавши это, Петр берет ковш с вином и пьет за здоровье народа, который плачет и кричит: «Да здравствует государь!». С крепости раздаются пушечные выстрелы, драгуны развезжают по городу, возвещаая «превостную» весть. 10 числа начинается маскарад и продолжается целую неделю. Петр велелся, как ребенок, плясал по столам и пел песни.

20 октября, в Сенате, Петр объявляет, что в знак благодарности за божию милость он дает прощение всем осужденным преступникам, освобождает государственных должников, слагает недоимки, накопившиеся с начала войны по 1718 г. В тот же день Сенат решает поднести Петру титул Отца Отечества, Императора и Великого.

22 октября — новое церковное торжество в Троицком соборе: после литургии Феофан Прокопович говорит сильную проповедь, которую оканчивает так: «Виват, виват, виват Петру Великому, Отцу Отечества, Императору все-российскому!». Сенаторы три раза прокричали «виват!», за ними повторил этот крик весь народ, стоявший внутри и вне церкви. Раздался колокольный звон, звуки труб, литавр и барабанов, пушечная и ружейная стрельба.

Последствия великой Северной войны были следующие: Швеция потеряла свое первенствующее положение на северо-востоке, которое заняла Россия. Но этим не ограничивалось значение великого события. Занявшая место Шведци держава была держава новая, не участвовавшая прежде в общей европейской жизни; держава, принесившая европейской истории целый новый мир отношений; держава громаднейшая, простиравшаяся до Восточного океана; держава славянская, исповедовавшая восточную церковь, естественная представительница племен славянских. Давно история не видела явления, более обильного последствиями.

В материальном отношении Россия получала Лифляндию*, Балтийское поморье и могла Балтийское море назвать «св.им.». (ВМГПВ, 1872, 9 мая, № 9, с. 4).

* В оригинале ошибочно: Финляндию.

- ¹¹⁵ Последнюю, двенадцатую лекцию С. М. Соловьев прочитал в воскресенье 14 мая 1872 г. в 14 ч. 30 мин.
- ¹¹⁶ См. дело А. Д. Меншикова. ЦГАДА, ф. 198, А. Д. Меншиков, д. 291, л. 136—138.
- ¹¹⁷ См. об этом подробнее: История России, кн. 8, с. 500.
- ¹¹⁸ См. об этом подробнее: История России, кн. 9, с. 491.
- ¹¹⁹ «Любимцем народа» царевича Алексея выставляли церковники и кликуши, внушавшие ему, что народ ненавидит Петра I и ждет от его сына возвращения к старой вере и старым порядкам.
- ¹²⁰ Здесь и выше С. М. Соловьев цитирует письмо Петра I царевичу Алексею от 11 октября 1715 г. (см.: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого, т. 6, прил. 46, с. 346—348).
- ¹²¹ С. М. Соловьев пересказывает здесь указ Петра I Сенату от сентября 1718 г. (см.: ЦГАДА, ф. 9, Кабинет Петра I, отд. 22, кн. 33, л. 96—97).
- ¹²² С. М. Соловьев не указал источника, откуда им взяты эти цифровые данные. Исследователи приводят и иные показатели (см.: Очерки истории СССР, с. 102; Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности в России в первой четверти XVIII в. М., 1953).
- ¹²³ С. М. Соловьев цитирует здесь указ Петра I Сенату от декабря 1719 г. См.: ПСЗ, т. 5, № 3464.
- ¹²⁴ С. М. Соловьев цитирует письмо Петра I к А. Д. Меншикову (см.: История России, кн. 8, с. 477).
- ¹⁵ Здесь мы снова встречаемся с попыткой С. М. Соловьева идеализировать политику Петра I в отношении крестьянства. На самом деле крепостное землевладение в первой четверти XVIII в. заметно расширилось. Положение крестьян отягощалось всевозможными государственными повинностями, рекрутскими наборами, налоговой политикой. Никакого постепенного уврачевания старых зол Русской земли не было и не могло быть (см.: Очерки истории СССР, с. 44—63, 152—184).
- ¹²⁶ Указы об учреждении майората, откуда и взяты цитируемые тексты (см.: ПСЗ, т. 5, № 2789, 2796).
- ¹²⁷ См. об этом подробнее: Письма и бумаги, т. 9, вып. 1, с. 106; вып. 2, с. 600—602.
- ¹²⁸ См. об этом: ЦГАДА, ф. 9, Кабинет Петра I, отд. 22, кн. 57, л. 48.
- ¹²⁹ Речь Феофана Прокоповича переиздавалась неоднократно (см.: Прокопович Ф. Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные. СПб., 1760—1774. Ч. 1—4. Он же. Соч. Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961).
- ¹³⁰ На последнюю лекцию С. М. Соловьева откликнулась газета «Вестник Московской политехнической выставки»: «Сегодня в воскресенье С. М. Соловьев заключил блистательный ряд своих лекций о Петре Великом. Обрисовав страстную любовь Петра к тем нововведениям, которые он считал полезными для России и которые он только вследствие неутомимой заботливости, энергии и упорного труда привил к своему любимому царству, г-н профессор заметил, что в последние дни своего царствования Петр терзался мыслию, что все, им содеянное и начатое для блага народа, может погибнуть и не осуществиться. Тем более скорбел великий преобразователь, что сын и наследник его царевич Алексей был на стороне людей, враждебно смотревших на затаенного Петра. Но не так легко мог отказаться гений от того, что он задумал: мог ли же равнодушно относиться к своим задушевным планам тот Петр, который, начиная еще рыть Ладожский канал, уже мечтал, как прямо по воде он будет ездить из Петербурга в Москву. При первом зачатии какого-нибудь дела перед Петром уже рисовалась целая картина осуществленного замысла. Петр, не жалевший в настоящем ни трудов, ни забот, ни средств, жил для будущего блага своего царства, зная, что ему многого не дожидаться из того, что он предпринял, но что все, что он посеял, принесет хорошие плоды его подданным. И что же? В сыне своем, в своем наследнике он встречает явного врага своих деяний. Петр не колеблется, он приносит России в жертву все,

даже свое отеческое чувство. Царевич отдан под суд и, наконец, умирает в темнице неразъяснимой историею смертью.

Все это не могло не подействовать на здоровье Петра Великого и не ускорить его смерти. С. М. Соловьев сделал затем обзор всех деяний Петра. Подробно описав в хронологическом порядке его старания и неусыпную заботливость о благе своей России, сказал о передаче казенных заводов в частные руки, о первой идее заменить топливо каменным углем, о поощрении русских фабрикантов, перенимающих у иностранцев новые фабричные улучшения и вводящих эти улучшения у себя и о некоторых стеснениях для тех, которые продолжали держаться старой рутины; об учреждении Главного магистрата, купеческих гильдий; об улучшении дорог, которые были при нем еще в страшном положении; об увеличении финансов; о приобретении Каспийского моря и т. д. Когда не стало Петра, один из его сподвижников, знаменитый проповедник Прокопович, произнес надгробное слово, прерываемое слезами слушателей. Заключил его оратор следующим выражением: „Тела Петра нет, но дух его не умер и не умрет!“

“Пророчество сбылось,— прибавил от себя г-н Соловьев.— Дух Петра жив и живет между нами в настоящее время. Начатое им дело продолжается и расцвет Отпразднуем же предстоящий праздник, но не по внешней форме, не в одно только воспоминание прошедшего, но...”

Последних слов оратора мы не расслышали. Раздались громкие рукоплескания, при которых Сергей Михайлович сошел с кафедры. Долго и затем не умолкавшие единодушные аплодисменты публики свидетельствовали о живом сочувствии к предмету, которому уважаемый ученый умел придать так много интереса своим увлекательным словом». (ВМПВ, 1872, 15 мая, № 15, с. 3).

¹³¹ С. М. Соловьев пересказывает «Житие» протопопа Аввакума (см. примеч. 31).

¹³² Еще один пример отклика С. М. Соловьева на политическую жизнь России 70-х годов XIX в. Как известно, вопрос о соединении труда с капиталом усиленно дебатировался в публицистике того времени. Журналы охотно печатали рецензии на книги по данной тематике (см., например: *Фуку Ф.* История труда. Природа и человек. СПб., 1870.— Рец. Отечественные зап., 1871, № 12, с. 211—218; «Дело», 1871, № 12, с. 71—82). Публиковались также большие развернутые статьи, в которых обсуждалась острая проблема развития промышленности и роли капитала в этом процессе (см., например: *Вешняков В. И.* Русская промышленность и ее нужды.— Вестник Европы, 1870 № 10/12; 1871, № 45). Кроме того, эти и многие другие вопросы о соединении труда с капиталом затрагивались во «Внутренних обозрениях» различных общественно-политических журналов (см., например: *Михайловский Н.* Литературные заметки.— Отечественные зап., 1877, № 1; *Деметр Н. А.* Внутреннее обозрение.— Там же, № 4 и многие другие материалы).

¹³³ См. примеч. 13.

¹³⁴ С. М. Соловьев цитирует письмо Петра I царице Наталье Кирилловне (см. примеч. 37, 43).

¹³⁵ См. об этом подробнее: История России, кн. 7, с. 627.

¹³⁶ С. М. Соловьев цитирует здесь регламент духовной коллегии, изданный в январе 1721 г. (см. ПСЗ, т. 6, № 3718).

¹³⁷ Под «преславной викторией» С. М. Соловьев имеет в виду полтавскую победу 1709 г.

¹³⁸ Речь идет о брате царя Александра II, генерал-адмирале великом князе Константине Николаевиче, прибывшем из Петербурга в Москву 30 мая 1872 г. для участия в торжествах.

¹³⁹ См. примеч. 91.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ВИ — Всемирная иллюстрация.
ВМПВ — Вестник Московской политехнической выставки.
Деяния Петра Великого — *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам: В 12-ти ч. М., 1788—1797.
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.
Известия ОЛЕАЭ — Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.
История России — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 15-ти кн. М., 1959—1966. Дополнение: В 18-ти т.
Очерки истории СССР — Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954.
Письма и бумаги — Письма и бумаги Петра Великого: В 11-ти т. СПб., 1877—1964.
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. [Собрание 1-е].
Пушкин — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М., 1977—1979.
СИЭ — Советская историческая энциклопедия: В 16-ти т. М., 1961—1976.
ГБЛ — Рукописный отдел Всесоюзной государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

С. М. Соловьев. Рисунок П. Ф. Бореля, гравюра Л. А. Серякова. — ВИ, 1872, № 179, с. 364.	4—5
Титульный лист первого издания «Публичных чтений о Петре Великом» С. М. Соловьева (М., 1872).	7
Чтение С. М. Соловьевым речи о Петре I на торжественном акте в Московском университете 30 мая 1872 г. (<i>Петров П. Н., Шубинский С. Н.</i> Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого. СПб., 1872, с. 269)	148
Первый лист рукописного оригинала «Публичных чтений о Петре Великом». Автограф. ГБЛ, ф. 285, д. VII/9, л. 1.	165
Чтение С. М. Соловьевым лекции о Петре I в зале дворянского собрания в Москве. Рисунок Г. Бролинга, гравюра К. Вейермана. — ВИ, 1872, № 179, с. 364.	181
Последний лист рукописного оригинала «Публичных чтений о Петре Великом». Автограф. ГБЛ, ф. 285, д. VII/9, л. 24 об.	185

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Аввакум Петрович** (1620 или 1621—1682), глава и идеолог рус. раскола, протопоп, писатель 36, 37, 210, 223
- Август II Сильный** (1670—1733), курфюрст саксонский (под именем Фридриха Августа I) с 1694, король польск. в 1697—1706, 1709—1733 68, 82, 84—87, 91, 114, 117—120, 122, 164, 215, 219, 220
- Адриан** (1627—1700), патриарх всерос с 1690 106, 107, 213, 217
- Аксаков Константин Сергеевич** (1817—1860), литератор и историк, славянофил 200
- Александр Великий** (356—323 до н. э.), царь Македонии с 336 102
- Александр I** (1777—1825), рос. имп. с 1801 191, 198
- Александр II** (1818—1881), рос. имп. с 1855 197, 223
- Алексеев Петр см. Петр I**
- Алексей Михайлович** (1629—1676), рус. царь с 1645 30, 41, 42, 45, 57, 72, 102, 134, 152, 176
- Алексей Петрович** (1690—1718), сын Петра I 133—136, 180, 222
- Амфилохий см. Сергиевский П. И.**
- Андрей Боголюбский** (ок. 1111—1174), кн. владимиристо-суздальский с 1157 88
- А-ов Л.**, журналист 180
- Апраксин Федор Матвеевич** (1661—1728), ген.-адмирал, гр., сподвижник Петра I 125, 126, 213, 215, 218, 219
- Асиновская Софья Абрамовна**, сов. историк 202
- Астахов Виктор Иванович**, сов. историк 202
- Ашукин Николай Сергеевич**, сов. лингвист 206
- Ашукина Мария Григорьевна**, сов. лингвист 206
- Б. Яков**, журналист 180, 182
- Балакирев Иван Александрович** (1699—?), придворный шут 189
- Барсов Елпидифор Васильевич** (1836—1917), фольклорист, собиратель и исслед. древнерус. письменности 168, 187
- Барсуков**, торговец и судовладелец 137, 160
- Бек Август** (1785—1867), нем. филолог и историк античной Греции 168
- Белов Евгений Александрович** (1826—1895), историк 188, 210
- Беляев Иван Дмитриевич** (1810—1873), историк, славянофил 168
- Берх Василий Николаевич** (1781—1834), историк флота и мор. геогр. открытий 219
- Бергольц Фридрих Вильгельм** (1699—1765), голштинский дворянин 219
- Бестужев-Рюмин Константин Николаевич** (1829—1897), историк 183, 206
- Бидлоо Николай** (?—1735), гол. врач 108
- Б. К. Н.**, журналист 180
- Богословский Михаил Михайлович** (1867—1929), историк 202
- Боженिनны**, торговцы и судовладельцы 137, 160
- Божеянов Иван Николаевич** (1852—1919), писатель 188

* Указатель составлен Л. Н. Пушкиревым.

Условные сокращения: англ.— английский; афин.— афинский; вел.— великий; визант.— византийский; воен.— военный; рос.— российский; ген.— генерал; гол.— голландский; гос.— государственный; гр.— граф; древнегреч.— древнегреческий; имп.— император; имп-ца — императрица; кн.— князь; крест.— крестьянский; моск.— московский; нем.— немецкий; парт.— партийный; польск.— польский; рев.— революционер; рус.— русский; сиб.— сибирский; сов.— советский; франц.— французский; церк.— церковный.

- Борис Годунов (ок. 1552—1605), рус. царь с 1598 30, 34, 72
- Боткин Василий Петрович (1811—1869), критик, публицист, переводчик 205
- Брант, гол. корабельный мастер 54
- Бредихин Федор Александрович (1831—1904), астроном 183
- Брюс Яков Вилемович (1670—1735), воен. и гос. деятель, сподвижник Петра I 168
- Буганов Виктор Иванович, сов. историк 208, 217
- Булавин Кондратий Афанасьевич (ок. 1660—1708), предводитель антифеод. восстания 1707—1709 113, 114, 213
- Бычков Афанасий Федорович (1818—1899), археолог, историк 187
- Бэкон Фрэнсис (1561—1626), англ. философ 211
- Бюргер А. Н., литератор 188
- Василий II Темный (1425—1462), вел. кн. московский с 1425 г. 210
- Веселовский Константин Степанович (1819—1901), экономист 183, 184
- Вешняков В. И., журналист 223
- Виниус Андрей Андреевич (1641—1717), гос. деятель 65, 87, 139, 213
- Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925), историк-позитивист 193
- Витберг Федор Александрович (1846—1919), филолог 183, 184
- Витовт (Витаутас) (1350—1430), вел. кн. Литвы в 1392—1430 169
- Войнов Михаил Иванович (1844—1875), медик 183
- Воровский Вацлав Вацлавович (1871—1923), сов. парт. и гос. деятель 202
- Гавенский Христофор, переводчик 168
- Гагарин Матвей Петрович (?—1721), кн., сиб. губернатор 131
- Ге Николай Николаевич (1831—1894), художник 180
- Гейман Родион Григорьевич (1802—1865), химик 202
- Геннин (де Геннин) Виллим Иванович (1676—1750), организатор горного металлург. производства в России, ген.-лейтенант 139
- Георг I (1660—1727), англ. король с 1714 и курфюрст ганноверский с 1698 г. 122
- Гербер Иоганн Густав (?—1734), воен., на рус. службе с 1710 168
- Герц Георг Генрих (1668—1719), барон, министр Карла XII 122
- Глюк Эрнест (1652—1705), пастор 168
- Голиков Иван Иванович (1735—1801), историк 199, 206, 224
- Голицын Василий Васильевич (1643—1714), гос. деятель 42, 58
- Голицын Михаил Михайлович (1675—1730), кн., полководец, фельдмаршал 92
- Головин Федор Алексеевич (1650—1706), дипломат 60, 74, 86, 100, 124, 125
- Головкин Гавриил Иванович (1660—1734), гр., канцлер, сенатор, сподвижник Петра I 125, 126, 219
- Гоппе Герман Дмитриевич (1836—1885), книгоиздатель 189
- Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855), историк и общества деятель 193, 202, 205, 206
- Григорович Виктор Иванович (1815—1876), славист 184
- Грот Яков Карлович (1812—1893), филолог 183, 184
- Густав II Адольф (1594—1632), шведский король с 1610 81
- Даниил см. Негош Данило Петрович
- Данте Алигьери (1265—1321), итальянский поэт 205
- Деваэт-Гирей I (?—1577), крымский хан с 1551 210
- Демерт Николай Александрович (1835—1876), журналист 223
- Демидовы, заводчики и землевладельцы 139
- Денисов Андрей (1664—1730), идеолог старообрядчества 168
- Державин Гавриил Романович (1743—1816) 188, 206
- Диоген из Синопа (ок. 404 — ок. 323 до н. э.), древнегреч. философ-киник, материалист 213
- Дмитриевский (Дьяконов) Иван Афанасьевич (1734—1821), актер, режиссер, педагог 168
- Дмитриев Сергей Сергеевич, сов. историк 210
- Дмитрий Ростовский (Даниил Саввич Туптало) (1651—1709), митрополит, писатель 107, 109, 110, 218
- Добролюбов Николай Александрович (1836—1861), публицист, рев.-демократ 200
- Долгорукий Василий Владимирович (1667—1746), кн., ген.-фельдмаршал, участник бярского заговора против Петра I 114

- Долгорукий Василий Лукич (1670—1739), кн., дипломат 125
- Долгорукий Григорий Федорович (1656—1723), кн., дипломат 94, 125
- Долгоруков [Долгорукий] Иван Михайлович (1764—1823), кн., писатель 168
- Дорошенко Петр Дорофеевич (1627—1698), гетман Правобережной Украины в 1665—1676 58, 171
- Дубровский Сергей Митрофанович (1900—1970), историк 201
- Дулов Александр Всеволодович, сов. историк 208
- Дурново С. П., ген.-майор 203
- Е. В., журналист 180
- Евдокия Федоровна (1669—1731), первая жена Петра I 134, 136
- Екатерина I (Марта Скарронская) (1684—1727), рос. имп-ца с 1725 134, 217
- Екатерина II (София-Фредерика-Августа) (1729—1796), рос. имп-ца с 1762 121, 125, 168
- Екатерина Ивановна (1691—1733), племянница Петра I 122
- Елена, старица см. Евдокия Федоровна
- Елизавета Петровна (1709—1761/62), рос. имп-ца с 1741 209
- Ельчанинов Богдан Федорович (1744—1769), писатель 168
- Елифаний Славиницкий (?—1675), рус. и укр. ученый и писатель, переводчик 40, 210
- Есипов Савва, подьячий, составила в 1636 г. сибирскую летопись.
- Жданов Никита, помещик-разбойник 216
- Забелин Иван Егорович (1820—1908/09), историк и археолог 188
- Захаров Данила, помещик-разбойник 216
- Захаров Иван, помещик-разбойник 216
- Золотарев Петр, автор записок о С. Разине 168
- Золотов В., журналист 188
- Иванов Федор Федорович (1777—1816), драматург 168
- Ивановский Антон Доминикович (1823—1873), историк 183
- Иверсон Юлий Богданович, нумизмат 189
- Измайлов Александр Ефимович (1779—1831), писатель 168
- Иллерецкий Владимир Евгеньевич (1912—1980), историк 190
- Иловайский Дмитрий Иванович (1832—1920), историк 191
- Ильин Николай Иванович (1772—1823), драматург 168
- Ильинский Александр Григорьевич (1847—1877), историк 168
- Иоанн III Васильевич (1440—1505), вел. кн. Московский с 1462 29
- Иоанн IV Васильевич (Грозный) (1530—1584), первый рус. царь с 1547 29, 30, 35, 45, 67, 76, 150, 151, 211
- Иоанн V Алексеевич (1666—1696), рус. царь в 1682—1689 (совместно с Петром I) 41—44
- Иов, митрополит новгородский 109
- Исаев Илья, вице-президент Главного магистрата 137
- Исайя, митрополит нижегородский 110
- И, журналист 189
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), историк гос. школы, правед, публицист 199, 203
- Кантемир Дмитрий Константинович (1673—1723), ученый и полит. деятель, господарь Молдавии с 1710 117, 220
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), историк и писатель 199, 213
- Карл II (1661—1700), испанский король 214
- Карл XII (1682—1718), король Швеции с 1697, полководец 85, 86, 91, 92, 112—116, 220, 221
- Карлейль (Карлайл) Томас (1795—1881), англ. публицист, философ и историк 205
- Кафенгауз Борис Борисович (1894—1969), историк 202, 216
- Кельсиев Василий Иванович (1835—1872), рус. рев. 188
- Киреева Раиса Александровна, сов. историк 201
- Ключевский Василий Осипович (1841—1911), историк, крупнейший представитель бурж.-либер. историографии 201
- Колесник Ирина Ивановна, сов. историк 190
- Кольбер Жан Батист (1619—1683), франц. гос. деятель 32, 33, 211
- Кон Игорь Семенович, сов. философ 206
- Константин I Великий (285—337), рим. имп. с 306 133

- Константин Николаевич (1827—1892), вел. кн., ген.-адмирал 179, 184, 223
 Конт Огюст (1798—1857), франц. философ-позитивист и социолог 206
 Конт Арман де Бурбон (1629—1666), принц 82
 Копьевич (Копиевский) Илья Федорович, издатель, переводчик при Петре I 168
 Корецкий Вадим Иванович, сов. историк 201, 208
 Корсаков Дмитрий Александрович (1843—1919), историк 179, 184
 Коссов Ильдефонс Казимирович, ученый-львовед 183
 Костомаров Николай Иванович (1817—1885), укр. и рус. историк и писатель 179, 208
 Коялович Михаил Осипович (1828—1891), историк 193
 Крекшин Петр Никифорович (1684—1763), историк 168, 206
 Крисп (300—326), сын Константина I Великого 133
 Круа фон Карл Евгений (1650—1702), фельдмаршал рус. армии, командовал войсками в битве со шведами под Нарвой 86
 Круковский Адриан Васильевич, историк 191
 Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868), литератор 188
 Кунст (Куншт) Иоганн, актер 102
 Куракин Борис Иванович (1676—1727), кн., сподвижник Петра I, дипломат 125
 Курбатов Алексей Александрович (?—1721), гос. деятель 99—101, 115, 132, 137
 Курций Руф Квинт (I в. н. э.), римский историк 102
 Кура, половецкий хан 208
 Кустодиев Константин Лукич (?—1875), протоиерей в Карлсбаде 183, 188
 Кушелев-Безбородко Григорий Александрович (1832—1870), издатель 203
 Лебедев Владимир Иванович (1894—1966), историк 217
 Левандовский Андрей Анатольевич, сов. историк 190
 Левенгаупт Адам Людвиг (1659—1719), гр., шведский ген. 92
 Левина Ева, амер. историк 216
 Ленин В. И. 197, 201, 205, 216
 Леонтьев Н., литератор 184
 Лефорт Франц Яковлевич (1655/56—1699), адмирал, швейцарец, с 1678 на рус. службе 56, 60, 74
 Лихуды, Иоанникий (1633—1717) и Софроний (1652—1730), братья, рус. просветители 40, 218
 Лойка, литовский шляхтич 218
 Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) 188, 206, 207
 Лопатинский Феофилакт (?—1741), церк. писатель 107
 Лушев А. М., художник 189
 Любимов Николай Алексеевич (1830—1897), физик 183
 Людовик XIV (1638—1715), франц. король с 1643 32, 82, 115, 187, 197, 214
 Лютер Мартин (1483—1546), один из вождей Реформации 34, 171
 Магницкий Леонтий Филиппович (1699—1739), математик, автор первого учебника «Арифметика» 101
 Мазепа Иван Степанович (1644—1709), гетман Левобережной Украины в 1687—1708 92, 114, 144, 220
 Майков Леонид Николаевич (1839—1900), литературовед, этнограф 216, 220
 Майкова Татьяна Сергеевна, сов. историк 217
 Макарова Софья Марковна (1834—1887), детская писательница 189
 Мария Алексеевна (1660—1723), царевна 136
 Маркс Карл 205, 216
 Матвеев Артамон Сергеевич (1625—1682), дипломат 213
 Медведев Сильвестр (1641—1691) (до пострижения в монахи в 1674 или 1675 — Симеон Агафонников), публицист, историк, просветитель 40, 54
 Межов Владимир Измайлович (1830—1894), библиограф 187
 Мезенцев С. Н., воен. историк 183
 Меншиков Александр Данилович (1673—1729), гос. и воен. деятель, генералиссимус 88, 91, 96, 114, 131, 132, 154, 215, 216, 218, 222
 Милорадович Михаил (?—1726), сербский полковник 117—119
 Мильтиад (ок. 550—489 до н. э.), афин. полководец, одержавший победу над персами в битве при Марафоне 153
 Милуков Павел Николаевич (1859—1943), историк 201

- Миних Бурхард Кристоф (1683—1767), ген.-фельдмаршал рус. армии 138
- Мицлов Рудольф Иванович (1811—1883), библиограф 187
- Миркович Григорий, богослов 210
- Митрофан (1623—1703), епископ воронежский 110, 217
- Михаил Федорович (1596—1645), царь, родоначальник династии Романовых. 72, 81, 176
- Михайлов Петр см. Петр I
- Михайловский Николай Константинович (1842—1904), публицист и критик 223.
- Моисей Петрович, сербский архиепископ 119
- Мольер (Жан Батист Поклен) (1622—1673) франц. комедиограф 102
- Мстиславец Петр Тимофеевич (?—1580), типограф, соратник первопечатника Ивана Федорова 210
- М. У., журналист 180
- Мусин-Пушкин Иван Алексеевич (1744—1817), гр., гос. деятель, археограф, историк 108, 110.
- Мюнцер Томас (ок. 1490—1525), один из идеологов и руководителей Крестьянской войны 1524—1525 в Германии.
- Мясоедов Григорий Григорьевич (1835—1911), художник 180.
- Н. А., журналист 188
- Нарочницкий Алексей Леонтьевич, сов. историк 207
- Нарский Игорь Сергеевич, сов. философ 206
- Нартов Андрей Константинович (1693—1756), механик и изобретатель 216, 220
- Нарышкина Наталья Кирилловна (1651—1694), царица 41—43
- Негош Данило Петрович (1697—1735), митрополит черногорский с 1697 г. 118
- Неманов Илья Натанович, сов. историк 205
- Неплюев Иван Иванович (1693—1773), гос. деятель 125, 126, 219
- Нерон Клавдий Цезарь (37—68), римский имп. с 54 61
- Нестеров Алексей, обер-фискал, автор проектов 130, 132
- Никитин С., журналист 180
- Н. М., журналист 180, 184
- Новаковский Вл., писатель 189
- Огилавь Георг Бенедикт, фельдмаршал 154
- Огородников Степан Федорович (1835—1909), историк 188
- Ордын-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (ок. 1605—1680), гос. воен. деятель, дипломат 176
- Остерман Андрей Иванович (1686—1747), гр., гос. деятель, дипломат 125
- Павленко Николай Иванович, сов. историк 200, 202, 222
- Паткуль Иоганн Рейнгольд (1660—1707), лифляндский дворянин 84, 85, 122, 215, 219
- Пашуто Владимир Терентьевич (1918—1983), историк 208
- Петр I (1672—1725) 5, 8, 10—13, 33, 34, 41—46, 49—71, 73—75, 77—82, 85—103, 105—110, 112—149, 152—155, 157—164, 166—169, 171, 173—192, 194—207, 209, 211—224
- Петров Михаил Назарович (1826—1887), историк, 183
- Петров Петр Николаевич (1827—1891), историк 186, 188
- Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918), деятель рос. и междунар. рев. движения 201, 202
- Погодин Михаил Петрович (1880—1875), историк, писатель 183
- Подъяпольская Елена Петровна, сов. историк 217
- Покровский Михаил Николаевич (1868—1932), историк 201
- Полевой Николай Алексеевич (1796—1846), писатель и историк 188
- Поликарпов-Орлов Федор Поликарпович (ок. 1670—1731), писатель, переводчик, историк, издатель 101, 142
- Полозов Захар, помещик-разбойник 216
- Полозов-Куля Василий, помещик-разбойник 216
- Попов Нил Александрович (1833—1891), историк 183, 184
- Посошков Иван Тихонович (1652—1726), экономист и публицист 98, 99, 138, 141, 216
- Потей, литовский гетман 120, 218
- Предтеченский Анатолий Васильевич (1893—1966), историк 200
- Преображенский Александр Александрович, сов. историк 208
- Прокопович Феофан (1681—1736), церк. деятель 107, 145, 199, 221—223

- Птолемей Клавдий (II в. н. э.), греческий астроном и математик 119
- Пушкарев Лев Никитич, сов. историк 202, 204
- Пушкарева Наталья Львовна, сов. историк 216
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) 188, 199, 200, 212, 224
- Ренне Карл Эвальд, ген. 118, 220
- Робинсон Андрей Николаевич, сов. филолог 210
- Рогоульский, капитан 216
- Ромодановский Федор Юрьевич (ок. 1640—1717), кн., гос. деятель 55, 216.
- Рудаковский, переводчик рус. посольства в Варшаве 121, 122, 164
- Рулье Карл Францевич (1814—1858) биолог 202
- Рыбкин, лекарь 108
- Рюрик, предводитель варяжской дружины 213
- С., журналист 216
- Сахаров Анатолий Михайлович (1923—1978), историк 196, 203
- Сахаров Иван Петрович (1807—1863), фольклорист, этнограф 206
- Свидригайло (?—1452), вел. кн. Литвы в 1430—1432 169
- Святослав I (?—972), вел. кн. киевский с 1073 20, 208
- Сергиевский (Амфилохий) Павел Иванович (1818—1893), богослов 183
- Сильвестр, белорусский епископ 121
- Симеон Полоцкий (1629—1680), писатель и проповедник 40, 42, 54
- Сипягин Петр, помещик-разбойник 216
- Скоропадский Иван Ильич (1646—1722), гетман Левобережной Украины в 1708—1722 144
- Смера Иван, половец 168
- Смирнов Михаил Павлович (1834—1877), историк 183
- Снесаревский Петр Викторович, сов. историк 216
- Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) 5, 148, 167, 168, 178, 179, 181—184, 186—203, 205—220, 222—224
- Сологубов Иван, помещик-разбойник 216
- София (1630—1714), курфюрстина ганноверская 61
- София-Шарлотта (1668—1705), королева прусская 61, 213
- София Алексеевна (1657—1704), царица, правительница России в 1682—1689, дочь царя Алексея Михайловича 41—44, 54, 57, 58, 67, 68, 134.
- Срезневский Измаил Иванович (1812—1880), филолог, этнограф, славист 208
- Станислав Лещинский (1677—1766), польск. король в 1704—1711, 1733—1734 91, 144
- Стрешнев Тихон Никитич (1644—1719), боярин, сенатор 212
- Струве Отто Васильевич (1819—1905), астроном 183, 184
- Сумароков Александр Петрович (1717—1777), писатель 206
- Сципионы, в Древнем Риме одна из ветвей рода Корнелиев 153
- Сытин Никифор, помещик-разбойник 216
- Тамерлан см. Тимур
- Тамес Иван Павлович, владелец мануфактуры 139
- Танков Анатолий Алексеевич (1856—1907), историк 206
- Татищев Василий Никитич (1686—1750), гос. деятель и историк 139, 199
- Тиммерман Франц, гол. корабельный мастер 54
- Тимур (1336—1405), среднеазиатский полководец, с 1370 эмир, 11, 12
- Тихомиров Н., литератор 188
- Тихонов Юрий Александрович, сов. историк 208
- Толстой Петр Андреевич (1645—1729), гр., гос. деятель, дипломат 125, 220
- Трубецкой Юрий Юрьевич (1668—1739), кн., президент Главного магистрата 137
- Туманский Федор Осипович (?—1805), писатель 206
- Украинцев Емельян Игнатьевич (1641—1708), дипломат 79—81
- Улу-Мухаммед (?—1445), хан Золотой Орды, основатель Казанского ханства 210
- Ульрика Элеонора Младшая (1668—1741), шведская королева 122
- Унтербергер Ф., литератор 188
- Устрялов Николай Герасимович (1805—1870), историк 188, 200, 206, 222
- Ф-в М. см. Филиппов Михаил Авраамович

- Федор (Феодор) Алексеевич (1661—1682), рус. царь с 1676 41, 42, 73, 74, 134
- Федоров Иван Федорович (ок. 1510—1583), первопечатник 210
- Филипп V (1683—1746), испанский король 214
- Филиппов Михаил Авраамович (1828—1886), юрист и публицист 183, 194, 210—212
- Филофей (Лещинский) (1650—1727), церк. деятель 107, 109
- Фридебург И. К., литератор 189
- Фридрих II Великий (1712—1786), прусский король с 1740 133
- Фридрих-Вильгельм I (1688—1740), курфюрст бранденбургский 133
- Хмельницкий (Зиновий) Богдан Михайлович (ок. 1595—1657), укр. гос. и воен. деятель, гетман Украины с 1648 144, 170, 208, 210
- Хованский Иван Андреевич (?—1682), кн., боярин, воевода, 43, 44
- Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), писатель и публицист 201
- Цамутали Алексей Николаевич, сов. историк 190
- Цимбаев Николай Иванович, сов. историк 190
- Черепнин Лев Владимирович (1905—1977), историк 190, 201, 208
- Чингисхан (1155—1227), основатель Монгольской империи с 1206 11, 12
- Чичерин Борис Николаевич (1828—1904), юрист, историк 199, 203
- Ш., журналист 189
- Шалфеев И. И., литератор 183, 184
- Шарифов Петр Павлович (1669—1739), гос. деятель, сподвижник Петра I 125, 132, 168, 199
- Шевырев Степан Петрович (1806—1864), критик, историк литературы, 202
- Шейн Алексей Семенович (1662—1700), боярин, полководец 68
- Шекспир Уильям (1564—1616) 205
- Шереметев Борис Петрович (1652—1719), гр., сподвижник Петра I, полководец, дипломат 86—88, 90, 91, 99, 112, 117, 154, 215, 220
- Шишкин Петр, помещик-разбойник 216
- Шишкин Семен, помещик-разбойник 216
- Шлиппенбах Вольмар Антон (1650—1739), шведский ген. 87
- Шмурло Евгений Францевич (1853—1935), историк 199
- Штейнбейс Фердинанд (1807—1893), нем. промышленник 186
- Штелин Яков Яковлевич (1709—1785), искусствовед, гравер 168
- Шубинский Сергей Николаевич (1834—1913), историк 186
- Щапов Афанасий Прокопьевич (1831—1876), историк 208
- Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790), кн., историк, публицист 168, 199
- Эмин Федор Александрович (1735—1770), писатель и историк 168
- Энгельс Фридрих 205, 216
- Эрман Жан-Пьер (1735—1814), историк 213
- Ю., журналист 183
- Яворский Стефан (1658—1722), церк. деятель, писатель 107, 108, 217
- Ягужинский Павел Иванович (1683—1736), гр., гос. деятель и дипломат 125, 132
- Языков А., литератор 188
- Ян Собеский (1629—1696), польск. король с 1674 58

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	5
ЧТЕНИЕ ПЕРВОЕ	8
ЧТЕНИЕ ВТОРОЕ	18
ЧТЕНИЕ ТРЕТЬЕ	28
ЧТЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	38
ЧТЕНИЕ ПЯТОЕ	49
ЧТЕНИЕ ШЕСТОЕ	59
ЧТЕНИЕ СЕДЬМОЕ	71
ЧТЕНИЕ ВОСЬМОЕ	81
ЧТЕНИЕ ДЕВЯТОЕ	94
ЧТЕНИЕ ДЕСЯТОЕ	105
ЧТЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ	117
ЧТЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ	129
РЕЧЬ С. М. СОЛОВЬЕВА, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ТОРЖЕСТ- ВЕННОМ СОБРАНИИ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 30 МАЯ 1872 ГОДА	147
ДОПОЛНЕНИЕ	167
ПРИЛОЖЕНИЯ	173
«Публичные чтения о Петре Великом» С. М. Соловьева как памя- тник исторической и общественно-политической мысли (Л. Н. Пуш- карев)	178
Комментарии	205
Условные сокращения	224
Список иллюстраций	224
Указатель имен	

С. М. СОЛОВЬЕВ

ПУБЛИЧНЫЕ ЧТЕНИЯ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

Утверждено к печати Отделением истории Академии наук СССР

Редактор Л. А. Никифоров. Редактор издательства Л. А. Зуева.

Художественный редактор Н. Н. Власик. Технический редактор О. М. Гуськова.

Корректоры О. В. Лаврова, Е. Л. Сысоева

ИБ № 28397

Сдано в набор 24.05.84. Подписано к печати 2.08.84. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура академическая. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,6. Уч.-изд. л. 17,4. Усл. кр. отт. 15,75.

Тираж 100.000 экз. 2-й завод (50.001—100.000). Тип., зак. 687. Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва В-485. Профсоюзная ул., 90.

2-я тип. изд-ва «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

2 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·